

МОСКВА

ИСТОРИЯ РАЙОНОВ

Коллектив авторов
Москва. История районов

«АСТ»

2014

авторов К.

Москва. История районов / К. авторов — «АСТ», 2014

За века своего существования Москва поглотила несколько сот деревень, сел и даже небольших городов, вошедших в современные ее границы. Ныне на их месте стоят новые московские кварталы, а о существовании прежних населенных пунктов напоминают лишь названия отдельных районов, улиц и площадей. В данной книге читатель сможет найти интересующие его подробности по истории каждого административного округа, каждого района столицы, наглядно представить себе древнюю географию современной Москвы.

© авторов К., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Административно-территориальное деление Москвы[1]	6
Введение	8
Москва как мегаполис	9
Центральный округ	42
Кремль	42
Хамовники	91
Арбат	107
Пресненский	113
Тверской	126
Мещанский	140
Красносельский	148
Басманный	151
Таганский	176
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Москва. История районов

© ООО «Издательство АСТ»

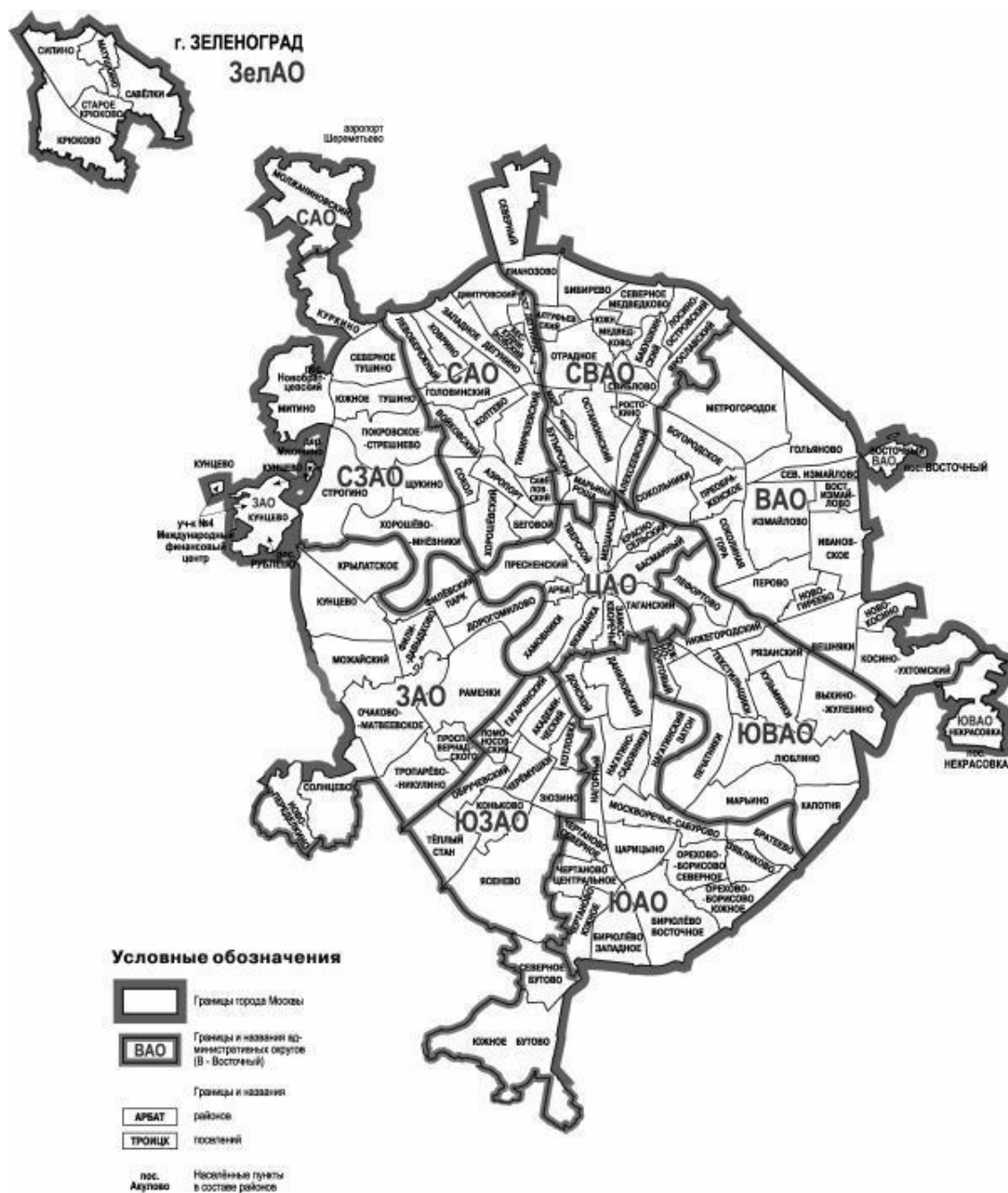
Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Административно-территориальное деление Москвы¹

¹ До расширения территории Москвы 1 июля 2012 г.

Введение

Ф. Я. Алексеев. Вид Соборной площади Кремля

Москва как мегаполис

Хотя Москва является крупнейшим городом современной России, в обыденном сознании россиян она достаточно часто противопоставляется другим российским городам. Причин этому довольно много, но главная из них лежит на поверхности – Москва как по своим размерам, так и образу жизни, занятиям ее обитателей, составу населения заметно отличается от всей остальной страны, являясь своеобразным «государством в государстве». Из всех отечественных городов лишь Петербург приближается по своим характеристикам к российской столице.

При этом подобная ситуация не есть чисто российское явление. То же самое, если не в большей степени, можно сказать относительно других самых значительных городов мира. Так же как Москва, другие крупнейшие мегаполисы мира, такие как Нью-Йорк, Лондон, Париж, отличаются от остальных американских, английских и французских городов.

Отличия крупнейших городов мира от остальных населенных пунктов видны буквально в каждой из сфер жизни их обитателей. В них сосредотачивается большая часть промышленного, финансового, научного, культурного потенциала той или иной страны. Именно в мегаполисах у отдельно взятого человека есть больше шансов проявить свои деловые и иные личные качества, и, как следствие этого, они являются центрами притяжения массы людей различных национальностей, целью которых является стремление сделать карьеру на том или ином поприще. Все это приводит к тому, что даже по национальному составу крупнейшие мегаполисы мира заметно отличаются от населения страны, в которой они находятся.

К сожалению, необходимо констатировать, что в современной исторической науке эта проблема только лишь начинает разрабатываться. Это хорошо видно на примере знакомства с литературой, посвященной истории двух крупнейших мегаполисов России, население которых еще в начале XX в. превысило двухмиллионную отметку: Москвы и Петербурга.

Современный план Московского Кремля

Внимание исследователей истории двух российских столиц пока еще обращено, главным образом, на их историю как собственно городов. Значительно меньше изучено формирование этих городов как всероссийских промышленных, торговых, финансовых, культурных и научных центров, их взаимовлияние со своей округой, страной, зарубежными государствами, остальным миром. Применительно к Москве эти проблемы целесообразно рассмотреть с нескольких точек зрения – что послужило причиной ее превращения в крупнейший город России, какие обстоятельства способствовали этому, почему другие русские города, соперничавшие с Москвой на разных этапах ее исторического развития (Тверь в XIV в., Петербург в XVIII–XIX вв.), в итоге вынуждены были уступить ей пальму первенства и, наконец, каким образом сама Москва воздействовала на развитие всей остальной страны.

Ипатьевская летопись 1147 г.

Самое раннее упоминание будущей столицы России содержится в Ипатьевской летописи. 4 апреля 1147 г. здесь, в небольшом пограничном пункте на рубеже Ростово-Суздальского и Черниговского княжеств, состоялась встреча между суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким и новгород-северским князем Святославом Ольговичем. «Прииде ко мне, брате, в Московъ», – с такими словами обратился Юрий Долгорукий к своему союзнику.

Скупые строки летописца ничего не говорят о том, что представляла собой в это время Москва – была ли она тогда уже небольшим городком или же являлась простым сельским поселением? С определенной долей уверенности можно полагать, что к тому времени Москва представляла собой довольно значительную усадьбу. Об этом свидетельствует то, что здесь должны были достаточно долгое время стоять княжеские дружины, а «обед силенъ», устроенный Юрием Долгоруким своему гостю, был бы невозможен без наличия многочисленных хозяйственных служб.

Была ли данная усадьба владением непосредственно самого князя или же кого-то из его бояр? Дать ответ на этот вопрос позволяет одно наблюдение. В Северо-Восточной Руси было

немало городов, названных именами князей (Ярославль, Дмитров, Владимир, Юрьев и т. д.). Между тем название, под которым в летописи впервые фиксируется будущая российская столица, совпадает с именем реки, на которой она находилась, а не произошло от какого-либо княжеского имени. Отсюда можно достаточно уверенно говорить о том, что поселение на Москве-реке не было основано кем-либо из князей, а изначально являлось частным владением.

Об этом же свидетельствуют и дошедшие до нас в записях XVII в. повести о начале Москвы, рассказывающие о ее легендарном первом владельце боярине Степане Ивановиче Кучке и принадлежавших ему «селах красных», лежавших по течению Москвы-реки. Предание рассказывает о том, что однажды князь Юрий Долгорукий отправился из Киева во Владимир к своему сыну Андрею. По дороге он остановился во владениях боярина, но торжественный прием, который ему оказал Кучка, привел к печальным последствиям. Для своего времени боярин был очень богатым человеком, гордился своим богатством и знатностью, считая себя равным по положению князю, а по размеру богатства даже превосходившим его. Во время пира зашел разговор князя с боярином о его состоянии. Нет, чтобы Кучке приуменьшить количество своих сокровищ, он, наоборот, начал ими хвастать, сравнивая их размеры с тем, чем владел Юрий. Это явно не понравилось князю. Как говорит предание, «той же Кучка возгордился зело и не почте великого князя подобающею честью, яко же довлеет великим княземъ, но и поносив ему к тому жь». Рассерженный похвальбой боярина, Юрий Долгорукий велел схватить Кучку и убить его. Оставшихся после боярина двух малолетних сыновей князь не стал предавать смерти, а отослал во Владимир к своему сыну Андрею.

Так ли это было или по-иному, судить по прошествии нескольких столетий трудно. Летописи ничего не знают о боярине Кучке, но его сыновья «Кучковичи» – лица исторические. Они служили боярами у сына Юрия Долгорукого – Андрея Боголюбского и упоминаются на страницах летописи под 1174 г.

Имя Кучки осталось не только в легенде, но и в названиях местностей. Еще в XIV столетии один из районов современной столицы, между нынешними Лубянской площадью и Сretenскими воротами, именовался Кучковым полем. Но самым важным для нас представляется то, что еще во второй половине XII в. Москва имела и второе название – Кучково. Описывая события этого времени, летописец записал: «Идоша с нимъ до Кучкова рекше до Москвы». Интересно отметить, что это же название – Кучково – встречается и в одной из новгородских берестяных грамот, найденной во время археологических раскопок в Новгороде в 1991 г. и относящейся к тому же XII столетию. Таким образом, «села красные» боярина Кучки – это историческая реальность.

Всеволод Большое Гнездо

Но Москва, занимая чрезвычайно выгодное географическое положение, недолго оставалась сельским поселением. Именно через нее шел важнейший путь из Киева во Владимир, и поэтому неудивительно, что уже через несколько лет после первого упоминания здесь возникает крепость.

Археологические изыскания дают некоторые представления о размерах Москвы этого периода. Посад спускался с Боровицкого холма на низменный Подол, где в ту пору уже очертились контуры улицы с ее городскими дворами. Эта улица тянулась к востоку примерно на две трети территории современного Китай-города. К северу же поселение, видимо, немного не доходило до места, где теперь расположена Соборная площадь. По соседству с ним располагалась небольшая крепость, площадью около 1 гектара, заложенная Юрием Долгоруким. Само же поселение этого времени охватывало территорию приблизительно в 6 раз большую.

На протяжении первых десятилетий своего существования город становится важной пограничной крепостью на рубежах Северо-Восточной Руси и входит в состав Великого Владимирского княжения. После Юрия Долгорукого Москвой последовательно владели его сыновья Андрей Юрьевич Боголюбский и Всеволод Юрьевич Большое Гнездо.

Определенная обособленность Москвы сыграла в истории города двоякую роль. С одной стороны, удаленность Москвы от центра княжества приводила к тому, что именно здесь оседала основная масса переселенцев из районов южной Киевской Руси, раздираемой княжескими усобицами и набегами половцев. Прибывающее население массами оседало на пустую-

щих землях по стыкам Ростово-Суздальской земли с Новгородской республикой, Смоленским, Черниговским и Рязанским княжествами.

С другой стороны, обособленность Москвы приводила к тому, что в ней, как мы уже видели, сравнительно рано появляются постоянные представители княжеской власти в лице княжеских тиунов и наместников. Все эти процессы привели к тому, что уже через несколько десятилетий после своего первого упоминания в летописи Москва становится центром удельного княжества.

После смерти Всеволода Большое Гнездо в 1212 г. его преемником на владимирском столе стал не старший сын Константин, а второй сын Юрий. По завещанию отца вместе с Владимиром Юрий получил и Москву. К этому времени город стал уже довольно значительным центром Северо-Восточной Руси.

Именно это обстоятельство сыграло существенную роль в том, что четвертый сын Всеволода Большое Гнездо Владимир, на долю которого, согласно последней воле отца, был выделен Юрьев-Польский, в 1213 г. попытался захватить Москву, сделав ее центром своего удела. Однако эта попытка не удалась, а Владимир просидел на московском столе всего несколько месяцев. Москва не стала тогда столицей самостоятельного княжества, а город возвратился к великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу.

К сожалению, наши сведения о Москве этого времени крайне скудны – на протяжении четверти века, с 1213 г., известия о ней отсутствуют в летописи. Следующий раз она упоминается летописцем лишь зимой 1238 г. при описании нашествия Батыя. Татары захватили город, убили воеводу Филиппа Нянку и захватили в плен сына великого князя Юрия Всеволодовича – Владимира. Некоторые историки расценивают упоминание последнего в Москве как показатель существования уже в это время самостоятельного Московского удела. Правда, при этом летописец называет Владимира не князем, а княжичем. На основании этого другие исследователи полагают, что Москва к этому времени еще не выделилась в отдельное княжество. Несомненно лишь одно – пребывание Владимира зимой 1238 г. в Москве было в первую очередь связано с тем, что его отец попытался организовать оборону против нашествия иноземцев. Однако это не удалось, и взятый в плен княжич погиб от рук завоевателей.

Гибель в сражении на реке Сить великого князя владимирского Юрия Всеволодовича привела к тому, что великокняжеский стол перешел к его брату Ярославу Всеволодовичу, третьему сыну Всеволода Большое Гнездо, внуку Юрия Долгорукого. На его долю выпала задача собрать уцелевших после вражеского нашествия жителей Северо-Восточной Руси.

Шлем князя Ярослава Всеволодовича

Волна монголо-татарского нашествия к началу 40-х г. XIII в., прокатившись по всей Восточной Европе, на долгие столетия определила весь дальнейший ход исторического развития этой части континента. Ярослав Всеволодович, понимая всю опасность дальнейшей конфронтации с Золотой Ордой, которая могла бы привести к физическому уничтожению русских княжеств, вынужден был вести осторожную политику: внешне подчиняясь татарским ханам, он исподволь приступил к восстановлению из руин Русской земли.

Политику Ярослава по укреплению русских земель продолжили и его сыновья. Именно в этот период Москва окончательно выделяется в самостоятельное княжество. Первым собственным московским князем летописец называет Михаила Ярославича Хоробрита, одного из сыновей Ярослава Всеволодовича. Впрочем, княжил он здесь недолго. Москва, вероятно, досталась ему по семейному разделу 1247 г., а уже зимой 1248/49 г. летописец сообщает о его гибели в сражении с литовцами на реке Протве.

После Михаила Хоробрита источники не упоминают московских князей. Очевидно, город по-прежнему входил в состав великого княжения Владимирского. Известно, что в середине XIII в. Москвой распоряжался брат Михаила Хоробрита великий князь Александр Ярославич Невский.

Александр Невский скончался в 1263 г., и Москва досталась его младшему сыну Даниилу Александровичу. Но двухлетний Даниил (он родился в 1261 г.) был слишком мал для самостоятельного княжения. Судя по одному известию Тверской летописи, на протяжении семи лет Москвой управляли тиуны (наместники) Ярослава Ярославича Тверского, ставшего после смерти своего старшего брата Александра Невского великим князем владимирским.

Вплоть до его кончины в 1270 г. Даниил был московским князем чисто формально. И лишь только с начала 70-х г. XIII в. он стал княжить самостоятельно. Во всяком случае, первое летописное упоминание Даниила Александровича как самостоятельного московского князя относится лишь к 1282 г. Именно с этого времени можно твердо говорить, что Москва становится центром особого княжества, а Даниил Александрович – родоначальником династии

московских князей, а затем и царей, непрерывно правивших городом на протяжении трех столетий, вплоть до пресечения династии Рюриковичей на исходе XVI столетия.

Москва возвысилась в XIV в. Это столетие занимает особое место в ее истории. Если в его начале мы едва замечаем Москву среди других ее более сильных соседей, то уже к 1380 г. московскому великому князю Дмитрию Донскому удастся собрать под свои стяги силы большинства русских княжеств и выйти с ними на Куликово поле. Всего за несколько десятилетий или, иными словами, за время жизни двух поколений московским князьям удалось фактически превратить свой город в политическую, культурную, экономическую и церковную столицу Руси. Такое поразительно быстрое для средневековых темпов возвышение Москвы было вызвано несколькими причинами, а его успех был обеспечен их сочетанием.

Александр Ярославич Невский. Фреска Архангельского собора

Важное значение имело географическое положение Москвы. Следствием монголо-татарского нашествия и усилившегося натиска Литвы стало то, что основная масса русского населения оказалась зажатой на довольно небольшой территории Волго-Окского междуречья. Именно в ее центре и располагалась Москва, вдали враждебных государств – Золотой Орды и Литвы, защищенная от них другими русскими княжествами.

Выгодное положение Москвы в центре страны избавляло ее от разорений, которые испытывали окраинные княжества вследствие набегов воинственных соседей. Превращение Москвы в конце XIII в. из небольшой крепости в столицу княжества способствовало быстрому росту ее населения, и в ней поселились придворные и аристократы, появились монастыри, многочисленные ремесленники и торговцы, обслуживавшие разнообразные потребности княжеского хозяйства, увеличившегося гарнизона и других жителей города. В Подмоскovie пере-

селялись крестьяне из других русских княжеств. Часть из них оседала в городе и его ближайших пригородах. Они занимались ремеслом, торговлей и неквалифицированным трудом.

Второй географической причиной, способствовавшей возвышению Москвы и росту ее как города, стало ее положение на перекрестке торговых путей.

Москва-река, на которой стоит город, впадает в Оку, Ока – в Волгу, главную дорогу, по которой шел торговый путь на Восток. Москва оказалась связанной прямым путем с Золотой Ордой, Закавказьем, Персией и Средней Азией. По рекам Москве и Оке можно подойти к Рязани, от которой было четыре дня пути по суше до реки Дон. Путь по Дону вел в Азовское море, а из него – в Черное море. Это была прямая и удобная дорога в Константинополь (Стамбул), связывавший Москву со Средиземноморьем. От подмосковного Дмитрова начинался речной путь в Волгу, по которой через другие реки можно доплыть до Новгорода на северо-западе и до Вологды на северо-востоке. Новгород открывал путь в Западную Европу, Вологда – на побережье Северного Ледовитого океана и через город Великий Устюг в далекую Сибирь.

Таким образом, Москва расположилась на перекрестке важнейших торговых путей, связывавших ее с Западной Европой, Закавказьем, Средней Азией, Севером и Сибирью.

И хотя в таком же выгодном географическом положении находились и некоторые другие русские города – центры других княжеств, например Владимир и Тверь, Москва одержала победу в соперничестве с ними вследствие более удачной политики московских князей, которые сумели приобрести, удержать и использовать поддержку Золотой Орды, несмотря на то, что последняя стремилась сталкивать русских князей между собой и этим ослаблять их.

Все это самым непосредственным образом отразилось и на городе. Рубеж XIII–XIV вв., ставший временем начала формирования Москвы как столицы самостоятельного княжества, а позднее и Русского государства, ознаменовался расширением городской территории. Наряду с Великим посадом, располагавшимся на территории Зарядья и нынешнего Китай-города, возникает и второй посад – за Неглинной. В противоположность главному посаду у стен крепости, населенному ремесленниками, район Занеглименья, по мысли И. Е. Забелина, был населен в это время хлебопашцами и княжьими людьми. Что же касается городских укреплений, они были заменены новыми, строительство которых относится к концу княжения Ивана Калиты (1339).

Белокаменный Кремль времен Дмитрия Донского несколько увеличил укрепленную территорию, в связи с чем посад был отодвинут к востоку. Судя по летописному известию конца XIV в., при сыне Дмитрия Донского – Василии I для его защиты был устроен ров от Москвы-реки до Неглинной (в районе Лубянки). Это дает все основания считать, что границей московского посада конца XIV – начала XV в. уже фактически стало позднее Бульварное кольцо.

Даниил Московский. Фреска Архангельского собора

Обратившись к карте города XIV в., легко заметить, что практически с момента своего основания Москва оказалась окруженной плотным кольцом пригородных сел. К востоку от древнего московского посада, тесно примыкая к нему, располагалось село Кулишки (в районе современной Славянской площади) – вероятно, одно из тех «сел красных» вокруг Москвы, владение которыми предание приписывает еще полулегендарному боярину Кучке. На юге территорию города долгое время естественным образом ограничивала Москва-река. За нею лежали села Хвостовское (в районе современных Хвостовых переулков), когда-то принадлежавшее боярину XIV столетия Алексею Петровичу Хвосту, и Кадашево, память о котором сохранилась до сих пор в названиях Кадашевской набережной и переулков. К западу от Кремля, в районе Остоженки, находилось село Семчинское, одно из древнейших подмосковных сел, упоминаемое еще в завещании Ивана Калиты. По соседству с ним, в районе нынешней Российской государственной библиотеки, стояло село Старое Ваганьково, место которого и сейчас легко определить по небольшой церкви, стоящей в библиотечном дворе, позади знаменитого Дома

Пашкова. Эти топографические указания довольно точно очерчивают пределы московского посада рубежа XIV–XV вв. Долгое время городская черта не пересекала этих границ.

Иван I Данилович Калита

Дмитрий Иванович Донской

Москве понадобилось всего лишь два столетия, чтобы окончательно объединить вокруг себя практически все русские княжества. Создание единого Российского государства означало новую перемену в характере Москвы.

Приблизительно с конца XV в. при Иване III в Москву потянулась знать из ранее самостоятельных княжеств, и начинается бурный рост городской территории. При этом он во многом происходит за счет бывших пригородных селений. Показателем этого процесса служит появление новых линий городских укреплений. В 1485–1495 гг. строительство нынешнего Кремля (он занял территорию 0,26 кв. км) окончательно сформировало центр города. В 30-е гг. XVI в. территория «великого посада» была обнесена каменной стеной и получила название Китай-города. Тем самым укрепленная площадь Китай-города вместе с Кремлем составила 1,07 кв. км.

Расширение административных функций Москвы, увеличение ее гарнизона, строительство княжеского (потом царского) замка – Кремля и других укреплений, домов знати, богатых купцов способствовали притоку населения и увеличению спроса на продукты питания, одежду, обувь, топливо, строительные материалы, что повлекло за собой развитие московского ремесла и торговли и появление первых мануфактур. В Москву стекались крестьяне из окрестных сел, переселялись горожане из других городов.

Уже к XVI в. Москва намного превосходила все остальные города страны по своим размерам и численности населения. По приблизительной оценке, в ней было около 100 тыс. человек. Посетивший ее в начале XVI в. один из иностранцев нашел, что она вдвое больше, чем Прага, а английскому путешественнику Ричарду Ченслеру в середине столетия она показалась больше Лондона с предместьями.

Следствием крайне быстрого роста населения города в XVI в. стало новое расширение его границ. В 1586–1593 гг. возникает третья по счету каменная стена Москвы, полукольцом охватившая Кремль и Китай-город по линии нынешних бульваров. Эта часть столицы стала именоваться Белым городом. Но и эта стена не смогла опоясать все городские кварталы. Уже в 1592–1593 гг. столицу по линии нынешнего Садового кольца окружили деревянные стены Скородома. Эти укрепления, сожженные в 1611 г. во время иностранной интервенции, были восстановлены в конце 30-х гг. XVII в. в виде земляного вала с частоколом на нем, а опоясанная им часть городской территории получила наименование Земляного города. Всего тем самым площадь города составила 19,46 кв. км.

По удачному выражению И. Е. Забелина, в XVII в. именно слободы явились основной «растительной клеточкой Москвы». Первые, еще очень неясные, данные о существовании московских слобод относятся к XIV в. Но только со второй половины XVI в. сведения о них приобретают более систематический характер. И лишь из документов XVII в. можно составить достаточно четкое представление о местоположении отдельных московских слобод, их числе и внутреннем устройстве.

Расширением границ города в XVI–XVII вв. объясняется то, что слободы находились практически по всей территории Москвы, за исключением Кремля и Китай-города. Кремль с самого начала представлял собой не только крепость, но и административный центр как самой Москвы, так и всего государства. Слобод здесь не было вовсе. Что же касается Китай-города, то в нем в XVII в. числилась всего одна слобода патриарших певчих, близ нынешнего Ветошного переулкa, носившего в XVII в. название Певчего, но фактически в XVII столетии здесь певчие уже не жили, здешние дома и дворы отдавались внаймы под склады и лавки, а сама слобода была переведена ближе к границе города. Количество слобод возрастало по мере приближения к границам города. В Белом городе значилась 21 слобода, но главная их масса находилась в Земляном городе, включая Замоскворечье, а также за чертой городского вала.

Согласно данным историка С. К. Богоявленского, специально изучавшего московские слободы, всего в столице насчитывалось несколько десятков слобод. По сословному составу жителей, характеру профессий и повинностей их можно разделить на пять больших групп.

Первую составляли дворцовые и казенные слободы, общим числом в 51 слободу, жители которых обслуживали обширное дворцовое хозяйство. Из них ряд слобод назывался по ремесленным специальностям: Барашская, Басманная, Бронная, Гончарная, Денежная, Иконная, Кадашевская, Кошельная, две Кузнецкие, Печатная, Плотничья, Сыромятная, Трубничья, Хамовная слободы. К ним можно добавить три слободы каменщиков (Каменная слобода у позднейшей Смоленской площади, Каменная за Яузой, Каменщикова, располагавшаяся там же, где ныне находятся улицы Большие и Малые Каменщики). Существовали дворцовые слободы, населенные огородниками и садоводами (Огородная слобода и три Садовнические), несколько конюшенных слобод (Конюшенная Большая, Конюшенная Новая, Лужники Большие и Лужники Малые), Овчинная слобода. В них проживали бараши (мастера по изготовлению шатров), басманники, изготавливавшие оклады на иконах, бронники, гончары, денежники, иконники, кадаши (ткачи), котельники, кошельники, огородники, печатники, вырезавшие печати, плотники, садовники, суконники, кожевники и т. д.

Особый характер имели ямские слободы (Дорогомилевская, Коломенская, Переяславская, Рогожская, Тверская), обслуживавшие перевозки по дорогам, ведущим из Москвы. В

ряде слобод жили люди, непосредственно обслуживавшие царский двор. Память о них сохранилась в характерных названиях переулков: Скатертный, Хлебный, Столовый, Ножовый.

Вторую группу московских слобод представляли военные поселения, насчитывавшие в своем составе 33 слободы. Сведения о первых стрелецких слободах относятся к середине XVI в. Стрельцы жили слободами на Моховой улице – против Боровицких ворот Кремля; в начале Тверской улицы, в районе современной Манежной площади; на Лубянской площади и современном Лубянском сквере – в их задачу входила охрана Кремля и Китай-города. Но много стрелецких слобод было сосредоточено около ворот Земляного города, причем по соображениям стратегического характера большая их часть находилась в Замоскворечье.

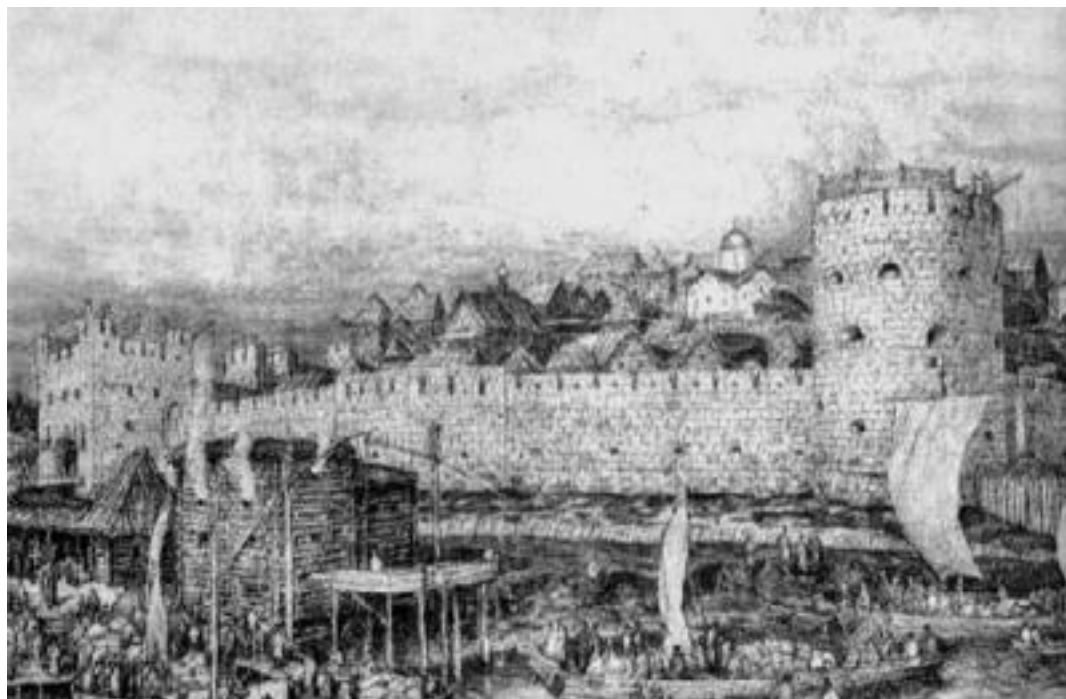
Монастырские и владычные (патриаршие и митрополичьи) 26 слобод образовывали третью группу. Монастырские слободы располагались, как правило, около московских монастырей. Известны слободы Алексеевского, Петровского, Саввинского, Новодевичьего, Новинского, Симонова монастырей. Исключение составляли Чудов и Вознесенский монастыри, которые располагались в Кремле и у которых не было возможности иметь по соседству с собой жилища обслуживавших их лиц. Так, одна из слобод Чудова монастыря находилась в районе Рождественки, другая – неподалеку от Девичьего поля.

Храм Всех Святых на Кулишках. Фото XIX в.

Обширное патриаршее хозяйство, уступавшее по своим размерам лишь дворцовому, обслуживали патриаршие слободы, лежавшие по большей части в Земляном городе и за его пределами. В районе Пресни был устроен патриарший Конюший двор, рядом с которым жили конюхи, отчего вся местность называлась Конюшки. Возле нынешнего Киевского вокзала сто-

яла патриаршая слобода рыбаков – Бережки, о существовании которой до сих пор напоминает название Бережковской набережной.

А. М. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрии Донском

Свои слободы имели и крупные церковные иерархи. Против Бережков, на левом берегу Москвы-реки, еще с XV в. находилось подворье ростовского епископа, рядом с которым лежала слобода его работных людей. Память о ней сохранилась в названиях современных Ростовской набережной и переулков. Имел свою слободу, располагавшуюся за Сретенскими воротами Земляного города, и крупнейший из русских монастырей – Троице-Сергиев.

Сигизмундов план Москвы. 1610 г.

Восемь «иноземческих» слобод составляли особую четвертую группу. К их числу относились Немецкая, Панская, Старопанская, Татарская и Мещанская слободы.

Стены Белого и Земляного города. Фрагмент Сигизмундова плана Москвы. 1610 г.

Наконец, к пятой группе можно отнести 25 тяглых слобод, носивших специальное наименование «черных слобод», населенных ремесленниками, которые, отбывая некоторые виды «государевых служб», вместе с тем выполняли и частные заказы.

Таким образом, в XVII в. в Москве всего насчитывалось до полутора сотен слобод. Но абсолютно точного числа московских слобод установить нельзя – их количество не являлось постоянной величиной. По мере увеличения населения той или иной слободы за черту города выносились «выселки», куда переселялась часть населения из прежних слобод, и возникали слободы, которые потом еще долго именовались «новыми». Такой, к примеру, была Новая Конюшенная слобода. Другие слободы, наоборот, по разным причинам «ослабевали» и входили в состав других слобод.

Еще одной особенностью Москвы, проявившейся уже в XVII в., явилось то, что она стала крупнейшим городом России. Во второй половине этого столетия в Москве, по приблизительным подсчетам, было около 100 тыс. человек, т. е. почти столько же, сколько во всех прочих русских городах.

С рубежа XVIII в. появляются относительно достоверные сведения о численности и составе московского населения. Первоначально здесь производятся подворные переписи (особенно ценная за 1701 г.). Затем им на смену приходят церковные исчисления (с 30-х гг. XVIII в.) и текущий полицейский учет (окончательно организован только в начале XIX в.). Что же касается ревизского учета (1719–1858), то он регистрировал только приписное податное население и поэтому фиксировал количество горожан очень неполно. Он позволяет учесть только городское податное население (посадских, а с 70-х гг. XVIII в. – купцов и мещан), кото-

рое составляло меньшую часть реальных жителей городов России, а в Москве около одной пятой ее населения.

XVIII столетие ознаменовало новый перелом в истории Москвы. В 1703 г. Петр I начинает постройку новой столицы – в устье реки Невы возникает новый город Санкт-Петербург. Туда переносятся высшие административные учреждения, приближенные царя строят там дома. Туда же переводится гвардия. На постройку города мобилизуются крестьяне и ремесленники со всей России, главным образом из северных районов. Смертность была ужасающей, но город рос. Одновременно с крепостью сооружается верфь. В новый город на постоянное жительство переводятся купцы и ремесленники из других городов. Значительная часть их переселяется из Москвы.

Материалы первой четверти XVIII в. показывают достаточно заметное уменьшение числа московского населения. Если в конце XVII в. в Первопрестольной было около 7 тыс. семей посадских людей, то к 1709 г. их осталось около 2,7 тыс. Сокращение численности жителей Москвы продолжалось вплоть до 1723 г., практически до конца петровского царствования.

А. М. Васнецов. Стрелецкая слобода

Москва в XVIII в. продолжала оставаться крупнейшим центром промышленного производства и торговли. В середине столетия в ней было больше половины всех мануфактур в стране. Московские текстильные мануфактуры начали раздавать работу на дом подмосковным крестьянам, оказав, таким образом, влияние на расширение района домашнего ткачества. Крестьяне стали даже забрасывать сельское хозяйство, так как заниматься ткачеством было выгоднее. Так постепенно формировались будущие рабочие мануфактур и фабрик. Особенно развилась посредническая торговля: уже в первой четверти XVIII в. Москва стала крупным хлебным рынком. В городе, по неполным данным, было около 5 тыс. лавок, а не менее 2 тыс. крестьян торговали, не имея лавок. По впечатлению современников, из-за того, что после окончания сельскохозяйственных работ много крестьян приходило в Москву, ее население возросло на треть или даже вдвое.

Мужской костюм XI в.

Костюм княжны XI в.

К концу XVIII в. в Москве сложилась значительная по численности и капиталам группа купцов, почти 300 купцов с капиталом около 3 млн руб. Однако банковский кредит был еще очень слаб, попытки учредить купеческий банк оказались неудачными, русские купцы вынуждены были получать долгосрочные кредиты у иностранцев. Не удалось тогда и основать биржу.

Постройка Камер-Коллежского вала, завершившаяся в 1742 г., надолго определила границы города. В отличие от других колец Москвы он был построен не с оборонительными целями, а с таможенными. На его 16 заставах (позднее к ним добавились еще две) собирались различного рода таможенные сборы и платежи. С 1754 г., когда были отменены внутренние таможенные платежи, он стал считаться неофициальной границей Москвы.

При этом при постройке Камер-Коллежского вала в состав Москвы вошло довольно много селений: Даниловское, Красное село, Лужники, Преображенское, Рубцово-Покровское, Сущево, Бутырки, Грузинская слобода и ряд др.

Реформы Петра I в области культуры имели большое значение для формирования дворянского общества. С ростом значения Петербурга как новой столицы, особенно после указа об освобождении дворянства от обязательной службы (1762), Москва стала местопребыванием опальной знати. Это обстоятельство породило новое явление – вокруг Москвы возникает целое ожерелье дворянских усадеб, наиболее знаменитыми из которых были позднее вошедшие в черту нынешнего города Останкино, Кусково, Кузьминки. К Москве тянулось и многочисленное провинциальное дворянство, связанное родственными узами. Сформировалась особая группа фрондировавшего московского дворянства, к мнению которого прислушивалось правительство. Помещики окрестных губерний зимой съезжались в Москву, богачи держали «открытый стол», принимая любых, в том числе и незнакомых, дворян, устраивали балы, на которые вывозили дочерей и женихов, начинавших вести светский образ жизни. Это хлебосольство, радушие, общительность противопоставлялись замкнутости петербургского высшего общества, сухости высшей бюрократии.

Костюм зажиточного поселянина XII в.

Костюм княжны XI в. (по византийской рукописи)

Охотничий костюм XV в.

Девичий костюм XIII в.

Несмотря на утрату своего столичного статуса, Москва продолжала оставаться крупнейшим центром культуры. В 1755 г. по инициативе М. В. Ломоносова в ней был основан первый русский университет, при котором возникли научные общества (в Петербурге университет появился лишь в 1819 г.). Во второй половине XVIII в. в Москве издавались 10 литературных и 5 научных журналов, которые вызвали широкий интерес русского образованного общества в других городах. Развивалась книжная торговля.

В 1775 г. Екатериной II был утвержден «Прожектированный план городу Москве». Согласно ему, она была разделена в черте Камер-Коллежского вала на собственно город (по линии Бульварного кольца) и на так называемые предместья (между Бульварным кольцом и Камер-Коллежским валом). Поскольку в этом пространстве имелось много неосвоенных земель, дальнейшее расширение городской застройки шло именно в пределах Камер-Коллежского вала. В 1806 г. он был признан официальной полицейской границей города.

В это время Москва относилась к числу крупнейших городов Европы. В начале XVIII в. она мало уступала таким столицам, как Вена и Рим. И лишь в Париже и Лондоне народонаселение оказалось гораздо большим (почти в пять раз). За XVIII в. в Лондоне и Вене, как и в Москве, число жителей удвоилось, в то время как в Париже и Риме оно возросло не слишком значительно (3,2 % и 19,6 % соответственно). Из европейских столиц по динамике численности в XVIII в. Москву обгонял лишь Берлин, население которого увеличилось почти в три раза, а в России – Петербург, который к концу века уже опережал Первопрестольную по числу жителей.

В первой половине XIX в. рост народонаселения Москвы продолжился практически такими же темпами. Если в 1810 г. в Москве насчитывалось 229,8 тыс. жителей, то к 1830 г. (несмотря на войну 1812 г., во время которой Москва почти полностью сгорела) их было уже 261,4 тыс. человек, к 1840 г. – 334,0 тыс. человек, а к 1846 г. – 366,1 тыс. жителей. При этом число московских жителей увеличивалось не за счет естественного прироста населения, который в середине XIX в. был даже отрицательным, а вследствие мощного притока крестьян из

окрестных губерний на заработки. В 1810 г. в Москве было учтено 145 тыс. крестьян (63 % всех жителей), а в 1846 г. – 202 тыс. (55 %).

Боярский костюм XVI–XVII вв.

Мужской костюм XVII в.

К середине XIX в. Москва являлась (после Петербурга) вторым по численности жителей городом в России. И хотя Москва оставалась одним из крупнейших городов мира (в этом отношении она превосходила Мадрид и Рим), все же ее стремительно опережают такие быстрорастущие города, как Берлин и особенно Нью-Йорк. А ведь еще в начале XIX в. в последнем было почти в два раза меньше жителей, чем в Москве.

Отмена крепостного права в 1861 г. и последовавшие за ней реформы открыли возможности для широкого развития капиталистического производства: обезземеленное крестьянство хлынуло в города, предприниматели получили дешевые рабочие руки. Население Москвы росло преимущественно за счет переселенцев из других губерний.

И хотя Москва продолжала оставаться вторым по числу жителей городом России, ее отставание от других крупнейших городов мира еще более увеличилось. Если в 1850–1900 гг. население Москвы увеличилось в 3,1 раза, то за тот же период в Нью-Йорке оно выросло в 4,9 раза, в Берлине – в 4,7 раза, в Вене – в 4 раза, в Лондоне – в 3,2 раза, в Риме – в 3,6 раза. Правда, по этому показателю Москва все же обгоняла такие города, как Париж (2,5 раза) и Мадрид (2,2 раза).

Женский костюм XVII в.

Боярский костюм XVII в.

Костюм царевны XVII в.

Княжеский костюм XVII в.

Лишь в самом начале XX в. (с 1901 по 1910 г.) в истории Москвы наблюдаются самые высокие темпы прироста численности населения. За этот период оно возросло на 46,5 % – с 1079,4 тыс. человек до 1580,9 тыс. жителей. Следующее десятилетие – с 1910 по 1920 г., на которое пришлось Первая мировая война, две революции и Гражданская война, ознаменовалось резким сокращением московского населения (на 38,6 % – с 1580,9 тыс. человек в 1910 г. до 1141,0 тыс. человек в 1920 г.). С 1915 г. естественный прирост населения в Москве становится отрицательным. Однако не он имел решающую роль в сокращении числа жителей. Главным явился огромных размеров отрицательный баланс миграции (388,8 тыс. человек). Превышение оттока над притоком стало особенно заметным с 1917 г.

В 1918 г. он достиг 195,1 тыс. человек, а в 1919 г. – 238,8 тыс. человек. Минимальным население города оказалось в 1921 г. – 1141,0 тыс. человек.

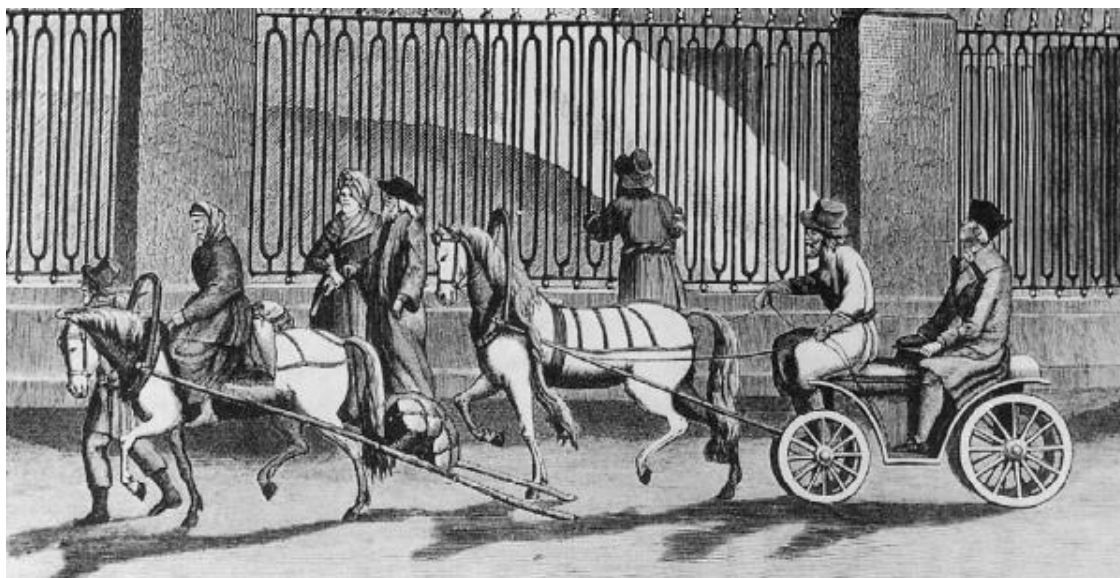

План Москвы. Гравюра О. Климкина. 1856 г.

В 1920-е гг. численность населения в Москве снова увеличивается. За период 1921–1930 гг. население Москвы увеличилось на 144 % (с 1141,0 тыс. человек до 2784,0 тыс. жителей). При этом так же, как и в предыдущие годы, это увеличение шло главным образом за счет мигрантов (естественный прирост составил 260 тыс. человек, а механический – 1383,4 тыс. человек). Подобная же ситуация складывалась и в 1930-е гг. (с 1931 по 1940 г. население Москвы выросло на 55 %: из них естественный прирост составил 286 тыс. человек, а механический – 1264 тыс. человек). В целом же в Москве в 1941 г. проживало 4333,8 тыс. жителей.

Столь быстрый прирост населения в столице во многом объясняется чисто экономическими причинами, в первую очередь большим промышленным строительством. Его размах

был настолько велик, что значительная часть новых производств просто не умещалась даже в новых расширенных городских границах. Москва нуждалась в металле, и в подмосковном Ногинске было построено несколько сталеплавильных заводов, создав основу этого современного города. Под Коломной был построен паровозостроительный завод, в Мытищах – вагоностроительный, в Люберцах был переоборудован завод сельскохозяйственных машин. Были расширены многие текстильные предприятия вокруг Москвы, построены заводы искусственного волокна, химические, цементные, кирпичные и другие.

Извозчики. Гравюра XVIII в.

Великая Отечественная война привела к резкому снижению численности московского населения. Отток жителей из города в самые тяжелые для него военные дни превысил 2,1 млн человек и к началу 1942 г. здесь проживало только 2,2 млн человек – самая низкая с 1928 г. величина (тогда тоже было 2,2 млн жителей). В истории Москвы с момента появления здесь статистики движения населения не было другого года, когда бы город покинуло, хотя бы и временно, столько людей. Но уже достаточно быстро возврат людей в город принимает все более быстрые темпы (в 1942 г. – 311 тыс., в 1943 г. – 578 тыс. человек). В 1945 г. число жителей в Москве составило 3325 тыс. человек. Уже к 1951 г. население столицы превысило довоенный уровень и составило 5347 тыс. человек.

После окончания Великой Отечественной войны возобновилось и расширение территории города. В состав Москвы вошел (в основном в 1949 г.) ряд новых селений: Мневники, Отрадное, Серебряный Бор, Покровское-Стрешнево, Терехово, Голенищево, Хорошево, Щукино, Южное Измайлово, Карамышево, Воронцово-Троицкое. С 1941 по 1958 г. площадь Москвы увеличилась с 326,17 до 379,4 кв. км.

Коробейник. Открытка начала XX в.

Применительно к послевоенному периоду, численность населения города хотя и продолжала увеличиваться, но показатели общего прироста постепенно начинают снижаться. В 1951–1960 гг. количество москвичей увеличилось на 16,7 %, в 1961–1970 гг. – на 16,9 %, в 1971–1980 гг. – на 14,1 %, в 1981–1990 гг. – на 8,1 %. При этом в отличие от всей страны население Москвы по-прежнему продолжало расти в основном за счет мигрантов из других областей и республик СССР.

Мальчик-носильщик. Открытка начала XX в.

Восстановление промышленности и строительства жилья в Москве, которая очень расширилась в 1950-х гг., повлекло за собой новый приток рабочих, прежде всего строителей. В 1945–1950 гг. в Москву переселилось около 1,5 млн человек, в 1951–1958 гг. – около 0,8 млн человек, в 1959–1987 гг. – еще около 2,1 млн человек. В 1959–1969 гг. средняя ежегодная численность переселенцев составляла приблизительно 62 тыс. человек, в 1970–1979 гг. – 74 тыс. и в 1980–1987 гг. – 80 тыс. человек. Не все из них, но большинство осталось жить в Москве. В 1980-х гг. количество переселенцев административными мерами было ограничено приблизительно 100 тыс. человек в год. Такие мигранты получили название «лимитчиков».

Торговля у ларька

Конка с пассажирами. Фото 1900-х гг.

В 1960 г. происходит одно из самых значительных в истории Москвы увеличений ее площади (более чем в 2,3 раза – с 379,4 до 886,5 кв. км). Согласно указам Президиума Верхов-

ного Совета РСФСР от 18 августа 1960 г. и 11 ноября 1961 г., граница города была установлена по Московской кольцевой автомобильной дороге. В черту Москвы вошли целые города: Тушино, Бабушкин, Кунцево, Люблино, Перово и масса ближайших подмосковных сел и деревень. Всего здесь проживало 515 тыс. человек. В 1965 г. в черту Москвы был включен Зеленоград, первый из планировавшихся в это время городов-спутников столицы (который так и остался единственным).

Наконец, последнее по времени расширение Москвы пришлось на 1985 г., когда в ее черту были включены территории за кольцевой автодорогой: Солнцево, Бутово, Косино, Некрасовка, поселок Северный, части территории Химкинского района. Тем самым территория Москвы увеличилась до 998 кв. км.

Вместе с тем, говоря о расширении территории города в XX в., следует отметить такое новое явление, как возникновение Московской городской агломерации. Под этим термином географы понимают компактно расположенную группу городских и сельских поселений, объединенных в сложную систему, связанную разнообразными стабильными связями в виде маятниковых миграций, т. е. ежедневных поездок из одних населенных пунктов в другие.

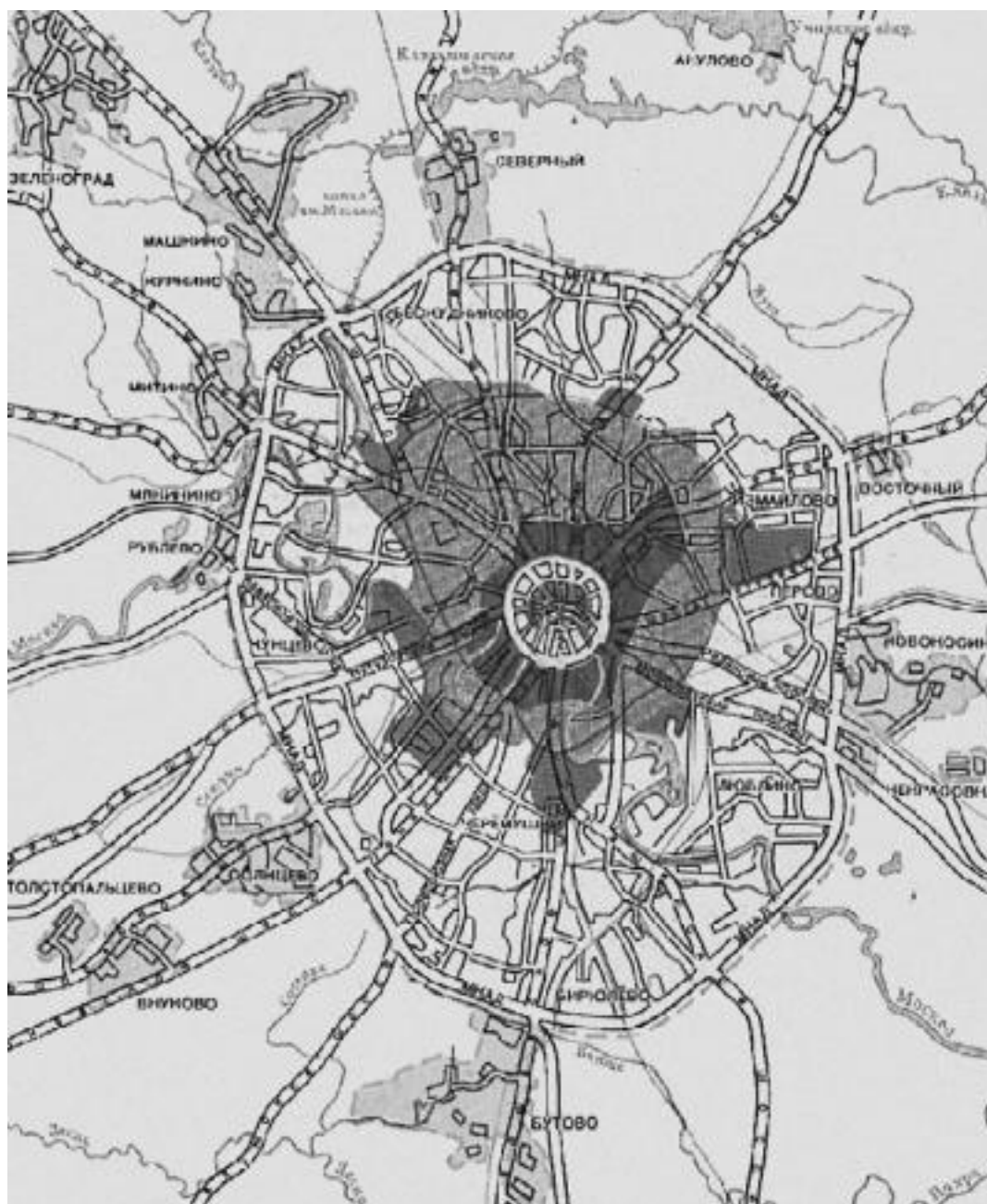
Демонстрация на Красной площади. 1920-е гг.

В состав Московской агломерации помимо Москвы входят еще 40 городов, из которых 14 имеют население свыше 100 тыс. жителей, а также несколько десятков поселков городского типа. Это самое крупное в России скопление городских и сельских поселений. Ее границы проходят приблизительно в 70 км от Московской кольцевой автодороги, а контур имеет звездообразную конфигурацию с выступами, протянувшимися вдоль железных и автомобильных дорог приблизительно по линии следующих подмосковных городов: Пушкино, Красноармейск, Щелково, Ногинск, Раменское, Бронницы, Подольск, Апрелевка, Звенигород, Истра, Солнечногорск, Лобня. Географы оценивают площадь этого скопления городов приблизительно в 13,6 тыс. кв. км, из которых Москва занимает около 8 % территории. Численность агломерации оценивается в 14–15 млн жителей.

Жилые дома в Новых Кузьминках. 1960 г.

При этом входящие в состав Московской городской агломерации города можно условно разбить на два пояса. Первый из них сформировался в 10–15 км от границ Москвы в условиях наиболее активного взаимодействия ближайших городов со столицей. Десять городов-спутников (Химки, Долгопрудный, Мытищи, Королев, Балашиха, Реутов, Люберцы, Видное, Одинцово, Красногорск), не считая Зеленограда, административно являющегося частью Москвы, по образу жизни населения, условиям проживания, своим функциям, типу застройки, транспортной доступности по сути представляют внешние окраинные районы Москвы. Из них ежедневно на работу в столицу выезжает 30 % занятого населения, а в целом каждый их житель ежегодно совершает более 50 поездок в столицу. Ко второму поясу относятся города, более удаленные от Москвы (примерно в радиусе 50–70 км от ее границ), но тесно связанные с ней. Из относящихся к нему 30 городов, крупнейшие из которых: Подольск, Электросталь, Ногинск, Щелково, Жуковский, ежедневно выезжает на работу в столицу 15 % занятого населения, а каждый житель за год в среднем бывает в ней около 30 раз.

Рост территории Москвы с XII до конца XX в.

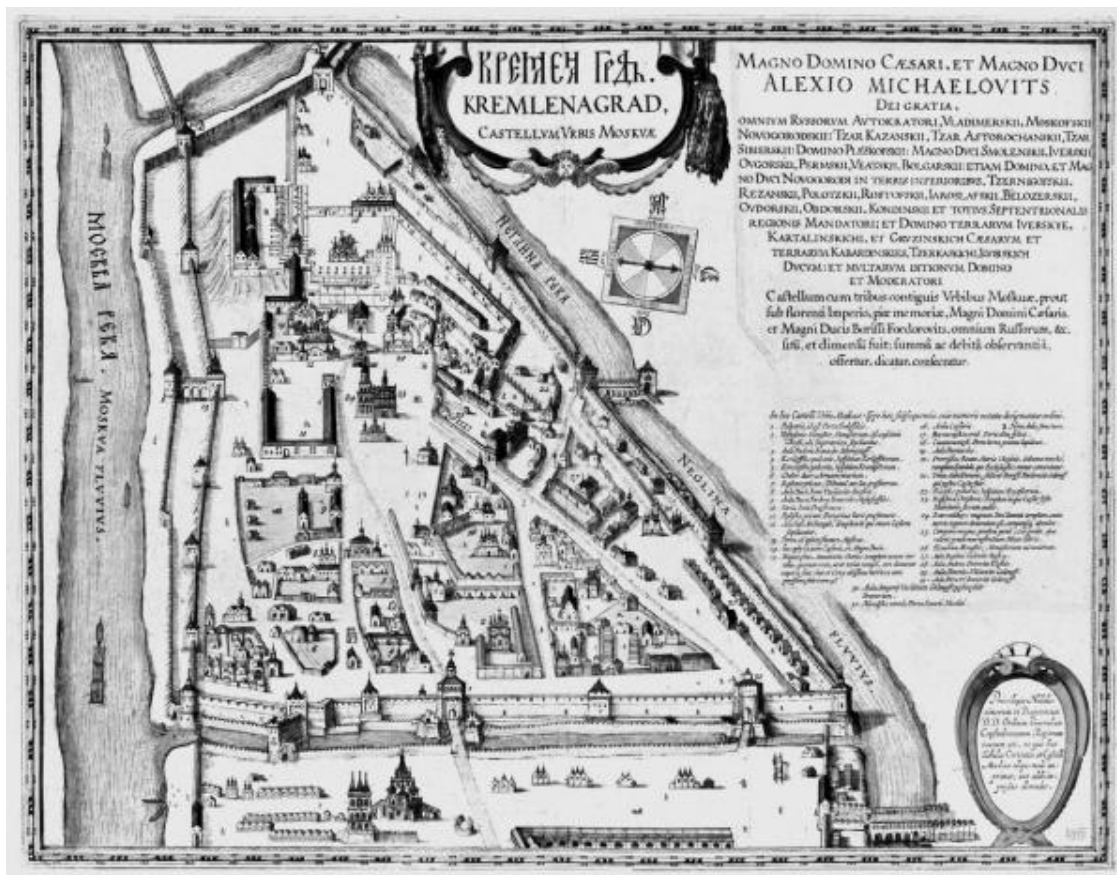
Центральный округ

Кремль

Московский Кремль

Московский Кремль моложе столицы России всего лишь на девять лет. Первое известие о нем содержится в Тверской летописи под 1156 г.: «Князь великий Юрий Володимирович (Долгорукий) заложи град Москву на устниже Неглинны, выше реки Аузы». Здесь следует уточнить, что в данном известии под словом «град» летописец разумел не город в его нынешнем значении, а в древнем, в смысле крепости. Именно так – «градом» или «городом» он именовался достаточно длительное время в русских летописях. Что касается самого слова «кремль», то оно впервые встречается под 1315 г. в Тверской летописи («загореся градъ Тверь, кремль»), а применительно к Москве употребляется Воскресенской летописью под 1331 г. О происхождении слова «кремль» идут споры. Одни исследователи считают, что оно греческого происхождения и связано с древним греческим акрополем, т. е. с укрепленным городом на холме (производя его от греческого слова «кримнос», обозначающего крутизну, крутую гору). Другие полагают, что оно происходит от русского слова «кремь» (в северных областях России так именуют круглый строевой лес в бору). Третьи выводят его от монгольского слова «керем», обозначающего крепость.

План «Кремлен-града». Конец XVI – начало XVII в.

Что же представлял из себя основанный Юрием Долгоруким первый Московский Кремль? Для него был выбран Боровицкий холм на левом берегу Москвы-реки. Ныне его высота составляет 25 м над уровнем воды, но в древности он был выше и круче. Крепость была поставлена на мысу между Москвой-рекой и впадающей в нее Неглинной. Эти реки надежно защищали подходы к укреплению с юга и запада. С более пологих северной и восточной сторон крепости для обороны были устроены вал и ров, обнаруженные археологами в 1959–1960 гг. при строительстве Кремлевского дворца съездов.

Выяснилось, что укрепления строились не на пустом, а на достаточно обжитом месте – под основанием вала были обнаружены остатки деревянной конюшни, а сам вал был насыпан на культурный слой более раннего времени. Это обстоятельство заставило некоторых историков предположить, что уже до возведения первого известного нам Кремля здесь, возможно, уже существовало какое-то укрепление, лишь заново перестроенное или расширенное Юрием Долгоруким. Но согласиться с этим вряд ли возможно. С определенной долей уверенности можно полагать, что к середине XII в. Москва представляла собой сельское поселение, точнее, довольно большую усадьбу. Подтверждением этого явилась находка в пределах древнейшего детинца киевской печати конца XI в., датированной 1093–1096 гг.

О размерах Кремля времен Юрия Долгорукого можно судить по расположению древнейшей, первоначально деревянной, кремлевской церкви Рождества Иоанна Предтечи (разобранной в 1847 г.). Она находилась в 120 шагах от Боровицких ворот. Между тем соборные церкви ставились обычно приблизительно в центре крепости. Поэтому можно предполагать, что укрепления крепости по другую сторону церкви находились от нее в расстоянии также 100–120 шагов. Это предположение подтверждается остатками вала и рва, которые были найдены при строительных работах в XIX в. Таким образом, первый Кремль Москвы занимал лишь оконечность Кремлевского холма, площадью около 1 гектара, и не доходил до современного

Большого Кремлевского дворца. Все укрепления представляли собой вал с частоколом и сухой ров. Конструкция рва, представлявшего в разрезе треугольник, обращенный книзу несколько округленной вершиной, была типичной для русских укреплений этого времени.

Деревянный Успенский собор. 1326 г.

В 1263 г. Москва достается в удел младшему сыну Александра Невского – Даниилу. Вероятно, при нем в 70-е гг. XIII в. Кремль вновь был укреплен. Полагают, что именно при Данииле произошло дальнейшее расширение Кремля. Археологические раскопки позволили определить примерную линию тогдашних укреплений на Кремлевском холме, имевшую форму, близкую к треугольнику. От современных Троицких ворот стены шли на юг вдоль Неглинной к ее устью и далее вдоль Москвы-реки приблизительно до 1-й Безымянной башни, а затем через район нынешней Соборной площади – к Троицким воротам. Общая протяженность деревянных укреплений составляла около 850 м. Они стояли на валу высотой около 7 м и были окружены рвом глубиной 5 м.

Иван Калита

Княжеские междоусобицы на Руси нередко сопровождались вмешательством татар. Так произошло и во время «Дюденовой рати», т. е. набега татарского царевича Дюдены в 1293 г. Татары подошли к Москве, но, увидев хорошо укрепленную крепость, предпочли не штурмовать ее, а действовать хитростью. Они «московского [князя] Данила обольстиша, и тако въехаха в Москву». Город был razoren.

Но даже это разорение не помешало восстановлению Кремля. Он вновь возрождался подобно мифической птице феникс. Особенно наглядно это видно в начале XIV в., ставшем порой серьезных испытаний для Московского княжества.

Сразу после смерти в 1304 г. великого князя Андрея Александровича началась ожесточенная борьба за великокняжеский стол между сыном Даниила Юрием и Михаилом Ярославичем Тверским. Последний имел преимущество родового старшинства перед своим двоюродным племянником и формально имел все права занять владимирский стол. И все же Юрий стал его соперником, опираясь в первую очередь на возросшие силы Москвы.

Борьба между Москвой и Тверью продолжалась на протяжении почти всей первой трети XIV столетия, сопровождаясь многочисленными военными походами и сражениями. Первоначально успех был на стороне Михаила Тверского – он получил от хана ярлык на великое княжение. Несмотря на то что тверичи дважды осаждали Москву (осенью 1305 и в августе 1307 г.), взять Кремль им так и не удалось.

Ф. Я. Алексеев (школа). Теремной дворец и собор Спаса на Бору в конце XVIII в.

Не получив великого княжения, Юрий продолжал стремиться к заветной цели. Главную ставку он сделал на татар. Пробыв в Орде почти два года, Юрий женился на Кончаке, сестре хана Золотой Орды Узбека и тем самым сумел приобрести его расположение. Вернувшись на Русь с татарским войском и ярлыком на великое княжение, Юрий вновь вступает в борьбу с Михаилом Тверским и снова терпит поражение. Во время последующих событий в тверском плену погибает Кончака, и рассерженный хан вызывает в Орду Михаила, где последний был казнен в ноябре 1318 г.

Но победа Юрия над своим противником оказалась пирровой. Через несколько лет ему отомстил сын погибшего князя Дмитрий Михайлович Тверской. Есть известие, что он донес хану о том, что Юрий отдавал хану далеко не всю собранную в его пользу дань. Юрий, по ханскому приказу призванный в Орду, был убит Дмитрием 21 ноября 1325 г., в канун седьмой годовщины гибели Михаила Тверского.

Дмитрий Донской

Гибель Юрия в Орде привела к тому, что вместо Юрия на московском столе оказался его младший брат Иван Данилович Калита (его прозвище означает «кожаный мешок с деньгами», «кошелек»). Он остался единственным в живых из всех сыновей Даниила, остальные же к тому времени уже умерли без мужского потомства. Именно его княжение стало временем, когда начинает резко возрастать значение Москвы.

Строительство белокаменных стен Кремля при митрополите Алексии. 1366–1367 гг. Миниатюра Лицевого летописного свода.

Этот период занимает особое место и в истории Кремля. Ивану Калите удалось наладить тесные связи с тогдашним главой Русской церкви митрополитом Петром. Он был давним его другом и столь же непримиримым врагом тверского князя Михаила Ярославича. Последний хотел видеть во главе митрополии своего ставленника и предпринимал неоднократные попытки сместить Петра. Тот нашел поддержку у московских князей. Когда после убийства в 1325 г. Юрия великокняжеский титул снова достался тверским князьям, а официальная митрополичья резиденция город Владимир также перешел под их власть, митрополит Петр окончательно переселился в Москву. В Кремле, рядом со своей резиденцией, он начинает возведение Успенского собора – первой каменной церкви в Москве, которая была призвана стать главным храмом всей Северо-Восточной Руси. И хотя достроить собор он не успел (митрополит Петр скончался в декабре 1326 г.), его дело продолжил Иван Калита. Уже к августу 1327 г. собор им был построен и освящен. Сам же инициатор строительства – митрополит Петр был похоронен в нем же в специально созданной гробнице внутри храма. Преемник Петра грек Феогност окончательно утвердил митрополичий престол в Москве, которая с этого времени стала церковной столицей Руси.

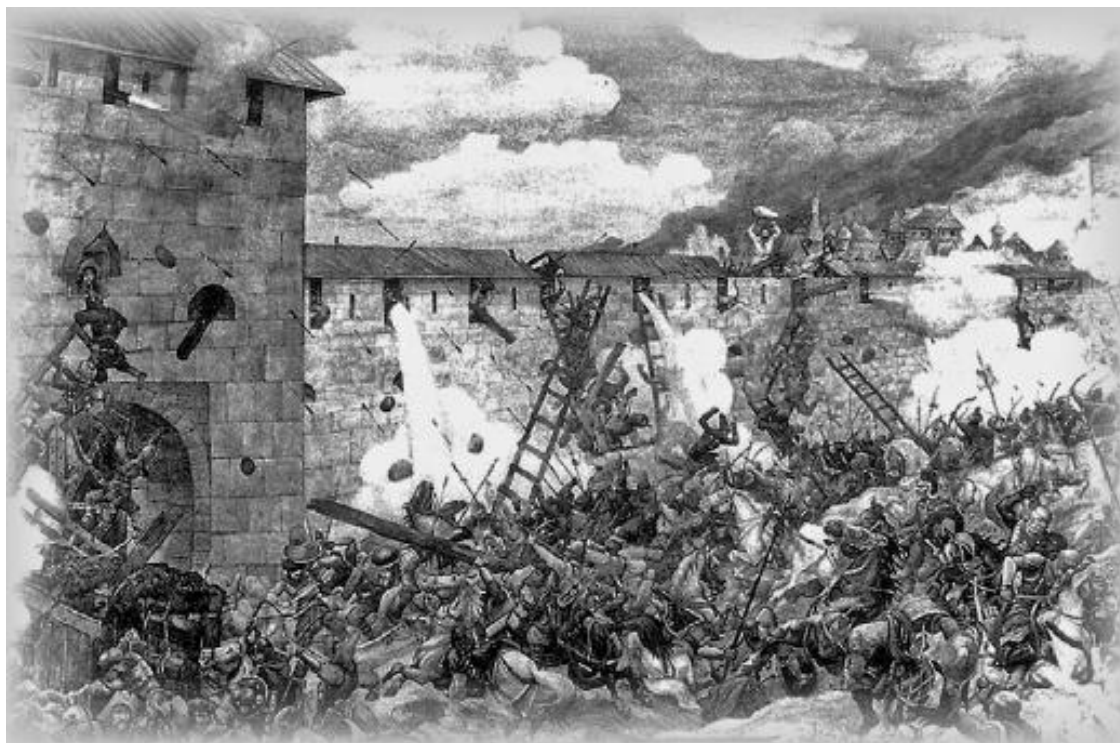

Константино-Еленинская башня

Византийская икона Дмитрия Солунского, XI в. Принадлежала князю Дмитрию Донскому

Год спустя Ивану Калите удалось нанести серьезный удар по тверским князьям. 15 августа 1327 г. в Твери вспыхнуло восстание против татар, закончившееся убийством татарского посла Щелкана, который приходился родичем хану Узбеку. Сразу после этого Калита поспешил отправиться в Орду (по одним известиям – по собственному почину, по другим – по требованию хана), чтобы вернуться оттуда с огромной татарской ратью и наказать непокорного соперника. Чуть позже к нему присоединился князь Александр Васильевич Суздальский. «И бысть тогда великая рать татарская», – позднее запишет летописец. После этого разгрома Тверское княжество уже более не могло претендовать на лидерство в Северо-Восточной Руси и с тех пор именно Москва становится центром объединения Руси.

Штурм Кремля Тохтамышем в 1382 г.

Получив первенствующую роль среди остальных русских княжеств, московский князь развивает свои таланты рачительного хозяина, скопидома и домовитого строителя своего княжества. Эпоха Калиты стала временем большого строительства в Кремле. Именно при нем Кремль становится и внешне похожим на великокняжескую резиденцию. Помимо Успенского собора, Иван Калита возводит в 1329 г. здесь две также каменные церкви: Иоанна Лествичника и Поклонения Вериг Апостола Петра (последняя являлась приделом к Успенскому собору). Весной 1330 г. в Кремле начались работы по строительству каменного собора Спаса на Бору. В 1333 г. вместо прежнего деревянного строится каменный Архангельский собор, ставший усыпальницей для представителей московской династии.

Первые каменные постройки Московского Кремля не отличались большими размерами. Так, например, собор Спаса на Бору, сохранявшийся вплоть до 30-х г. XX в., в плане представлял незначительных размеров прямоугольник (14 на 12 аршин) стремя выступами на востоке для алтаря и четырьмя опорными столбами внутри. Высота храма была не больше 16 аршин. Он увенчивался одной главой. И хотя это была сравнительно небольшая постройка, она резко выделялась на фоне сплошь деревянной крепости и представлялась современникам, непривычным к каменному строительству, великолепным зданием. Московский князь поразил их также небывалыми для того времени темпами постройки.

Вид Кремля при Дмитрии Донском в XIV в. Реконструкция

По соседству с вновь воздвигнутыми храмами располагался деревянный великокняжеский дворец Ивана Калиты. Никаких подробных известий о нем не сохранилось, но можно полагать, что это была большая постройка, состоявшая из ряда хором, связанных сенями, крыльцами, переходами в единое целое.

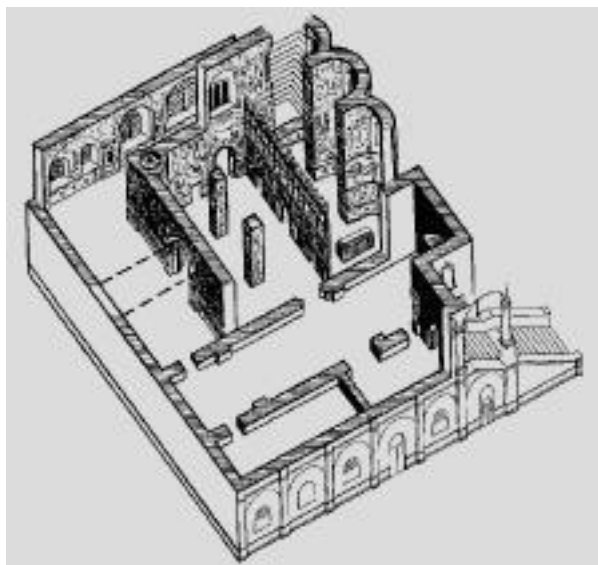
Незадолго до своей кончины Иван Калита зимой 1339/40 г. вместо прежних городских укреплений (они, вероятно, пострадали при пожаре 1331 г.) возводит новые дубовые стены. Работы по возведению крепости начались 25 ноября 1339 г., а уже через четыре месяца – к марту следующего года они были завершены. Позднее летописец, оценивая градостроительную деятельность князя, запишет: «Постави князь Иван Данилович град древян Москву, тако же и посады в нем украсив и слободы, и всем утверди». Оглядываясь на эпоху Калиты, он характеризовал ее как «зачало княжения Московского».

Дело Ивана Калиты продолжил его сын Семен Гордый. При нем в 1344 г. начались работы по росписи двух главных кремлевских храмов – Успенского и Архангельского соборов. В следующем году приступили к росписи собора Спаса на Бору, а в 1346 г. была расписана церковь Иоанна Лествичника. Таким образом, были расписаны все построенные при Иване Калите каменные кремлевские церкви. Тогда же для них были отлиты три больших и два малых колокола.

В подклете Архангельского собора находятся 35 гробниц русских цариц и княгинь, перенесенных сюда в 1929 г. из Вознесенского монастыря

Одним из самых заметных этапов в истории Кремля стало княжение Дмитрия Донского. Получив в результате борьбы с суздальскими князьями великое княжение, Дмитрий, по словам летописца, начал «всех князей приводить под свою власть, а которые не повиновались его воле, на тех начал посягать». В борьбе за гегемонию в Северо-Восточной Руси Дмитрий преодолел сопротивление рязанских и тверских князей, провел целый ряд мероприятий, направленных на усиление военной мощи Московского княжества. Первым шагом в этом направлении стало строительство первой каменной крепости в Северо-Восточной Руси – белокаменного Московского Кремля. Несмотря на то что дубовый Кремль Ивана Калиты простоял немногим более четверти века, он уже не отвечал изменившимся условиям военного искусства – наступала эпоха артиллерии, и он должен был уступить место новой, на этот раз каменной крепости.

План Благовещенского собора

Непосредственным толчком, послужившим к строительству, стал грандиозный пожар, произошедший в Москве летом 1365 г., во время которого погорели Кремль, Загородье (тер-

ритория позднейшего Китай-города) и Заречье (этим словом в XIV в. именовали Занеглименье). Он начался в разгар жары, когда стояла засуха, было мало воды, а на город неожиданно налетел шквальный ветер. Урон от огня был весьма значительным, ибо серьезно пострадали кремлевские стены. Тем самым город оказывался практически незащищенным от внешней угрозы. А в том, что она могла последовать, и в первую очередь со стороны Орды, доказывали события осени этого года в Рязанской земле. Один из татарских князей «тайно и безвестно» пришел в рязанские пределы, захватил Рязань и сжег ее.

Великий князь Московский и всея Руси Иван III

Митрополит Петр закладывает Успенский собор. Клеймо житийной иконы

Но приступить сразу к возведению новых кремлевских укреплений было просто невозможно – в преддверии зимы горожане сначала должны были восстановить уничтоженные по жаром свои дома. Лишь через полгода после «великого пожара», в начале 1366 г., у москвичей появилась возможность начать строительство нового Кремля. Для строительства московских укреплений привлекались средства и силы не только великокняжеской казны, но и московского боярства. Об этом становится известным из анализа имен современных кремлевских башен. Еще в XIX в. ученые обратили внимание, что ряд из них носит двойные названия, первое из которых является более древним: Беклемишевская (Москворецкая), Свиблова (Водовзводная), Собакина (Угловая Арсенальная). Из документов XV в. выясняется, что еще несколько кремлевских башен также имели другие названия, ныне уже почти позабытые. Так, главная башня Кремля когда-то именовалась Фроловской, Константино-Еленинская называлась Тимофеевской, а Тайницкая – Чешковой.

Успенский собор Московского Кремля

Хотя о белокаменном Кремле Дмитрия Донского известно крайне мало, тот факт, что тогдашние башни практически располагались на тех местах, что и современные, позволяет оценить те новшества, которые были применены при строительстве Московского Кремля в XIV в.

Вид Благовещенского собора. Гравюра 1830-е гг.

Чертеж Благовещенского собора в XIX в.

Золотая Орда внимательно следила за ростом влияния Москвы, стремительно усилившегося после сражения на Дону. Пытаясь ограничить его, новый хан Тохтамыш решил наказать Дмитрия Донского. В конце лета 1382 г. он двинулся на Русь.

Согласно летописцу, Тохтамыш «прииде къ Москве месяца августа въ 23 день въ понедельникъ въ полобеда». Наутро начался штурм. Однако взять прекрасно укрепленную крепость

Тохтамышу не удалось. Тогда хан прибег к хитрости. На четвертый день осады к Кремлю подъехали татары с двумя суздальскими князьями, шуринами Дмитрия Донского, которые поклялись, что хан не сделает осажденным ничего плохого. Горожане «же емше имъ веру и отвориша врата градныя и выидоша со кресты, и со княземъ, и з дары, и съ лутчими людми». Но татары нарушили клятву, а затем в городе началась резня: «начата вся безъ милости сещи».

Несмотря на то что нашествие Тохтамыша нанесло серьезный урон Кремлю, оно не смогло остановить его дальнейшего развития. От рубежа XIV–XV вв. до нас дошли первые сведения о топографии Кремля. В него въезжали через несколько ворот, устроенных в надвратных башнях: створки ворот были обиты железом. К устью Неглинной выходили Боровицкие ворота, на Москву-реку – Чешковы или, Водяные (впоследствии Тайницкие). На восток были обращены Тимофеевские (позднее Константино-Еленинские), Фроловские (позднее Спасские) и Никольские ворота. С этой, наиболее доступной для неприятеля стороны, Кремль был дополнительно защищен рвами и валами. Западная сторона прикрывалась болотистой долиной Неглинной. Таким образом, Кремль в плане по-прежнему представлял собой треугольник.

Росписи Благовещенского собора. XVI–XVII вв.

Грановитая палата

Главным его украшением все так же являлись каменные соборы, построенные при Иване Калите. Рядом с Архангельским и Успенским соборами стоял «златоверхий терем» великого князя со «стекольчатыми оконцами» (что по тем временам было редкостью). Самой красивой частью деревянного дворца являлись выходившие на Москву-реку Набережные сени. Спускавшиеся от них лестницы с рундуками придавали терему живописный вид. По соседству с великокняжеским двором находились митрополичий двор, а также дворы удельных князей – совладельцев Москвы: каждый из них представлял собой целый комплекс хозяйственных построек. Постоянная угроза вражеских нашествий заставляла искать защиты внутри Кремля и всех, тогда еще немногочисленных, московских бояр. Боярские дворы являлись усадьбами, в центре которых стояли хоромы владельца, окруженные хозяйственными службами. Иногда рядом с хоромами выделялась домовая церковь.

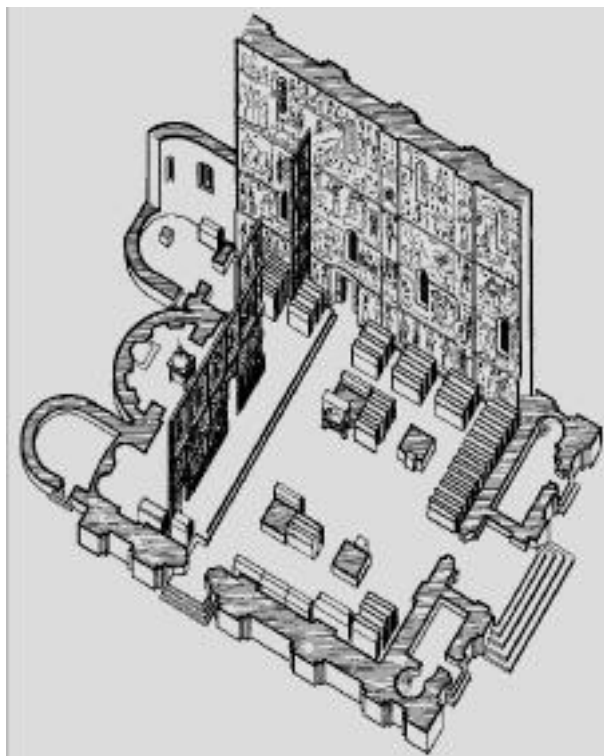
Кутафья башня

Тогдашний Кремль по территории был несколько меньше нынешнего, поскольку весь его северо-восточный угол еще не входил в пределы крепости. Условно территория Кремля делилась на две части: нагорную, где стоял великокняжеский терем, и низменную – Подол. Полагают, что скат кремлевского холма, обращенный к Москве-реке, первоначально был более пологим, чем теперь, и по нему располагались боярские и княжеские дворы. Позднее, для укрепления края холма от обвалов, началось его укрепление сваями и небольшими срубами, и он стал более крутым: в XVI в. его стали именовать «зарубом».

Внутри Кремля проходило несколько улиц. По вершине холма тянулась Большая улица, связывавшая Боровицкие и Фроловские ворота. От нее отходило несколько боковых переулков и улиц, две из которых вели к Фроловским и Никольским воротам. Проезжая улица имела и на Подоле: она выходила к Тимофеевским воротам, которые связывали Кремль с посадом.

После нашествия Тохтамыша Кремль постепенно отстраивался вновь. Летописи донесли до нас отдельные известия об этом. Так, под 1389 г. впервые упоминается деревянная церковь Св. Афанасия. В 1393 г. вдова Дмитрия Донского Евдокия на месте прежней деревянной церкви Воскресения Лазаря строит каменный храм Рождества Богородицы. При этом в качестве придела к новому храму был сохранен престол во имя Воскресения Лазаря. Однако позднее, уже в XVII в., по неизвестным нам причинам этот придел был заброшен и в дальнейшем совершенно заброшен. Память о нем глухо хранилась только в летописях. И только в 1837 г., когда производился ремонт Теремного дворца, замурованная церковь была случайно открыта и восстановлена. Ныне она считается древнейшей сохранившейся постройкой Кремля и всей Москвы.

В 1407 г. незадолго до своей кончины Евдокия закладывает каменную церковь Вознесения в Вознесенском монастыре, который позднее стал местом захоронения великих московских княгинь и княжон.

План Архангельского собора

В те же годы по соседству с великокняжеским двором был построен каменный Благовещенский собор, ставший домовою церковью московских князей. Весной 1405 г. его распи-

сали иконописцы, среди которых выделялись Феофан Грек, Прохор из Городца и снискавший вскоре всеобщее признание своим мастерством Андрей Рублев.

При Василии I город быстро растет, и чтобы защитить его с наиболее уязвимых северной и восточной сторон, решено было в дополнение к кремлевским укреплениям устроить еще одно фортификационное препятствие. В 1394 г. начали копать ров от Кучкова поля (в районе Лубянской площади) до Москвы-реки. Но это мероприятие оказалось безуспешным. Планировалось, что по рву самотеком пойдет вода из Неглинной. Однако этого не произошло, и все работы оказались напрасными. «И много бысть убытка людем, – писал летописец, – понеже поперек дворовъ копаша и много хором разметаша, а не учиниша ничто же». Остатки рва в районе нынешнего Варсонофьевского переулка были заметны еще долгое время, и даже в XVI в. расположенный по соседству Рождественский монастырь имел уточнение – «что на рву».

Фрагмент росписи Архангельского собора

В конце XIV – начале XV в. границей московского посада фактически стало позднейшее Бульварное кольцо. При внезапном появлении противника не все горожане за очень ограниченное время могли успеть укрыться в Кремле. Поэтому московские князья предпринимают целый ряд других оборонительных мер. Одной из них явилось устройство передовых форпостов, охранявших подступы к Кремлю. Окруженные деревянными стенами, они представляли собой укрепления, которые на небольшой срок могли задержать внезапный набег противника и тем самым дать время укрыться горожанам в Кремле. Особенностью их расположения стало то, что они находились в пределах прямой видимости между собой и образовывали кольцо вокруг города. Эта линия обороны складывалась постепенно на протяжении многих лет, начиная с княжения Дмитрия Донского вплоть до конца XVI в.

Реконструкция церкви-колокольни Иоанна Лествичника времен Ивана Калиты XIV в. и колокольни Бона Фрязина, начало XVI в.

Создававшаяся таким образом на протяжении полутора столетий система передовых форпостов хотя и не гарантировала полной защиты города, все же предупреждала москвичей о внезапном нападении противника. Ее эффективность была проверена уже в начале XV в. во время набега ханского военачальника Едигея в 1408 г.

Вторая четверть XV в. стала для Московского Кремля временем серьезных испытаний. Причиной этого явилась феодальная война, разразившаяся после смерти великого князя Василия I 27 февраля 1425 г. В ходе ее Кремль несколько раз осаждался. Серьезный урон нанес ему и огромный пожар 14 июля 1445 г., когда в огне погибли все деревянные строения, пострадали даже каменные церкви и стены. Сгорело множество людей, скопившихся в Кремле, поскольку с минуты на минуту ожидали появления татар.

От последствий феодальной войны Кремль стал оправляться лишь с начала 60-х гг. XV в., когда на великокняжеский стол вступил сын Василия Темного – Иван III. Его более чем сорокалетнее княжение стало эпохой заметного роста значения Москвы, и во второй половине XV в. она превращается в столицу одного из крупнейших европейских государств. Это не могло не сказаться и на внешнем облике Кремля. В нем начинается активное строительство. В первые годы княжения Ивана III работами в Кремле руководил известный московский зодчий В. Д. Ермолин. В 1462 г. он обновил камнем кремлевскую стену от Свибловой башни до Боровицких ворот. Тогда же им у Фроловских ворот была выстроена каменная церковь Св. Афанасия с приделом Св. Пантелеймона. Перестроив Фроловские ворота, В. Д. Ермолин в 1464 г. украсил их с наружной стороны большим белокаменным барельефом, изображающим Георгия Победоносца, а два года спустя с внутренней стороны на воротах был поставлен еще один большой барельеф, изображающий св. Дмитрия (в память о Дмитрии Донском). В 1467 г. зодчий приступил к возобновлению каменной церкви кремлевского Вознесенского монастыря. Заложенная еще в 1407 г., она простояла в незаконченном виде, без куполов до 60-х г. XV в. Мать Ивана III, Мария Ярославна, решив на месте обветшавшего храма поставить новый, поручила

строительство В. Д. Ермолину. Тот поступил по-своему: убедившись, что внутри здания «все было твердо», не стал сносить церковь, а только разобрал треснувшие от пожаров своды и вновь свел их. Обгоревшие снаружи стены он одел «новым камнем да кирпичом ожиганым». Подобное дело для москвичей было в новинку.

Отправление русских послов в Рим. Миниатюра из Лицевого летописного свода

Вскоре Иван III обратил внимание на кафедральный Успенский собор. К этому времени он уже перестал удовлетворять тем требованиям, которые ставило время. Старый храм, построенный еще при Иване Калите, к этому времени пришел в ветхость – стены угрожали падением, а своды пришлось подпирать бревнами, один из приделов после очередного кремлевского пожара 1470 г. оказался совсем разрушенным. Новый собор предполагалось построить по образцу Успенского собора во Владимире, но он должен был значительно превосходить его по размерам. Постройка началась весной 1472 г. Она была поручена все тому же Ермолину и боярину Ивану Владимировичу Голове. Однако вскоре между ними разгорелась «пря», и зодчий вынужден был отказаться от работы, а всем стал заведовать Иван Голова вместе со своим отцом.

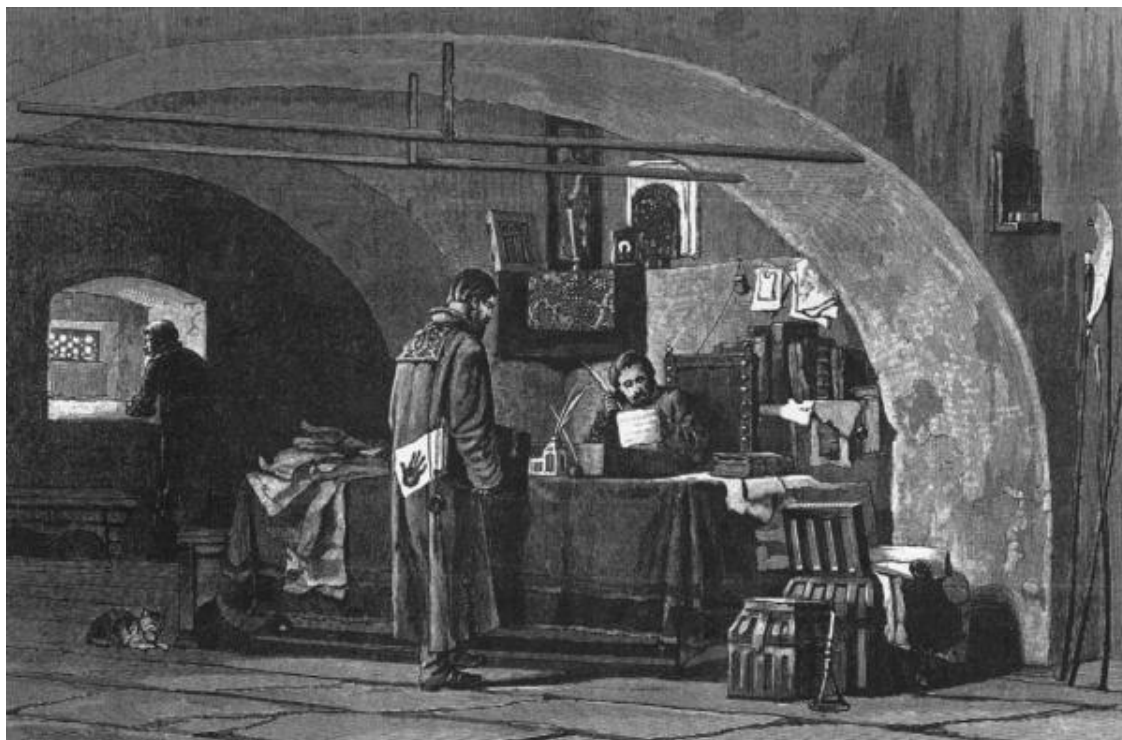
Царь Борис Федорович Годунов. Парсуна

Строительство уже подходило к концу, когда вечером 20 мая 1474 г. случилась трагедия – стены не выдержали тяжести сводов и рухнули вниз. По заключению срочно вызванных в Москву псковских мастеров, причиной обрушения стала недостаточная прочность известкового раствора, соединявшего между собой камни. Но на предложение взяться за работу мастера ответили отказом.

Вид на Ивановскую колокольню и Архангельский собор со стороны Москвы-реки

Поэтому для продолжения строительства решено было пригласить в Москву иностранных зодчих, обладавших большим опытом в подобном строительстве. Выбор пал на Италию. С этой целью Иван III в том же 1474 г. отправил туда своего посла Семена Толбузина. В Венеции тот познакомился с одним из самых талантливых архитекторов своего времени Аристотелем Фиораванти и сумел уговорить его поехать в далекую Россию.

А. С. Янов. Приказ в Москве в XVII в.

Новый храм соответствовал значению Москвы как центра могущественного государства. Эту же цель преследовала и перестройка великокняжеского дворца. Старый великокняжеский деревянный терем, состоявший из множества пристроенных друг к другу жилых и хозяйственных построек (горниц, изб, светлиц, повалуш, сенников), уже не соответствовал тому высокому положению, которое занимал «государь всея Руси» (этот титул впервые появляется при Иване III). Однако строительство нового каменного дворца в силу ряда причин растянулось более чем на два десятилетия.

Началом его постройки следует признать сооружение каменного Благовещенского собора, являвшегося домовою церковью московской династии. Он был заложен в мае 1484 г., а окончен в 1489 г. В каменном подклете храма было устроено хранилище для казны великого князя, а по соседству в 1485 г. заложен большой каменный погреб для съестных и других припасов. Строительство каменных парадных и жилых помещений дворца началось в 1487 г. В этом году итальянский зодчий Марко Фрязин начал строить «палату велику» на набережной стороне Кремлевского холма. В 1491 г. приступили к постройке Большой палаты, предназначенной для парадных приемов, площадью 495 кв. м. Некогда это был самый большой зал на Руси. Снаружи здание было обработано гранеными камнями, от которых оно и получило название «Грановитой». Судя по миниатюре XVII в., она первоначально имела высокую четырехскатную крышу и несколько иной внешний вид. В конце XVII в. ее окна были увеличены и получили новое белокаменное обрамление в стиле барокко. Между Грановитой палатой и Благовещенским собором было устроено «красное крыльцо», на которое вели открытые лестницы с Соборной площади. Здесь же была выстроена еще одна парадная Золотая палата.

Лобное место в XVIII в.

Вид на Ивановскую площадь в первой трети XIX в. В центре – собор Николая Гостунского. Конец XVIII в.

Новый каменный дворец не представлял собой одного цельного здания. Своей живописной «раскинутостью» ряда построек, соединенных между собой крыльцами, сенями, лестницами и переходами, он повторял исконный тип деревянных построек Древней Руси. От всего этого грандиозного сооружения до нашего времени сохранились только двухъярусная Грановитая палата и часть белокаменного подклета.

Закончив с приемными, парадными помещениями будущего дворца, в 1492 г. приступили к перестройке жилой части дворца. Были снесены старые деревянные хоромы, однако случившийся в следующем году пожар, уничтоживший почти все деревянные строения Кремля и значительную часть московского посада, задержал строительство на несколько лет. Только в мае 1499 г. оно возобновилось вновь. Но Ивану III так и не пришлось переселиться в новый каменный дворец – он был закончен уже после его кончины. Лишь 7 мая 1508 г. его сын Василий III торжественно перешел в новый дворец на постоянное жительство.

Но ограничиться лишь одним строительством великокняжеской резиденции было невозможно. Столицу Русского государства необходимо было укреплять, сделать недоступной для вражеских нападений, а для этого нужно было воздвигнуть новые стены вокруг Кремля.

Старый белокаменный Кремль времен Дмитрия Донского был построен в самом начале эпохи огнестрельного оружия. Постоянное развитие артиллерии предъявляло новые требования к устройству оборонительных сооружений. К тому же крепость, пережившая несколько тяжелых осад и опустошительных пожаров, пришла в полную ветхость. Разрушавшиеся участки крепостных стен наскоро заделывались деревянными заплатами. Их было настолько много, что побывавшему в Москве в 1475 г. венецианскому послу Амброзио Контарини весь Кремль показался деревянным. «Город Москва, – писал он, – расположен на небольшом холме, и все строения в нем, не исключая и самой крепости, – деревянные».

Ф. Я. Алексеев. Теремной дворец в XVIII в.

Сооружение новых кремлевских стен началось с наиболее опасной в военном отношении южной стороны, выходившей на Москву-реку. В июле 1485 г. приехавший на русскую службу итальянский архитектор Антон Фрязин на месте старых Пешковых ворот заложил «стрельницу» (башню), а под ней вывел «тайник», т. е. скрытый под землей ход к реке, позволяющий беспрепятственно снабжать защитников Кремля водой в случае осады. От этого тайника произошло название Тайницкой башни. В 1487 г. была построена угловая Беклемишевская башня, а в 1488 г. выше по течению Москвы-реки на месте старой Свибловой заложили новую, также с тайником. В 1490 г. поставили две башни – Боровицкую и Константино-Еленинскую; одновременно была возведена стена от Свибловой до Боровицкой башни. Их строительством руководил известный мастер Пьетро Антонио Солари, выходец из знаменитой миланской семьи архитекторов и скульпторов. В Москве он получил титул генерального «архитектуса».

Лобное место в XVIII в.

Смерть Солари в 1493 г. и случившийся в том же году большой пожар несколько затормозили работы. Тем не менее они продолжались. Строительство кремлевских стен с характерными двугорбыми зубцами общей длиной 2270 м было закончено к 1495 г. После их возведения Кремль получил форму треугольника (он занял территорию 0,28 кв. км), на каждой из сторон которого было возведено по семь башен (считая угловые для каждой стороны). Всего же было построено 19 башен, некоторые из которых являлись проездными (одна из них, находившаяся между Никольской и Сенатской башнями, изображенная на некоторых планах XVII в. и упоминаемая в описи 1667 г., впоследствии была утрачена). Еще одна башня – Кутафья являлась отводной. В соответствии с рельефом местности высота стен колебалась от 10 до 21 м.

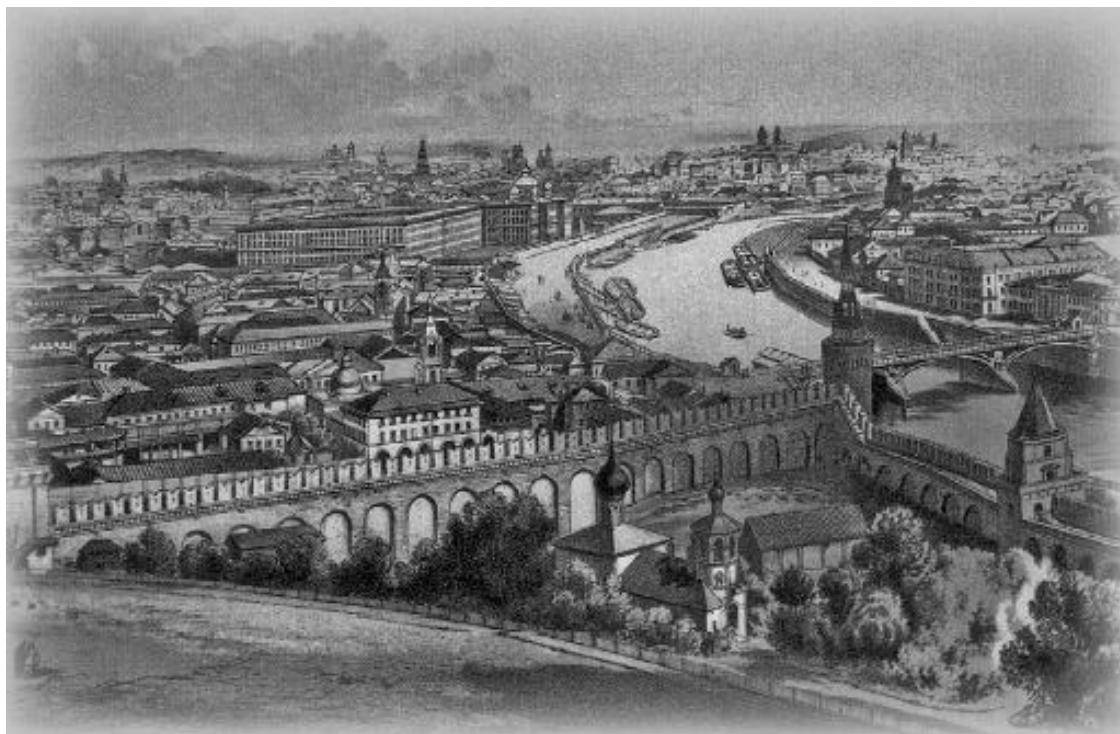
Наиболее высокие стены были построены с восточной стороны, не имевшей естественной водной преграды, – там, где ныне располагается Красная площадь. Наоборот, где подход к Кремлю затруднялся – вдоль Неглинной, – стены заметно понижались. Что касается толщины стен, она везде была примерно одинаковой – от 4 до 6 м.

Позднейшие перестройки изменили первоначальный вид Кремля, хотя основная его часть сохранилась от эпохи Ивана III. Башни сначала не имели привычных нам шатровых завершений, а заканчивались площадкой с низкой конусообразной кровлей, дававшей прикрытие защитникам от непогоды. Деревянная кровля шла также вдоль всей стены. Она служила одновременно и для обороны от навесного боя, и для предохранения стен от разрушительного действия дождя и снега.

Следует так же отметить, что строительство Московского Кремля в конце XV в., архитектура его стен и башен произвела сильное впечатление на многих русских городских мастеров. Особенно ярко это проявилось в последующем монастырском крепостном строительстве, в результате чего суровая архитектура оборонительных сооружений Древней Руси приобретает новые художественные качества и преодолевает ту аскетичность, которая была свойственна ей в предшествующий период. Тем самым Московский Кремль времен Ивана III, нарушивший старые традиции городского строительства, оказался сооружением, открывшим новую страницу в истории русского оборонного зодчества.

После кончины Ивана III, последовавшей в 1505 г., великим князем стал его сын Василий III, продолживший начатое его отцом строительство Кремля, превратившее его в неприступную крепость. В 1508 г. Алевизом Фрязиным были проведены работы по устройству рва с водой, шедшего вдоль восточной кремлевской стены и соединявшего Неглинную с Москвой-рекой около Беклемишевской башни. Вода поступала из прудов, устроенных на Неглинной. Ров наполнялся водой через подземный канал. Во рву вода удерживалась посредством шлюзов. Ров на Красной площади имел глубину от 9 до 12 м, а ширину сверху – от 28 до 34 м. Он был облицован камнем и кирпичом, а позднее с обеих его сторон были поставлены невысокие зубчатые стенки. У Фроловских (Спасских) и Никольских ворот через него были переброшены деревянные подъемные мосты.

С противоположной стороны крепости у Троицкой башни через Неглинную в 1516 г. был устроен каменный арочный мост, заканчивающийся отводной стрельницей (ныне Кутафья башня). Система обороны Кремля дополнялась сетью подземных сооружений – тайников и «слухов» (длинных подземных галерей), предназначенных для наблюдения за осадными работами противника, а также для того, чтобы осажденные могли выбраться наружу. Один из таких потайных ходов был обнаружен в конце XIX в. Он начинался около Тайницкой башни, тянулся через весь Кремль, а за его стенами шел подо рвом в сторону Никольской улицы. Сохранились сведения, что другой подземный ход шел от тех же Тайницких ворот к Варварке, проходя под храмом Василия Блаженного.

Панорама Москвы середины XIX в.

При Василии III в Кремле возводятся церкви и другие постройки. Одной из самых заметных перемен внутри Кремля стало строительство нового Архангельского собора, служившего усыпальницей московских князей. Еще в мае 1505 г., за несколько месяцев до смерти, Иван III приказал разобрать прежний храм, выстроенный при Иване Калите, и на его месте заложить новый. Постройка была поручена зодчему Алевизу Новому и закончена в 1508 г. В том же году был расписан и Благовещенский собор. По соседству на месте выстроенной еще при Иване Калите церкви Иоанна Лествичника, служившей в качестве колокольни, мастером Бон Фрязиным началось строительство нового храма-колокольни, впоследствии получившего название «Иван Великий».

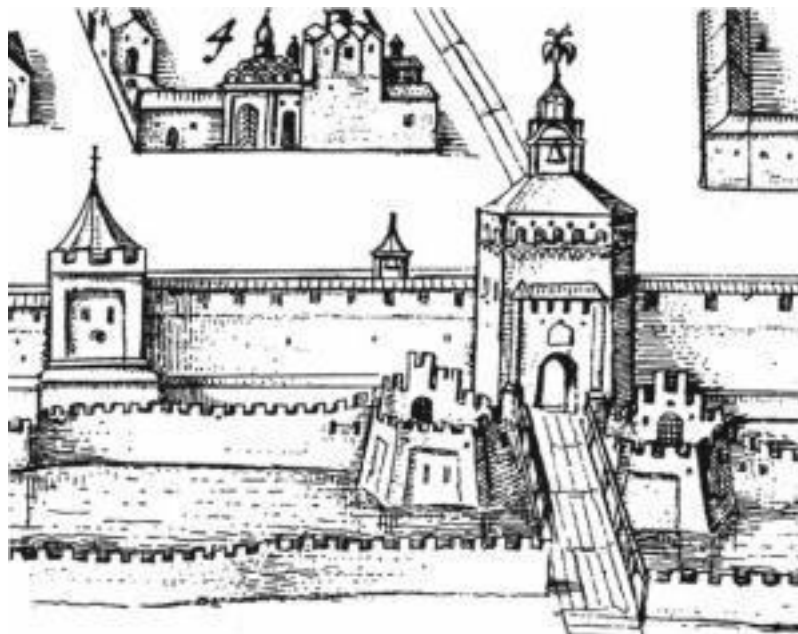
От времени Василия III имеются также сведения о замощении кремлевских улиц. Мостовые были деревянные, из двух- и трехсаженных бревен. Поверх них делали настил из досок, которые приколачивались большими железными гвоздями. Но даже такие мостовые существовали не по всему Кремлю: «мостки» вели от Фроловских ворот мимо Благовещенского собора к дворцу.

После перестройки Кремля на рубеже XV–XVI вв. Москва производила по внешнему облику впечатление как бы двух городов – каменного и деревянного, что отразилось во впечатлениях иностранцев.

Посол Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн, побывавший в ней в первой четверти XVI в., писал: «Крепость же настолько велика, что, кроме весьма обширных и великолепно выстроенных из камня хором государевых, в ней находятся хоромы митрополита, а также братьев государевых, вельмож и других весьма многих лиц. К тому же в крепости много церквей, так что своей обширностью она почти как бы напоминает вид города». Что же касается посада со слободами, то он, отделенный от Кремля водой и незастроенным пространством, резко контрастировал с ним, будучи сплошь деревянным.

В XVI в. в Кремле активного строительства не было. В основном оно имело характер дополнений к ранее созданному. Так, в 1532–1543 гг. зодчий Петрок Малый пристроил к восьмигранной церкви-колокольне среднюю часть ныне существующего массива Ивана Великого

– звонницу, предназначавшуюся для тысячепудового колокола. В 1552–1555 гг. московскими мастерами была сооружена ее каменная лестница.

Спасская башня с мостом через Алевизов ров. XVII в.

Более значительными были работы по ремонту и восстановлению зданий после многочисленных пожаров того времени. Особенно значительный ущерб нанес «великий пожар» 21 июня 1547 г., когда загорелось на Воздвиженке за Неглинной. Огонь распространился по Арбату, Тверской и Дмитровке. Был сильный ветер, который погнал пламя в сторону Кремля, и пожар перекинулся через каменные стены. Запылал верх Успенского собора. Огонь охватил деревянные постройки дворца, Казенный двор с царской казной, митрополичий двор, Благовещенский собор, Оружейную и Постельную палаты, царские конюшни. Также выгорели Чудов и Вознесенский монастыри. Когда занялась кровля на стенах Кремля, то загорелась башня, в которой хранился порох, и взрывом разрушило часть стены. Для восстановления пострадавших от этого пожара царских палат, соборов и церквей в Москву были вызваны мастера, в том числе иконописцы из Пскова и Новгорода. Работы шли долгое время: к примеру, восстановление Благовещенского собора и связанная с этим его перестройка завершились лишь в 1564 г. Во многом это объяснялось тем, что наряду с восстановлением делались и новые добавления. Известно, что в 1550-х гг. в царском дворце были устроены окна с разноцветными стеклами, сам он был украшен каменными статуями «по образцу Фидиевых»², а его кровля позолочена.

² Фидий – знаменитый древнегреческий скульптор V в. до н. э.

Ф. Я. Алексеев. У Спасского моста в XVIII в.

Определенный подъем нового строительства в Кремле наблюдается на рубеже XVI–XVII вв. Он был связан с именем Бориса Годунова. В 80-х гг. XVI в., при сыне Ивана IV – Федоре Ивановиче, на месте Наугольной палаты для его жены – царицы Ирины (сестры Бориса Годунова) была построена украшенная с особым великолепием каменная приемная палата, впоследствии вошедшая в современный Большой Кремлевский дворец. Непосредственно в правление Бориса Годунова (1598–1605) на откосе кремлевского холма был построен Запасный дворец для хозяйственных надобностей царского двора. Он представлял собой огромное двухэтажное здание с подвалами, по фасаду почти равное нынешнему Большому Кремлевскому дворцу, и долгое время был самым большим на Руси. Для себя Годунов построил в Кремле большой дом – «палату каменную на трех подклетах», куда в 1600 г. была «введена вода из Москвы-реки... по подземелью великою мудростию». Но главным сооружением Годунова в Кремле стало «свершение» церкви-колокольни, получившей в народе название «Иван Великий». Обычно рассказывают, что это строительство было предпринято Годуновым, чтобы дать народу заработок во время страшного голода 1601–1603 гг. Но это не отвечает действительности, поскольку оно закончилось в 1600 г. Полагают также, что первоначально Иван Великий был двуцветным: красные кирпичные стены и белокаменные украшения. Теперь он весь белый. Достройка колокольни, являвшейся самой высокой точкой Москвы (высота, вместе с крестом, 81 м), окончательно оформила внешний облик Соборной площади – места пышных церковных и придворных церемоний, куда выходили лицевые фасады парадных дворцовых палат и кремлевских соборов.

Неизвестный художник. Портрет императрицы Елизаветы Петровны. 1740–1750-е гг.

Ф. Я. Алексеев (школа). Вид на Алевизов ров и Никольскую башню в XVIII в.

Следует сказать и о перемене характера Кремля в XVI в. Несмотря на то что он продолжал оставаться важнейшей крепостью Москвы, становятся заметными его новые административные и политические функции, связанные с размещением здесь правительства. В царском дворце происходили совещания с боярами и торжественные приемы иностранных послов: в первые годы царствования Ивана IV – в Набережной палате, в Средней избе, в Брусняной выходной, а с 1543 г. вплоть до его кончины – обычно в Столовой Брусняной палате. После смерти Ивана Грозного они переместились, проходя в Золотой подписной палате и изредка в Грановитой. Во дворце же велись деловые переговоры с послами. С конца XVI в. они велись в специально предназначенной для этого Ответной палате. По случаю государственных празднеств в Набережной и Грановитой палатах устраивались большие пиры, тянувшиеся до поздней ночи, когда весь Кремль ярко освещался горящими плошками.

В. И. Баженов. Проект Кремлевского дворца 1767–1775 гг.

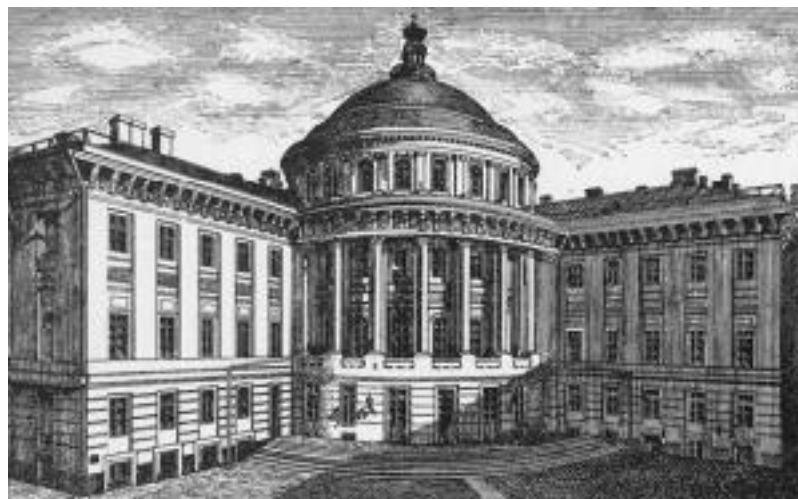

Вид с балкона старого Кремлевского дворца в конце XVIII в.

В стенах Кремля сосредотачиваются и вновь создаваемые органы центрального управления страной. При Иване IV в нем строятся специальные здания приказов. В 1565 г. на Ивановской площади была поставлена каменная двухэтажная Посольская палата. Другие приказы (Поместный, Дворцовый, Челобитный, Большой Приход, Разряд, Казанский Дворец, Разбойная палата и др.) помещались в деревянных постройках неподалеку. К слову сказать, не все из приказов располагались в Кремле. В царствование его сына Федора Ивановича для приказов было выстроено новое обширное каменное здание с открытой площадкой внутреннего двора. Оно примыкало к Посольской палате, растянувшись фасадом по Ивановской площади на 30 саженей. Здесь всегда толпились многочисленные челобитчики, а к их услугам были сидевшие тут же площадные подьячие, которые громко предлагали свои услуги по написанию челобитных и других документов. Об этом до сих пор напоминает известное выражение «кричать во всю Ивановскую».

Вид от Кремлевского дворца в начале XIX в.

Здание Сената. Гравюра XIX в.

Рядом приводились в исполнение и вынесенные судебные решения. Под окнами приказом били стоявших «на правеже» должников. Обвиненных в более серьезных правонарушениях сажали в тюрьму. В 1540-х гг. она находилась здесь же в Кремле, близ Троицких ворот. Ее сумели отыскать в конце XIX в. под самым въездом в Троицкие ворота, когда во время раскопок наткнулись на две подземные двухъярусные каменные палаты, в которые вела каменная лестница. Нижние палаты соединялись с верхним ярусом только посредством узкого люка, образуя, таким образом, каменный мешок. Но, судя по всему, в конце XVI в. этой тюрьмой уже не пользовались, используя так называемую «Большую тюрьму» в Китай-городе, у Варварских ворот. Местом казней в 1540-х гг. была площадь перед тюрьмой в Кремле, а со второй половины XVI в. казни обычно совершались на Красной площади. Тут же находилось и место для официального оглашения правительственных сообщений. Речь идет о перестроенном в 1598–1599 гг. «Лобном месте каменном» – маленькой площадке, выложенной кругом камнем и окруженной железной решеткой, в которой была сделана дверь.

Ф. Я. Алексеев (школа). Вид Красной площади в конце XVIII в.

Водовзводная башня

Серьезные испытания выпали на долю Московского Кремля во время Смуты начала XVII в., когда он становится эпицентром борьбы за власть. Самый тяжелый период борьбы русского народа с иностранной интервенцией наступил во второй половине 1611 г. В это время центром движения за освобождение столицы стал Нижний Новгород, где сформировалось народное ополчение во главе с Козьмой Мининым и князем Д. М. Пожарским. В марте 1612 г. оно заняло Ярославль, а уже 24 июля к Москве подошел первый отряд ополчения. В августе ополченцы осадили Москву. Поляки во главе с гетманом Ходкевичем решили прорвать осаду. Но в ходе сражения 22–24 августа под стенами Москвы он был разбит. После отхода неприятеля началась правильная осада Кремля и Китай-города. У Пушечного двора в Георгиевском монастыре, между Дмитровкой и Тверской, у церкви Всех Святых на Кулишках были поставлены пушки, которые непрерывно били по стенам, осыпая их ядрами. Затем поставили пушки у самых кремлевских стен со стороны Москвы-реки. Д. М. Пожарский во избежание напрас-

ного кровопролития предложил полякам сдаться, но получил надменный отказ. Надо было продолжать осаду.

Польский гарнизон, насчитывавший 3 тыс. человек, терпел страшный голод и нужду. Еще в сентябре поляки выпустили из Кремля жен, детей и родственников бояр и других сидевших вместе с ними в осаде русских людей, предварительно отобрав у них остатки продовольствия и ценности. К началу октября голод достиг ужасающих размеров. Осажденные съели лошадей, собак, кошек, ели разваренную кожу с обуви, поясов, всякую падаль. Распространилось людоедство, картины которого рисуют очевидцы. Единственная надежда у них была на помощь польского короля Сигизмунда III. Между тем русские действовали все более решительно. 22 октября, развернув знамена, под звуки боевых рогов, они пошли на приступ Китай-города и по лестницам через стенные бойницы проникли внутрь. Поляки бежали в Кремль.

Занятие Китай-города имело решающее значение. Осажденные начали переговоры о сдаче, добиваясь спасения жизни. 26 октября был подписан договор о капитуляции поляков, по которому им гарантировалось сохранение жизни. В тот же день из Кремля были выпущены сидевшие в осаде бояре: князья Ф. И. Мстиславский и И. М. Воротынский, а также И. Н. Романов, жена его брата Федора – старица Марфа Ивановна Романова с сыном Михаилом, позднее ставшим царем. 27 октября поляки сложили оружие. Кремль был освобожден.

Любопытно, что именно к «Смутному времени» относится первый известный рисунок Кремля. Это была гравюра в сборнике Гесселя Герритса, выпущенном в Амстердаме в 1613 г. и переизданном в 1614 г., изображающая кремлевские стены и башни со стороны Китай-города. Предполагают, что источником для этой гравюры, помещенной в качестве врезки к карте, послужил рисунок нидерландского купца Исаака Массы, который долго жил в России и вернулся на родину в июне 1609 г.

События «Смутного времени» нанесли серьезный ущерб Кремлю. Сразу после освобождения в 1612 г. он представлял печальную картину: все кремлевские палаты и хоромы стояли без кровель, полов и крылец, без окончин и дверей, расхищенных интервентами для отопления своих жилищ. «Государева казна» была расхищена. Но постепенно он восстанавливается вновь. К приезду нового царя Михаила Романова постарались по возможности привести в пристойный вид хотя бы царский дворец, но из-за нехватки денег все делалось «на скорую руку». Наскоро отремонтировали и кремлевские укрепления. Лишь с середины 20-х г. XVII в. возобновляется новое строительство. В 1624 г. Баженом Огурцовым к столпу Ивана Великого и Петроковской звоннице с севера была пристроена так называемая Филаретовская пристройка (инициатором ее возведения был патриарх Филарет), увенчанная своеобразным шатровым верхом. Она предназначалась для четырех самых больших (из тридцати трех) колоколов Ивана Великого.

В XVII в. Кремль уже утрачивает оборонное значение. Внутренние укрепления, защищавшие лишь небольшую центральную часть, в таком большом городе, как Москва, потеряли смысл, и Кремль постепенно превращается в обширный и величественный дворцовый комплекс. Кремлевские стены и рвы уже не рассматривались в качестве военно-оборонительных сооружений. Во рву не было воды. Близ Спасской башни были устроены житницы. Часть рва около Неглинной была превращена в небольшой зверинец, где содержались звери, присылавшиеся в качестве подарка царям от иностранных государей. По Росписному списку Москвы 1638 г. в Кремле насчитывалось 44 двора, из которых 30 принадлежало дворянам, а духовенству – 14.

Утрата оборонительного значения Кремля не замедлила сказаться на его внешнем облике. Первый государь из династии Романовых велел построить для своего наследника царевича Алексея «в своем дворе палату, зело пречудную». Речь идет о трех верхних ярусах ныне существующего пятиярусного Теремного дворца. Два нижних яруса были воздвигнуты еще при Иване III, а верхние сооружены зодчими Баженом Огурцовым, Ларионом Ушаковым и

Трефилом Шарутиным при общем руководстве Антипа Константинова в 1635–1636 гг. Передняя площадка Теремов ограждена изумительной работы «Золотой решеткой».

В 40-е г. XVII в. вновь расписывают Успенский собор (почти все более ранние фрески были сбиты). О размахе работ свидетельствует факт, что в 1642–1643 гг. здесь одновременно работало более сотни мастеров. Позднее, в 1652–1666 гг., новую роспись получил и Архангельский собор. В числе художников упоминаются Федор Zubов и знаменитый Симон Ушаков.

Здание Старой Оружейной палаты. Середина XIX в. Литография

В середине XVII в. встал и вопрос о ремонте кремлевских стен. Однако работы затянулись надолго. Окончание ремонта и надстройка угловых башен относятся, по всей вероятности, ко времени после смерти царя Федора Алексеевича (1682 г.). При царевне Софье были окончены надстройки в виде высоких шатров на Беклемишевской и Водовзводной башнях, сохранившиеся до сих пор. В 1685 г. по образцу Спасской была надстроена и Троицкая башня. Никольская вплоть до 1806 г. оставалась в прежнем виде. На месте прежней деревянной вышки в 1680 г. была построена соседняя со Спасской шатровая Царская башня, имеющая вид открытой беседки. С этого времени общее число всех кремлевских башен, включая и отводную Кутафью, дошло до двадцати. В 1680 г. по распоряжению правительства кремлевские стены были окрашены в белый цвет (эта окраска сохранялась вплоть до 1918 г.). В это же время были вымощены и улицы в Кремле.

Кремль XVII в. по-прежнему являлся сосредоточием верховной власти. Здесь располагался царский дворец. Жизнь в нем была подчинена строго установленному этикету. Царские приемы, «столы» (обеда) и «выходы» совершались по заведенному чину и обставлялись особой торжественностью.

Тут же во дворце или примыкавших к нему пристройках размещались приказы, ведавшие беспокойным дворцовым хозяйством. На переднем дворе, напротив собора Спаса на Бору, помещался Приказ Большого дворца. В различных дворцовых помещениях располага-

лись мастерские, изготавливавшие царские одежды, Золотая, Серебряная и Оружейная палаты. На заднем дворе стояли поварни Кормового двора, служебные постройки Житного, Сытного и Хлебного дворов. За ними находился Конюшенный приказ. Во дворце помещались также Аптекарский приказ и Панихидный приказ – особая канцелярия для заведования поминками по умершим членам царской семьи, царям и великим московским князьям. В дворцовых помещениях располагался и созданный в 1658 г. при царе Алексее Михайловиче Приказ тайных дел, представлявший собой личную канцелярию государя. Особыми переходами соединялся с дворцом размещавшийся между Благовещенским и Архангельским соборами Казенный двор – место хранения царской казны.

По соседству располагались другие приказы. Выстроенное для них в конце XVI в. каменное двухэтажное здание ко второй половине XVII в. оказалось тесным, и в 1675 г. оно было разобрано. На его месте к 1680 г. было построено новое, также двухэтажное здание, шириной в 13 саженей (т. е. вдвое шире старого), тянувшееся на 67 саженей от Архангельского собора к Спасским воротам. Сюда были переведены семь приказов: Посольский, Разряд, Большой Казны, Новгородский, Поместный, Казанского дворца и Стрелецкий. Здесь они находились до конца своего существования. Прочие приказы были переведены в различные помещения в Кремле, Китай-городе и Белом городе.

Государев двор занимал пространство между нынешними Троицкой, Тайницкой и Боровицкой башнями. От остальной территории Кремля его территория отделялась второй внутренней стеной, которая шла параллельно основной Кремлевской стене от Тайницкой к Боровицкой, а затем к Троицкой башне. Потом она проходила от Троицкой башни в направлении Грановитой палаты и Благовещенского собора и заканчивалась у Тайницкой башни.

Начало XVIII в. стало важным этапом в истории Кремля. Даже внешне он отличался от остального города. Если застройка столицы была по преимуществу деревянной, то Кремль в его возвышенной части, «на горе», был почти полностью застроен каменными зданиями. Каменными были царский дворец, терема, Грановитая палата, соборы, церкви, трапезные и кельи в Чудовом и Воскресенском монастырях, приказы и другие правительственные, монастырские и церковные здания. Только во дворах знати и монастырских подворьях в восточной части Кремля каменные здания еще перемежались деревянными. По переписи 1701 г., в Кремле значилось 43 двора, т. е. почти столько же, сколько и шестью десятилетиями ранее, но из них уже только пять принадлежали дворянству, а 38 числилось за духовенством. Согласно той же переписи, в Кремле имелось 29 улиц и переулков, главным образом на «подоле», что говорит о густой застройке этой части, где стояли маленькие дворiki церковного причта. Вдоль стены Кремля со стороны Красной площади тянулся крепостной ров шириной 17 саженей, через который от Спасских и Никольских ворот были переброшены каменные мосты. По соседству с ними размещались каменные «раскаты» с медными пушками на крыше. Стены Кремля, потерявшие свое военное значение, постепенно дряхлели и осыпались.

Вид Царь-колокола и Ивановской площади в 1860-е гг.

Последний раз о военно-оборонительной роли Кремля вспомнили во время Северной войны. Ожидая нападения шведского короля Карла XII на Москву и не надеясь на прочность стен Кремля и Китай-города, Петр I специальным указом от 5 января 1708 г. приказал укрепить Кремль и Китай-город земляными бастионами со рвом перед ними. Вокруг Кремля со стороны Неглинной были возведены бастионы Боровицкий, Неглинный, Троицкий, Никольский и Воскресенский. В ходе этого строительства река Неглинная была переведена в ров, расположенный приблизительно там, где ныне решетка Александровского сада, а ее русло было засыпано землей, после чего там и были возведены бастионы. Со стороны Москвы-реки, между Тайницкой и Водовзводной башнями, было также сооружено несколько укреплений, но уже безо рва. С Красной площади Кремль вдоль рва XVI в. был обведен валом, который шел параллельно стене. Спасские и Никольские ворота были особо укреплены выступами вала.

Московский пожар 1812 г.

Для работ по сооружению укреплений было приказано мобилизовать по два человека с каждого московского двора, а также большое число жителей из окрестных городов. Для обороны московских укреплений было сосредоточено 3248 солдат, 97 офицеров и 245 артиллеристов под командой двух обер-офицеров. Артиллерия состояла из 658 медных пушек, 311 чугунных, 75 мортир и 52 других орудий разных калибров. В октябре бастионы осматривал царевич Алексей, доносивший отцу: «У Боровицких ворот роют до фундамента, где зачинают болворок. По Москве-реке между Тайницких и Москворецких ворот оставляют бревнами, и насыпают землю, и делают бруствер. А от Тайницких ворот до Водовзводной и от Москворецких ворот до Васильевского саду также будет оставлено бревнами. На кремлевских башнях бойницы пробиты и пушки ставят». 5 декабря сооруженные к тому времени укрепления приезжал осматривать сам Петр. Однако эти серьезные военные предосторожности оказались излишними. Поход Карла XII на Москву не состоялся, а сам он был разбит 27 июня 1709 г. под Полтавой. Но земляные бастионы вокруг Кремля и Китай-города простояли весь XVIII в. и начало XIX в. и были снесены лишь в 1819–1823 гг.

Перенос столицы в 1713 г. в Петербург стал для Москвы серьезным ударом. 9 октября 1714 г. был издан указ, запрещающий каменное строительство во всем государстве, кроме Петербурга, «пока здесь [в Петербурге] удовольствуются строением». Нарушителям указа грозили разорение и ссылка. Два месяца спустя новым указом от 15 декабря 1714 г. было предписано даже в Кремле, Китай-городе и Белом городе строить только разрешенного образца мазанки из глины, крытые черепицей или дерном. И хотя в отношении Кремля и Китай-города он был отменен 24 января 1718 г., подобная политика явно не способствовала строительству в Кремле, тем более что для застройщика устанавливался чрезвычайно жесткий срок в четыре года. Если он не успевал, то его двор мог быть обменян любым желающим на двор в другой части города.

И при преемниках Петра I Кремль практически не застраивался. Они обращали внимание на него только во время коронаций, когда по старой традиции должны были приезжать в Первопрестольную. Так, готовясь к коронации своей жены Екатерины (будущей императрицы Екатерины I), которая состоялась 7 мая 1724 г., Петр I распорядился отремонтировать в 1723 г.

в Кремле Грановитую, Столовую и Мастерские палаты «и прочие к тому принадлежащие строения». Грановитая и Столовая палаты предназначались «для церемоний», а в Мастерских палатах должны были «пребывать» император и императрица. Ремонт включал в себя обновление полов, оконных рам, обивку стен сукном, бархатом, парчой, росписи их красками, позолоту.

В 1730-х гг. Кремль выглядел запущенным и обветшалым. Только вступившая на престол в результате дворцового переворота 25 ноября 1741 г. дочь Петра I императрица Елизавета Петровна обратила внимание на него. Она приезжала в Москву четырежды: в 1742 г. на коронацию (25 апреля), в 1744 г. (ездила из Москвы в Киев и обратно), в 1749 и в 1754 гг. Как и Анна, в 1742 г. императрица Елизавета вначале остановилась в Потешном дворце в Кремле. Он являлся тогда единственным более-менее подходящим для проживания государыни кремлевским зданием. Но так же, как и ее предшественница, вскоре Елизавета предпочла переехать в «Зимний дом» на Яузе (бывший Анненгоф). То же повторилось и в 1744 г. У императрицы все же возникло желание построить новый дворец в Кремле. В 1749 г. она приказала Ф. Б. Растрелли выбрать место для его постройки. Со второго раза была определена «площадка»: «На месте Средней Золотой, Столовой и Набережной палат, подле Благовещенского собора». Для этого названные палаты были «бережно» разобраны и на «сводах и стенах древнего подклетного этажа» в 1752–1753 гг. построили новое здание, названное Кремлевским Зимним дворцом. Таким образом, в свой последний приезд в Москву в 1754 г. императрица Елизавета Петровна могла разместиться в новых кремлевских апартаментах. Это здание впоследствии неоднократно перестраивалось, а в XIX в. было снесено. Для нас интересно, что прежде чем приступить к сооружению нового дворца, Растрелли со своими помощниками – архитекторами Д. В. Ухтомским и А. П. Евлашевым детально осмотрел древний дворец и сообщал, что «в оном Кремлевском дворце всех покоев и с погребями находится до тысячи номеров и немалое число открытых площадок или галерей». Следствием внимания Елизаветы Петровны к Кремлю явилось также восстановление к 1754 г. Д. В. Ухтомским пострадавшего от огня здания Арсенала.

Определенный перелом в отношении верховной власти к Кремлю обозначился при Екатерине II. Она вступила на престол в результате переворота 28 июня 1762 г. Уже через несколько недель она прибыла на коронацию в Москву (сама церемония происходила 22 сентября). При этом она остановилась в Зимнем (или Елизаветинском) дворце, а ее сын и наследник восьмилетний цесаревич Павел Петрович расположился в Потешном дворце. Кремль произвел на Екатерину II не слишком благоприятное впечатление, и, уезжая в Петербург, императрица распорядилась перестроить Елизаветинский дворец и большинство его помещений отдать под присутственные места.

В 1764 г. Екатерина II повелела построить для нее в Кремле «покой... на месте, где Набережный сад». Этот «покой» для государыни с двумя галереями (Дамской и Кавалерской) был «устроен возле Сретенского собора». Но сведений о нем практически не сохранилось, и поэтому И. Е. Забелин предполагал, что он был переделан «из какой-либо старой палаты, потому что он был со сводами».

Оружейная палата и Большой Кремлевский дворец в середине XIX в.

В 1767 г. Екатерина II посетила Москву вновь. 30 июля этого года она открыла в Кремле заседания собравшейся здесь комиссии по составлению нового Уложения. Но на этот раз она не стала останавливаться в Кремле. Следствием этой ее поездки явился план, который мог бы совершенно уничтожить привычный нам облик Кремля. Императрица загорелась идеей выстроить здесь новую, более пышную и грандиозную резиденцию, которая стала бы одним из чудес архитектуры. В. И. Баженовым был составлен проект Большого Кремлевского дворца, предусматривавший коренную перестройку Кремля. В этой связи им в 1768–1773 гг. велась подготовка к строительству. Для ее осуществления была организована так называемая «Экспедиция по строению Большого Кремлевского дворца».

Вид на Патриаршие палаты с Ивановской колокольни в середине XIX в.

Основная идея В. И. Баженова заключалась в том, что новый дворец должен был воплотить славу России, стать как бы русским Акрополем. Согласно древней русской традиции, он должен был состоять из многих зданий: собственно дворца, его храма, театра, особых корпусов для коллегий, служебных помещений, связанных в единое целое. Внутри этого величественного здания, среди площадей размещались бы древние кремлевские соборы. Окружив прежние постройки Кремля новыми и разобрав некоторые кремлевские башни и стены, зодчий предлагал слить весь кремлевский ансамбль с городом, поставив задачу реконструкции всего центра Москвы.

Главный четырехэтажный корпус дворца, обращенный к Москве-реке, достигал по проекту 600 м длины. Его центральная часть выдвигалась вперед. Влево от дворца, вдоль кремлевских стен, обращенных к Неглинной, предполагалось разместить здание коллегий. Общая форма его плана соответствовала петровскому Арсеналу, расположенному по другую сторону Троицкой башни. Между Арсеналом и зданием коллегий образовывалась ромбообразная площадь. Справа от центра дворца, со стороны Москвы-реки, должна была разместиться огромная овальная площадь с победными обелисками в центре. Ее охватывала не менее грандиозно задуманная колоннада, к которой вели ступени. На них мог разместиться народ в дни торжеств. Дворец со всеми составляющими его корпусами, площадями, проездами и колоннадой был задуман как гигантский храм славы русского народа. Лес колонн, обрамлявший задуманную В. И. Баженовым овальную площадь, был бы подобен венку побед во славу отечества.

В 1773 г. была даже произведена закладка дворца, причем сломали древние постройки – Запасный дворец, здание Приказов и южную кремлевскую стену со стороны Москвы-реки, снеся четыре башни: Тайницкую, две Безымянных и Петровскую. Однако недостаток денег, технические сложности заставили императрицу отказаться от задуманного проекта, и снесенные сооружения были восстановлены вновь.

Тем не менее Екатерина II продолжала внимательно следить за Кремлем. В 1776 г. М. Ф. Казаков приступает к возведению в стиле русской архитектурной классики здания Сената. Работы были окончены в 1789 г. Строительная площадка имела очень неудобную форму треугольника, но мастеру удалось создать соответствующий этой форме своеобразный план здания в виде пятигранника, разместив внутри его обширный двор и поставив у одной из вершин треугольника огромный круглый (ротондальный) зал (его пролет – 24,7 м, высота 27 м). Он являлся лучшим и красивейшим залом Москвы тех лет. Зал украшен колоннами, барельефами и кессонированным куполом (сетка из квадратных углублений). Купол умело поставлен по оси Сенатской башни, образуя вместе с ней как бы единое архитектурное целое и вместе с тем подчеркивая центр Красной площади. Рассказывают, что кажущееся несоответствие огромных размеров купола с его легким видом вызвало у современников опасения, что он может обрушиться. Тогда во время разборки строительных лесов М. Ф. Казаков взобрался на купол и оттуда распоряжался ходом работ.

В последний раз государыня посетила древнюю столицу в 1787 г. после поездки в Крым. Но к этому времени Екатерина II уже охладела к Кремлю и не дала никаких новых распоряжений по поводу строительства в нем.

Короткое царствование Павла I не оставило следа в истории Кремля, за исключением факта его коронации 5 апреля 1797 г. По приезде в Москву он жил сначала в Петровском загородном дворце, а затем переехал в Слободской дворец, являвшийся ранее домом графа А. А. Безбородко. Сама же церемония имела отличия от предыдущих: короновался не только сам Павел I, но и его супруга Мария Федоровна.

В начале XIX в. Кремль вновь потребовал реставрации. Современники отмечали, что он находился «в ветхом и запущенном состоянии». Внутри кремлевских стен проверкой была выявлена «нечистота великая... особенно в зданиях Сената, под соборами... и даже во дворце... мимо так называемых Темных ворот, составлявших некогда проезд под дворцом

на Красную площадь, к соборам, страшно было ходить». Было решено даже поставить специальный караул между Троицкими и Боровицкими воротами, «дабы в них не могли укрыться мошенники». Длинный корпус Хлебного, Кормового и Сытного дворов представлял собой не что иное, как «развалины», и мимо него запрещено было даже ездить, «чтоб от сотрясения мостовой и в самом деле не обвалить всего здания».

В 1805–1807 гг. обветшавшая и грозившая рухнуть Водовзводная башня была полностью разобрана и заново восстановлена. От прежней постройки остался только ее белокаменный фундамент. Одновременно в 1806 г. была надстроена в «готическом» стиле Никольская башня, единственная на тот момент не имевшая шатрового верха. Вместе с тем именно в эти годы Кремль лишился целого ряда древних построек. С согласия Александра I и по приказу тогдашнего начальника дворцового ведомства П. С. Валуева в 1803 г. были снесены Гербовые ворота, часть Потешного дворца, корпус Хлебного, Кормового и Сытного дворов. В 1806 г. эта судьба постигла дом Бориса Годунова, проданный с аукциона на слом. В 1807 г. сломали Троицкое подворье. В 1808 г. были уничтожены все здания Заднего государева двора.

В это же время Московский Кремль приобретает еще одну функцию – музейную. Впервые мысль устроить в нем музей принадлежала еще Петру I. 10 января 1718 г. он, в сопровождении начальника Приказа Большой Казны боярина П. И. Прозоровского, посетил Мастерскую и Казенную палаты в Кремле. Осмотрев хранившиеся там царские венцы, платья и прочую «свою государеву казну», он распорядился отремонтировать обветшавшее помещение Казенной палаты. Во вновь отделанных ее комнатах государь велел сделать дубовые шкафы, «и те б все вышеописанные царские венцы и платье и все вещи поставить в тех шкафах явственно за стеклы». Однако эта идея нашла свое воплощение только спустя столетие. В 1806–1812 гг. на месте сломанных дворцовых корпусов архитектор И. В. Егоров построил в стиле классицизма XIX в. здание для Оружейной палаты, которая с 1806 г. приобретает характер музея. Правда, следует оговориться, что это не то здание, где она помещается ныне, а другое, превращенное в 1851 г. в казарму. По соседству с Оружейной палатой были выстроены три Кавалерских корпуса для помещения свиты.

В. Ф. Тимм. Коронационные торжества на Красной площади. 1856 г.

Настоящей трагедией для Кремля стала Отечественная война 1812 г. В понедельник 2 сентября французы вступили в Москву. В тот же день в разных концах Москвы одновременно вспыхнули пожары. Тушить их было некому – в огромном городе оставалось не более десяти тысяч жителей. Через сутки вся Москва была охвачена огнем. Наполеон со своим штабом сначала поселился в Кремле, но уже 4 сентября, опасаясь, что огонь может перекинуться и сюда, перебрался в Петровский дворец на Петербургском шоссе. Только 8 сентября, когда пламя стало стихать, он снова вернулся в Кремль.

Захват Москвы не означал, как надеялся французский император, окончания войны. 10 октября, после 39 дней пребывания в древней столице России, он вынужден был покинуть ее, отдав приказ маршалу Мортье взорвать уцелевший от страшного сентябрьского пожара Кремль. От взрывов сильно пострадали Грановитая палата, Арсенал, Потешный дворец, пристройка к Ивану Великому (сама колокольня дала трещину, но все же устояла); рухнула Водовзводная башня, наполовину обрушилась Никольская; было повреждено здание Сената, а кремлевские стены получили проломы в пяти местах. Полностью разрушить Кремль французам помешали погода – в день отступления случился проливной дождь и натиск ворвавшихся в Москву казаков. Кремлевские храмы были разграблены – из них французы вывезли 325 пудов серебра и 18 пудов золота. Были сняты крест с колокольни Ивана Великого, двуглавый орел с Никольских ворот, изображение Георгия Победоносца со здания Сената.

Вскоре началось восстановление разрушенного. Архитектор О. И. Бове реставрировал Никольскую башню в том же «готическом» стиле, но с некоторыми отступлениями в деталях и заново построил Водовзводную. Пристройка к Ивану Великому была восстановлена в прежнем виде по зарисовкам и чертежам фасада, сделанным в XVIII в.; были исправлены и другие повреждения.

В 1813 г. приступили к слому кирпичной облицовки и засыпке запущенного рва на Красной площади. В 1817 г. русло Неглинной заключили в трубу, а в 1821–1823 гг. разбили над ней Александровский сад.

Новые перемены в Кремле пришлось на царствование Николая I. С этого времени он начинает представлять собой своеобразный музей с архитектурными памятниками, живо напоминавшими славное историческое прошлое. Эти перемены прекрасно отразили современники. Говоря о Кремле, поэт К. Н. Батюшков отмечал: «Здесь все дышит древностью, все напоминает о царях, патриархах, о важных происшествиях; здесь каждое место озаменовано печатием веков прошедших».

На площади Плац-парадов (Царской), возле колокольни Ивана Великого, по распоряжению императора в 1836 г. установили на постаменте гигантский Царь-колокол. Неподалеку на другом каменном постаменте поставили на декоративном лафете Царь-пушку, весом 40 тонн, длиной более 5 м, отлитую еще в XVI в. (ее предназначали для обороны Кремля, но так и не использовали). Теперь и Царь-колокол и Царь-пушка приобрели значение символов могущества России.

В 1838 г. начался снос старых дворцовых зданий, кроме Грановитой палаты, Теремов и Золотой Царицыной палаты. На их месте было воздвигнуто здание Большого Кремлевского дворца, законченное в 1849 г. Автором проекта и строителем был архитектор К. А. Тон. Огромный четырехугольник дворца расположен на самом высоком месте Кремлевского холма. Занятая им площадь достигает почти 20 тыс. кв. м, а длина фасада составляет 114 м. Снаружи дворец кажется трехэтажным, но на самом деле он двухэтажный; верхний этаж состоит из ряда двухсветных залов, где окна расположены одно над другим. Здание включает в себе большой внутренний двор и до 700 отдельных помещений, в которых может разместиться до 20 тыс. человек. Над серединой главного фасада, обращенного на юг, возвышается четырехгранный

купол-шатер. Высота дворца с куполом – 44 м. Особенностью этого купола являются массивные металлические связи, которыми он соединен с кровлей. Эти связи служат в то же время громоотводами. Их система была разработана академиком Д. М. Перевозчиковым. Наконец, кремлевская резиденция императоров уже ничем не уступала их петербургской резиденции.

Площадь между новым дворцом и соборами обнесли чугунной оградой с четырьмя воротами, увенчанными императорскими гербами. Право въезда туда в экипажах имели только члены правящей фамилии.

В 1849–1851 гг. тем же архитектором К. А. Тоном было построено у Боровицких ворот, на месте древнего Конюшенного двора XVII в., новое монументальное здание в стиле Возрождения, занимаемое с тех пор и по сей день Оружейной палатой, которая с 1831 г. окончательно стала музеем. В ней, помимо древнего оружия, военных знамен и доспехов, трофеев Полтавской битвы (носилки Карла XII и литавры), хранились царские регалии, троны государей XVI–XVII вв., другие предметы. Перед ней и Арсеналом были собраны старинные военные орудия XVI в. и 875 пушек и гаубиц, взятых в сражениях с армией Наполеона.

Как и в предшествующее столетие, коронации российских императоров по традиции совершались в Кремле. Как правило, государи с супругами прибывали в Москву и останавливались в путевом Петровском дворце. Через три-четыре дня происходил их торжественный въезд в древнюю столицу и посещение Кремля. Но в кремлевских апартаментах император и императрица обычно не останавливались. До коронации они проживали в уединении, либо в Слободском дворце, либо как Александр II с Марией Александровной в подмосковном имении Шереметевых – Останкине. Из любопытных подробностей отметим, что несколько дней императорская чета молилась и «говела», т. е. духовно готовила себя к церемонии коронации, а за день до нее переезжала в Кремль.

Непосредственно в сами дни коронаций Александра I (15 сентября 1801 г.), Николая I (22 августа 1826 г.), Александра II (26 августа 1856 г.), Александра III (15 мая 1883 г.) и Николая II (14 мая 1896 г.) происходила уже хорошо отработанная церемония: праздничные шествия к Успенскому, Архангельскому и Благовещенскому соборам, церковный обряд коронации, торжественный обед в Грановитой палате.

В отличие от XVIII в. для участия в коронациях привлекается гораздо больше участников. Помимо придворных, генералитета, высших чиновников, старших офицеров и дворян в шествии императоров в Успенский собор участвовали лица разных сословий: городские головы губернских городов, депутаты от Войска Донского, Московской городской думы, Московского университета, Московского губернского правления, губернские предводители дворянства, а также представители иностранного купечества. Поэтому помимо открывавшего и замыкавшего шествие взводов кавалергардов еще один взвод от этого же полка шел вслед за лицами, несшими императорские регалии, и, соответственно, перед императором и императрицей. Церемонии сопровождался колокольным звоном и салютом.

В дни коронаций и других торжеств Кремль был полон народа. Но в будни здесь обычно было малоллюдно. Правительственных учреждений тут было немного – центр московской администрации находился на Тверской улице, и сколько-нибудь заметное оживление в будни вносил лишь находившийся в Кремле, в здании судебных установлений, московский окружной суд, да и то только когда здесь слушались на шумевшие дела. Постоянное население Кремля было ничтожно. Кроме нескольких сот дворцовых служителей, небольшой воинской части и монахинь Вознесенского монастыря, постоянных жителей здесь не было.

И хотя к началу XX в. Кремль уже давно утратил свое военное значение, тем не менее он по-прежнему числился крепостью. Это объяснялось тем, что, занимая господствующее положение над центром города, он гарантировал надежную оборону. Удобное местоположение позволяло также контролировать значительный участок левого берега Москвы-реки, перекрывая пути из Замоскворечья. Эти преимущества усиливались тем, что по соседству находились

важнейшие гражданские и военные учреждения. Кроме того, в Кремле располагался важный по своему значению Арсенал, в котором хранилось много оружия и боеприпасов. К тому же Кремль не утратил значения крупного религиозного центра страны. Здесь же находилась государственная сокровищница и значительная часть золотого запаса России.

Октябрь 1917 г. коренным образом изменил судьбу Кремля. С марта 1918 г. он стал резиденцией советского правительства. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. здесь произошли значительные перемены. Были снесены комплексы Вознесенского и Чудова монастырей, древнейший храм Спаса на Бору, разобраны небольшие церкви (Константина и Елены, Благовещения на Житном дворе) в нижней части кремлевского холма. Вместо снесенных монастырей появилось здание Военной школы ВЦИК (архитектор И. И. Рерберг), в котором позднее разместился Верховный совет СССР. В 1930-х г. были переделаны интерьеры Сената, приспособленного под здание Совета министров СССР, Большого Кремлевского дворца.

В 1959–1961 гг. у Троицких ворот, на месте, где располагались Офицерский, Кухонный и Гренадерский корпуса, один из двух Кавалерских корпусов, старое здание Оружейной палаты и бывшее Синодальное управление, был возведен по проекту архитекторов М. В. Посохина, А. М. Мндоянца, Е. Н. Стамо, П. П. Штеллера, Н. М. Щепетильникова, инженеров А. Н. Кондратьева, Г. Н. Львова и И. И. Кочетова Дворец съездов. Тем самым Кремль приобрел современный вид.

Хамовники

Храм Святителя Николая в Хамовниках

Свое название этот московский район получил от дворцовой Хамовной слободы. Здесь жили ткачи – хамовники.

В XVII в. в Москве широкое распространение получает производство различных тканей и тканых изделий, которые находили применение как в одежде, так и в интерьере (скатерти, полотенца, салфетки и т. д.). Тканая продукция в значительном количестве требовалась на нужды царского двора, немало ее уходило и на рынок. Основными поставщиками хамовной (ткацкой) продукции в Москве являлись Кадашевская и Хамовная слободы. В отличие от более многочисленных кадашей, производивших полотно, из которого делалось белье для государева семейства, хамовники занимались тканьем столового белья для дворцовых нужд, а название их профессии происходит от старинного слова «хамьян», обозначавшего один из сортов недорогой шелковой ткани.

Возникновение Хамовной слободы относится к концу XVI в., когда сюда, в излучину Москвы-реки, переселили ткачей из деревни Константиновка близ Твери, и поэтому первое время их поселение именовалось Тверской Константиновской слободой, а с XVII в. – Хамов-

ной. По своим размерам она была довольно большой: в 1638 г. здесь считалось 38 дворов, а в 1653 г. – уже 90.

Храм Святителя Николая в Хамовниках, 1679–1682 гг.

Тверские ткачи получали участки земли при условии выполнения хамовного дела на дворец: каждый двор обязан был выработать определенное количество материала пропорционально занимаемому участку. За нормальный участок в 240 кв. саженей полагалась полная норма выработки, или целое «дело», за половинный участок – «полдела» и т. д. Всего в Хамовниках в начале XVII в. считалось 29 «дел», в конце XVII в. – 51,75 «дела». В среднем за год в слободе производилось до 230 кусков полотна. От других повинностей и служб жители слободы были освобождены, а за свой труд получали денежное и хлебное жалованье (в среднем 1 руб. и 6–7 четвертей ржи или овса за одно «дело»). Сама слобода находилась в ведении Царицыной мастерской.

Центром Хамовной слободы стала церковь Николы, что в Хамовниках. Впервые она упоминается как деревянная в 1625 г., а в 1657 г. значится уже каменной. Существующее ныне здание храма было построено несколько позже – его заложили в мае 1679 г., а освятили летом 1682 г. Любопытно, что в 60-х г. XVII в. близ Хамовников, на Девичьем поле, пытались бурить скважины для добычи соляного рассола.

Свою производственную направленность слобода сохраняла почти весь XVIII в. При Петре I для нужд армии в Хамовниках был основан казенный Хамовный двор (его прядильное отделение упоминается здесь с 1707 г.). Но работала фабрика с большим убытком для казны и поэтому в 1718 г. была передана в частные руки группе лиц во главе с известным мануфактурщиком того времени Иваном Тамесом, с тем чтобы на ней производились «полотна, и скатерти, и салфетки, и тики добротой против заморских». Сведений об Иване Павловиче Тамесе

сохранилось немного. Судя по имеющимся данным, он был сыном одного из английских мастеров, которых Петр I пригласил в Россию из Западной Европы во время «великого посольства» 1697–1698 гг. Позднее ему удалось выделиться из их среды благодаря своим талантам. Сохранилась характеристика Тамеса, оставленная известным писателем XVIII в. П. И. Рычковым, который в детстве был отдан к нему для обучения языкам, бухгалтерии и коммерции: «Сей господин Тамес был муж великого сведения не только в коммерции, но и во многих других делах, и за его разум и многие полезные проекты к заведению и распространению в России разных мануфактур находился в особливой милости у его величества, высокочтимые памяти государя императора Петра Великого».

Колокольня храма Святителя Николая в Хамовниках

Полотняная фабрика Тамеса долгое время считалась самой крупной в Москве. В 1720 г. на ней трудился 841 рабочий и имелось 443 стана, располагавшихся в разных местах Первопрестольной. В Хамовниках же находилось только ее прядильное отделение. Получив управление над мануфактурой, Иван Павлович первым делом приступает к расширению производства, его концентрации в одном месте, и для этих целей он уже в 1720 г. прикупает в Хамовниках несколько соседних участков. К 1725 г. он становится единоличным владельцем мануфактуры.

Новодевичий монастырь в XIX в.

По соседству с Хамовниками располагалась Саввинская слобода, память о которой сохранилась в названиях Большого и Малого Саввинских переулков. Слобода была связана с историей небольшого Саввинского монастыря – родового богомолья московских бояр XV в. Добрыньских. Впервые эта обитель упоминается в завещании 1454 г. Петра Добрыньского: «Се аз... дал есмь в дом пречистыя Богородицы и своему господину Ионе митрополиту киевскому и всеа Руси монастырь Святого Савы, на Москве на посаде, и со всем тем, что к тому монастырю потягло». С тех пор обитель стала владением митрополитов, а затем патриархов всея Руси, которые довольно часто бывали здесь и имели патриаршие хоромы. Об их существовании становится известно из одного документа 1637 г., в котором сообщалось, что «киот с деисусы поставлен в Саввинском же монастыре перед патриарши хоромы в сенях».

Для обслуживания патриаршего хозяйства вблизи обители возникает небольшая слобода, первое упоминание которой относится к 1565 г. Сохранилось ее описание XVII в.: «Патриаршая вотчина, Саввинская слобода, на берегу Москвы-реки, Горетова стану, а в ней 32 двора бобыльских, людей в них 68 человек, кормятся на Москве всякою работою». По данным 1638 г., в ней считалось 35 дворов.

В середине XVII в. монастырь, бывший до того мужским, преобразуется в женский под названием «Ново-Саввинский Киевский, что под Девичьим монастырем». Определение «Киевский» было не случайным: первые монахини прибыли сюда из Киева. Но женская обитель не смогла конкурировать с расположенным поблизости Новодевичьим монастырем и просуществовала здесь недолго. Из сообщения 1690 г. выясняется, что к этому времени она прекратила свое существование и была обращена в обычную приходскую церковь. Чуть ранее прекратила свое существование и монастырская слобода, тяглецы которой в середине XVII в. были распределены между черными сотнями Москвы.

Святитель Алексей Московский

Более известной была история расположившейся по соседству с Саввинской монастырской Новодевичьей слободы, которая самым тесным образом переплелась с историей Новодевичьего монастыря, основанного в 1524 г. В отличие от Зачатьевского «стародевичьего» монастыря на Остоженке, он стал именоваться Новодевичьим.

Кремлевский Чудов монастырь в XIX в.

С самого начала эта обитель служила важным пунктом в обороне Москвы, защищавшим подступы к столице с запада. Монастырские стены являются сложным фортификационным сооружением, с различными видами боев, а в плане представляют собой неправильный четырехугольник периметром 840 м, с угловыми круглыми башнями, между которыми поставлены еще восемь четырехугольных. Стратегическое значение монастыря особенно было оценено в Смутное время, когда в период осады столицы он переходил несколько раз из рук в руки. И после событий начала XVII в. в нем постоянно размещались ратные люди, для которых около угловых башен специально были выстроены стрелецкие караульни. Часть стрельцов проживала в монастырской слободе, в которой, по данным 1638 г., насчитывалось 132 двора. К 1678 г. их число уменьшилось до 93. Центром слободы являлась церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи, первые сведения о которой дошли с 1625 г.

Спорткомплекс «Лужники»

В XIV в. земли по соседству с ней, в районе современного Бородинского моста, становятся владением ростовских владык (позже митрополитов), и здесь возникает Ростовская слобода. В 1412 г. ростовский епископ Григорий поставил здесь каменную церковь Благовещения Богородицы. В 1456 г. великий князь Василий Темный провожал досюда чудотворную Смоленскую икону Божьей Матери. Ростовские владыки продолжали владеть здешними землями и в XVII в. Документы этого времени фиксируют здесь обширное подворье ростовских владык, окруженное дворами их «работных людей». По описанию 1646 г., в слободе значились 7 крестьянских дворов (20 человек) и 25 бобыльских (51 человек). А «кормятся московскою работою», – уточняет источник. В 1678 г. на подворье стояли два митрополичьих двора, в одном из которых останавливались приезжавшие из Ростова митрополичьи дети боярские, а на другом – крестьяне.

Но этими слободами монастырские владения в этом районе отнюдь не ограничивались. Неподалеку от Крымского брода в XVII в. существовала слободка Чудова монастыря. Она была очень небольшой по размерам: в 1638 г. в ней насчитывалось всего 8 дворов. Ее возникновение самым непосредственным образом связано с кремлевским Чудовым монастырем, который был основан митрополитом «всея Руси» Алексием в 1365 г. По преданию, он разместился на месте ханского конюшенного двора, подаренного ханом Джанибеком митрополиту в память чудесного исцеления последним ханши Тайдулы. С самого начала Чудов монастырь, как ставропигиальный, всегда находился в ведении митрополитов, а затем всероссийских патриархов, а в XVI–XVII вв. его именовали иногда даже лаврой.

Будучи придворной обителью, Чудов монастырь являлся крупным землевладельцем. Достаточно сказать, что перед секуляризацией церковных имуществ в 1764 г. ему принадлежало около 18 600 душ крепостных. Для ведения хозяйства обители требовалась земля для поселения монастырской обслуги, но выделить ее в Кремле, где монастырь был буквально зажат между стенами и другими зданиями, не представлялось возможным. Поэтому в качестве выхода ему был предложен земельный участок для подворья близ современной Крымской пло-

щади с выходом на Москву-реку, по которой можно было сплавлять дрова и другие громоздкие припасы почти непосредственно до обители. Дворовая и огородная земли были отданы монастырю в 1613 г. На этом участке вскоре были построены два каменных и несколько деревянных строений.

Церковь Успения Богородицы на Остоженке в XIX в.

Несмотря на то что монастырская слободка исчезла здесь уже в XVIII в., обитель продолжала владеть участком даже после секуляризации вплоть до 1917 г.

По соседству с Новодевичьим монастырем располагалась принадлежавшая Конюшенному ведомству слобода Лужники – одна из трех, в состав которых входило это имя. Вплоть до начала XX в. значительную часть здешней территории составляли заливные луга, от которых слобода и получила название. В середине XVIII в. через Лужники прошел Камер-Коллежский вал и была образована Лужнецкая застава. Несмотря на то что Лужники вошли в состав города, в XIX в. большая часть здешних земель принадлежала купцам и сдавалась под огороды. Такое положение дел сохранялось почти до 1956 г., когда тут был построен крупнейший на то время в стране спорткомплекс «Лужники».

Одним из древнейших московских сел, расположившихся на территории современного района, являлось село Семчинское, находившееся между нынешними Остоженкой и Пречистенкой. Впервые оно упоминается в первой духовной грамоте Ивана Калиты, составленной в 1331 г. На протяжении двух столетий оно обязательно упоминалось в завещаниях московских князей. В XV в. Семчинское являлось одним из ближайших к городу сел и упоминается в московской губной записи середины XV в., более известной как «Запись о душегубстве».

По соседству с ним находился Самсонов луг. По духовной грамоте князя Юрия Васильевича, брата Ивана III, умершего в 1472 г., оно отошло к великому князю.

Икона Божией Матери «Неопалимая Купина»

Название села Семчинского встречается и в летописях. При описании московского пожара 21 июня 1547 г. сообщается, что «бысть буря велика, и потече огнь, якоже молния и пожаръ силенъ, промче въ единъ часъ Занеглимение огнь и до Всполия Неглимною, и Черториа погоре до Семчиньского селца». Приблизительно в середине XVI в. оно сливается с городом. Свидетельство тому находим у летописца, согласно которому Иван IV распорядился взять его в опричнину, вместе с близлежащими городскими дворами: «Повеле же и на посаде улицы взяти въ опришнину отъ Москвы-реки: Чертолскую улицу и з Семчиньскимъ сельцомъ и до всполя».

Церковь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» в Новой Конюшенной слободе в XIX в.

Центром села являлась находившаяся на Остоженке церковь Успения Богородицы. Храм документально известен лишь с 1625 г., но, несомненно, существовал значительно раньше. В 1668–1670 гг. он был перестроен в камне. Название сельца Семчинского в известных нам источниках встречается еще в 1625 г., но в середине XVII в. прежние вольности сельчан были уничтожены, и с этого времени здешняя жизнь окончательно сливается с судьбой остальной Москвы. С этого времени здесь упоминается Чертольская четверть сотни у Пречистенских ворот.

Стрельцы на Красной площади. Литография

Еще одним селом по соседству с Семчинским являлось село Киевцы. О его существовании узнаем из названия церкви Николая Чудотворца, «что в Киевцах», которая когда-то располагалась в районе современной Пречистенской набережной, на берегу Москвы-реки. В литературе, вслед за Н. М. Карамзиным, это село обычно связывают с рассказом родословцев о прибытии в Москву на службу к Ивану Калите боярина Родиона Нестеровича со всем своим двором в 1700 человек. Помимо обширных владений в ближайшем Подмосковье – в районе речки Всадни, ему, очевидно, досталось и это одно из ближайших к городу сел, где им была построена церковь Николая Чудотворца на самом берегу Москвы-реки.

Однако этому предположению противоречат очевидные факты. Храм впервые упоминается в сохранившихся источниках лишь с 1625 г. При этом он носил тогда уточнение «позади Зачатейского монастыря, за Чертольскими вороты». И только с 1657 г. у него появляется определение «что в Киевце, у Москвы-реки, на берегу». Данное обстоятельство позволяет думать, что это определение связано с событиями XVII в. В 1654 г. жители Киева присягнули царю Алексею Михайловичу, после чего разразилась русско-польская война. Именно с этого времени в Москве появляются выходцы с Украины, для поселения которых была выделена земля в этом районе, который стал именоваться Киевцем.

Здесь была деревянная церковь, а в 1691 г. ее перестроили в камне. Но берег постоянно подмывался водой, и во избежание окончательного разрушения храм был разобран в 1772 г.

Вплоть до XVII в. эти земли, ценные своими заливными лугами, оставались малозастроенными. Об этом свидетельствует уже само название здешней улицы Остоженки, образованное от стогов сена, раскидывавшихся по всполю. Поэтому неудивительно, что здесь возникают слободы, так или иначе связанные с животноводством.

Нынешний Кропоткинский переулочек ранее назывался Стадным, по Стадной слободе, где жили княжеские пастухи. О ней же напоминает и современный Молочный переулочек. Главным храмом слободы являлась церковь Святого Власия, издавна считавшегося на Руси покровителем скота. На него были перенесены верования, связанные с языческим богом Велесом. Именно по этому храму получил название соседний Власьевский переулочек. Хотя впервые церковь Св. Власия, «что на Козьем болоте», впервые упоминается в 1625 г., нет сомнения, что она существовала и ранее.

Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в «Старой» или «Большой» Конюшенной слободе в XIX в.

Однако главной здесь являлась дворцовая Конюшенная слобода, занимавшая обширную территорию на месте нынешних Гагаринского и Староконюшенного переулков. Слобода дворцовых конюхов образовалась близ Сивцева Вражка в начале царствования Ивана IV, когда царские конюшни были переведены с Кулишек на Чертолье.

Слобода была одной из самых больших в Москве (в 1632 г. в ней значилось 199 дворов, а в 1653 г. – 190 дворов). Ее главной артерией был нынешний Гагаринский переулок, который вплоть до начала XIX в. именовался Старой Конюшенной улицей. Центром слободы являлась церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в «Старой» или «Большой» Конюшенной. Собственно говоря, это определение храм получил после того, как в конце XVII в. после одного из частых московских пожаров дворцовую слободу конюхов перевели от Пречистенки за пределы

стены Земляного города близ большого поля, получившего название Девичьего, и где она стала известна под названием Новой Конюшенной слободы.

Центром новой слободы стала приходская церковь Неопалимой Купины. Сооружение храма, по преданию, было связано с интересной легендой, согласно которой однажды дворцовый конюх Дмитрий Колошин был обвинен в преступлении и попал в судебные передраги, из которых, казалось, не было выхода. Но помог случай. Бывая в Кремле по делам, конюх имел привычку молиться у иконы Неопалимой Купины, прося Богородицу о помощи во всех своих нуждах. Та не замедлила прийти ему на выручку и явилась во сне царю Федору Алексеевичу, объяснив, что конюх ни в чем не виноват. Государь призвал Дмитрия и объявил о своей милости, а тот в знак благодарности выстроил в слободе храм во имя иконы. Но данное предание является не более чем позднейшей легендой. Из документов конца XVII в. выясняется, что в действительности храм был освящен в 1683 г. «по челобитью приходских людей Конюшенной слободы всяких разных чинов». Тогда в ней значилось 78 дворов «конюшенного чину». Вскоре храм был перестроен в камне и простоял до 1930 г. Сама же слобода просуществовала до XVIII в., когда ее территория вошла в состав города, а память о ее существовании сохранилась лишь в названии Новоконюшенного переуллка.

Ближе к городским укреплениям в этом районе находились стрелецкие слободы, о которых напоминает целый ряд названий. Наименования Большого и Малого Левшинского переулков происходят от стрелецкого полка Афанасия Ивановича Левшина, расквартированного здесь в XVII в. Центром стрелецкой слободы являлась их приходская церковь Покрова Богородицы, которая так и именовалась: «что в Левшине», здание которой, выстроенное в 1697 г., простояло здесь до начала 1930-х гг.

Названия Zubовского бульвара и площади напоминают еще об одной стрелецкой слободе. Центром ее являлась церковь Троицы в нынешнем Померанцевом переулке, который ранее назывался по храму Троицким. Храм известен с 1642 г., когда здесь стояли стрельцы приказа Ивана Бегичева. Определение «что в Zubове» храм и вся окружающая местность получили от построенной в 1652 г. вместо прежней деревянной церкви тцанием «Дмитриева приказу Zubова пятидесятников и десятников и всех рядовых стрельцов» нового уже каменного Троицкого храма.

Церковь Николая Чудотворца в Новом Ваганькове, на Трех горах. Фото 1882 г.

Одним из древнейших следует признать и село Ваганьково, местоположение которого можно определить по церкви Благовещения «на Старом Ваганькове» во дворе Российской государственной библиотеки и Староваганьковскому переулку. В первой половине XV в. здесь находился загородный двор великой княгини Софьи Витовтовны, супруги великого князя Василия I. Летописцем он впервые упоминается под 1446 г.: «Приде князь великий на Москву месяца ноября в 17 день и ста на дворе матере своея за городом на Ваганкове».

Относительно происхождения названия «Ваганьково» в литературе высказывались самые разнообразные версии. Одна из них опирается на известный словарь В. И. Даля, где встречается слово «ваганить» (с пометой: вологодское), означающее «баловать, шалить, играть, шутить». На основе этого была выдвинута гипотеза, что здесь якобы находился «государев потешный двор». В ее подтверждение ссылались даже на средневековых вагантов. Более приемлемым является объяснение этого названия С. К. Романюком – от налога за взвешивание товара, который именовался «ваганным» (от слова вага – вес, тяжесть). Так, в одной из жалованных грамот XV в. на право беспощинной торговли читаем: «А коли с чем пошлют, с каким товаром или что купят себе, ино им с того товару не надобе мыт... ни померное, ни побережное, ни ваганное».

Долгое время это место находилось в княжеском владении. В 1472 г. князь Юрий Васильевич Дмитровский завещал своему старшему брату Ивану III: «А что мое место Ваганково да и двор на Ваганкове месте, чем я благословила баба моя, великаа княгиня, а то место и двор господину моему, князю великому».

Приглашенный Василием III итальянский зодчий Алевиз построил в 1519 г. на Ваганькове церковь Благовещения. В летописях Ваганьково встречается под 1514 и 1531 гг. Упоми-

нается оно и в рассказе о событиях 1547 г., когда сразу после опустошительного московского пожара молодой царь Иван IV спасался от разъяренной толпы на своем дворе в Ваганькове, а оттуда бежал в подмосковное село Воробьево.

Именно в Ваганькове располагался знаменитый опричный двор Ивана IV, из-за устройства которого жившие тут дворцовые служители были переведены на окраину тогдашнего города, в район Пресни, где они образовали поселение Новое Ваганьково. На прежнем же месте, которое стало именоваться Старым Ваганьковым, позднее разместились стрельцы, которые воздвигли напротив Боровицких ворот Кремля храм Николая Чудотворца, иначе именовавшийся как «Никола Стрелецкий», стоявший до 1932 г. на углу современных Знаменки и Волхонки. Храм значится здесь с 1623 г., а к 1657 г. он был уже каменным.

Арбат

Улица Арбат. Фото XIX в.

Свое название этот московский район получил по одноименной улице, наименование которой производят от слова «арба», т. е. телега. По предположению историков, здесь останавливались во время приездов в Москву татары. В последнее время в популярной литературе сложился весьма устойчивый миф, что Арбат является древнейшей улицей Москвы. Поводом для него стал широко отмечавшийся в 1993 г. 500-летний юбилей первого летописного упоминания этой одной из самых знаменитых московских улиц. Действительно, в Воскресенской летописи находим сообщение о пожаре 28 июля 1493 г., когда «выгоре... и Борис Глеб на Орбате». В данном случае речь идет о церкви Св. Бориса и Глеба, впервые упоминаемой летописцем под 1453 г. и находившейся близ нынешних Арбатских ворот. Но взглянув на карту города, легко заметить, что к современному Арбату она не имеет никакого отношения. В XV–XVII вв. Арбатом именовалась современная Воздвиженка. Нынешний же Арбат в состав города не входил и лишь только после строительства стены Земляного города в конце XVI в. получил свое название в качестве продолжения нынешней Воздвиженки. В середине XVII в. царь Алексей Михайлович приказал переименовать эту улицу в Смоленскую. Однако это название оказалось не слишком удачным, и в пределах Белого города она позднее стала именоваться Воздвиженкой – по стоявшему на ней Крестовоздвиженскому монастырю. Что же касается ее продолжения в черте Земляного города – она сохранила свое прежнее название.

Позднее современный Арбат был местностью, где жили в основном дворцовые служащие, ремесленники и стрельцы. Память об этом сохранилась в названиях прилегающих к нему переулков.

Находящийся близ Арбатской площади Филипповский переулок прежде именовался Иконным, по стоявшей здесь до середины XVII в. Иконной слободе, в которой жили царские иконописцы.

Центром слободы являлся храм во имя апостола Филиппа, по которому переулок и получил свое нынешнее название. В 1657 г. церковь показана еще деревянной, а в 1688 г. была перестроена уже в камне.

Плотников переулок назван был по Плотничьей слободе. По преданию, царь Михаил Федорович, восстанавливая Москву после Смутного времени, собрал из разных мест плотников и поселил их на Арбате. Всего, по данным 1638 г., в Москве насчитывалось 124 плотника.

Профессия плотника была одной из самых востребованных в Москве. Во время больших пожаров сплошь деревянный город нередко выгорал полностью, и его приходилось восстанавливать (первый упоминаемый в летописи пожар произошел 3 мая 1331 г., когда выгорел Кремль).

В 1632 г. в Плотничьей слободе отмечено 58 дворов. Ее центром был храм Николая Чудотворца, «что в Плотниках», известный с 1625 г. В конце XVII в. он был перестроен в камне и простоял на углу с Арбатом вплоть до начала 1930-х гг.

Денежный переулок напоминает о Денежной слободе, в которой жили денежники, чеканившие монеты. Впервые чеканка монет в Москве началась в конце XIV в. при Дмитрии Донском. Более подробные сведения о денежных мастерах дошли от XVII в. Среди них, кроме собственно денежных мастеров, имелись чеканщики, подметчики, резальщики, тянульщики, отжигальщики. Эти мастера принимались на Денежный двор «из вольных и ис торговых людей, кто похочет». Принимаемый в мастера обязан был принести присягу в добросовестной работе и, кроме того, представить поручительство посторонних лиц, гарантировавших, что мастер не будет красть серебра, примешивать в серебро медь и олово, воровать, подделывать чеканы и делать фальшивые деньги. Но и этого было недостаточно. По свидетельству Григория Котошихина, когда мастера «для денежного дела ходят на Двор, или з Двора, и их осматривают донага, чтоб они не приносили меди и олова и свинцу, или з Двора чего не снесли».

Переулок Каменной слободы расположился на месте Каменной слободы, где жили каменщики.

Начало каменного строительства в Москве относится к XIV в., когда 4 августа 1326 г. была заложена «первая церковь камня на Москве» – Успенский собор в Кремле. Это была сравнительно небольшая постройка, но она выделялась на фоне сплошь деревянной тогда Москвы. С XV в. наряду с белым камнем в строительный обиход входит и кирпич. Но и этот материал на первых порах оставался все еще дорогим, и поэтому из него строились в основном крепостные укрепления и наиболее важные государственные здания и церкви, сосредоточенные главным образом в Кремле. Частные дома, построенные из кирпича, были исключением. Определенные перемены происходят на рубеже XVI–XVII вв., когда для руководства каменным строительством было организовано особое учреждение – Каменный приказ. В нем, по словам Григория Котошихина, «ведомо было всего Московского государства каменное дело и мастера... да на Москве известные (производившие известь. – Лет.) и кирпичные дворы и заводы».

Церковь Николая Чудотворца, что в Плотниках на Арбате

Пространство между нынешними Поварской и Большой Никитской улицами в XVII в. было занято «кормовой» Поварской слободой. Ее обитатели дали названия Поварской улице, Хлебному, Скатертному, Ножовому и Столовому переулкам. По данным 1573 г., организацией продовольственного обслуживания царского дворца занималось 477 человек, составлявших штат Сытного дворца. Среди них источник называет сытников, поваров, помясов, хлебников, скатертников, подключников и представителей других специальностей.

Иван Грозный на соколиной охоте. Литография В. Шварца. XIX в.

На месте современного Нового Арбата располагался Кречетников переулок и находилась Кречетная слобода, в которой жили кречетники – охотники с соколами.

В XVII в. здесь находился царский Кречетный двор, в котором содержались для царской охоты кречеты (крупные белые соколы, вывезенные с Печоры и Сибири). Белые кречеты считались самыми лучшими среди соколов и принадлежали к ловчим птицам т. н. высокого полета. Они били добычу сверху, падая стремглав и убивая ее силой одного своего удара. Приходским храмом слободы была церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Кречетниках. В 1657 г. она значится уже каменной.

Церковь Николы Явленного на Арбате в XIX в.

Трубниковский переулок напоминает о Трубничьей слободе. В литературе существует разногласие относительно основного занятия трубников. По мнению П. В. Сытина, это были печники и трубочисты, на взгляд других исследователей, так назывались трубачи царского двора. Впрочем, возможна и другая версия: трубниками могли называться мастера, изготавливавшие различного рода трубы, применявшиеся в разных производствах. Но, судя по всему, более обоснованным представляется четвертое объяснение: здесь жили царские охотники. «Трубами» в это время называли вабики для приманки некоторых крупных травоядных животных: лосей, оленей, маралов и т. п. Они делались либо из древесины, либо из полых стеблей зонтичных растений и употреблялись охотниками в период течки животных для подманивания голосом самца других самцов, желавших вступить с ним в бой. Косвенно в пользу данного предположения говорят два обстоятельства: рядом с трубниками жили кречетники, относительно охотничьей специализации которых нет никаких сомнений, а также то, что являвшаяся центром Трубничьей слободы церковь Ржевской иконы Божьей Матери именовалась с определением «в Трубниках» очень незначительное время (около 1635 г.). В 1625 г. она означена

«за Арбатскими вороты», а в 1657 г. «в Поварской улице». Становится ясным, что загонщики жили здесь лишь во вторую половину царствования Михаила Романова, а с воцарением его сына Алексея, предпочитавшего соколиную охоту, их специальность исчезает, и прежде самостоятельная слобода сливается с Поварской.

Серебряный переулочек был назван, очевидно, по Серебряной слободе, где жили серебряники, работавшие на государевом Серебряном дворе. Но просуществовала она тут, видимо, недолго, поскольку ее центральный храм Николы Явленного в 1625 г. упоминается с определением «что за Арбатскими воротами в стрелецкой слободе». Все это свидетельствует о том, что мастеров здесь позднее сменили стрельцы, а сами они переселились за Яузу, где также известна слобода серебряников. Сам же храм, по преданию, был построен при Борисе Годунове и простоял до 1931 г.

Церковь Николы Чудотворца на Песках. Фото 1882 г.

По соседству находится Малый Каковинский переулочек, названный так по стрелецкой слободе, в которой жили подчиненные полковника Степана Каковина. Другая стрелецкая слобода располагалась в районе Спасопесковского переулочка. Он был назван так по церкви Спаса Преображения на Песках, известной с 1642 г. и бывшей одной из двух десятков церквей, выстроенных стрельцами в их слободах при царе Михаиле Федоровиче. В 1643 г. она значилась в «Филиппове приказе Оничкова», а в 1657 г. значилась «что в стрелецкой слободе в Тимофееве приказе Полтева». Можно полагать, что в этой слободе существовала еще одна церковь – Троицы на Арбате (на углу Денежного переулочка), сооруженная стрельцами в середине XVII в.

Рядом находилась еще одна стрелецкая слобода, центром которой являлась церковь Николы Чудотворца на Песках в нынешнем Большом Николопесковском переулочке. Впервые она упоминается под 1635 г., когда здесь жили стрельцы «приказа Гаврилы Бакина».

В 1657 г. она значилась уже каменной. Местоположение слободы можно определить по Большому, Малому и Среднему Николопесковским переулкам.

В границах современного района, уже за пределами Земляного города, на месте нынешних 1-го и 2-го Николощепковских переулков располагался дворцовый дровяной двор, при котором существовала слобода Щепы, в которой жили различные дворцовые служители.

Если учесть, что в старину Первопрестольная отапливалась исключительно дровами, становится понятным, насколько много их потреблялось в городе. Для столицы дрова обычно заготавливались в верховьях Москвы-реки и по ее притокам, а затем сплавлялись весной по реке в виде бревен, которые распиливались и раскалывались непосредственно уже в самом городе. Цена на них зависела от длины и ширины. Особенно ценились в Москве XVIII–XIX вв. крупные дрова, именовавшиеся «трактирными», поскольку прогорали медленнее и давали сильный жар. По тому, из каких пород деревьев дрова заготавливались, они разделялись на добротные – березовые и ольховые, средние – сосновые и еловые и худые – осиновые. Впрочем, последние, как дающие много пламени, особенно ценились пекарями.

Центром слободы являлась церковь Николы Чудотворца, «что в Щепах», каменное здание которой (1-й Смоленский пер, 20) было построено в 1686 г. «по челобитью дворцовых помясов, и хлебников, и сторожей».

Пресненский

Колокольня церкви Большое Вознесение

Название этому району дала небольшая речка Пресня, ныне заключенная по большей части в трубу и являющаяся левым притоком Москвы-реки.

В районе между современными Воздвиженкой и Большой Никитской, там, где находятся Большой, Малый, Средний и Нижний Кисловские переулки, в XVII в. располагались Кисловские слободы, в которых проживали кислошники, приготовлявшие для нужд дворца капусту, различного рода соленья, квасы. Строго говоря, слобод здесь насчитывалось две – патриаршая и дворцовая. В конце XVII в. тут было 124 двора. Рядом располагалась Калашная слобода, где жили пекари – калашники. Память о ней сохранилась до сих пор в названии Калашного переулка.

Современный Вознесенский переулок между Большой Никитской и Тверской улицами в Средневековье примерно посередине разделялся оврагом, где протекал ручей. Та его часть, что находилась ближе к Тверской улице, именовалась Новгородским переулком, по Новгородской слободе, населенной выходцами из Новгорода.

Церковь Малое Вознесение

Уже вскоре после присоединения Новгорода значительная группа новгородских купцов была переселена в центральные районы страны. В 1488 г. «новгородцев торговых людей много» было посажено на жительство «по всем городам московским». Особенно крупное переселение было произведено при Иване IV, боровшемся с новгородским сепаратизмом: в 1569 г. в Москву поехало 145 семей новгородцев, а в октябре 1571 г. из земской половины Новгорода – «гости веденные 40 семей», а из опричной – 60 человек с детьми.

Центром этого поселения являлась Вознесенская церковь (так называемого Малого Вознесения, названная так после постройки у Никитских ворот значительного большего по размерам храма, также во имя Вознесения), которая впервые упоминается в 1548 г. В 1653 г. в слободе значилось 333 двора.

Церковь Большое Вознесение. Современный вид

Церковь Большое Вознесение в XIX в.

Хлыновский тупик, между нынешними Вознесенским и Леонтьевским переулками, напоминает о существовавшем здесь селе Хлыново и стоявшей тут церкви Св. Николая, «что в Хлынове». По высказанному в литературе мнению, название этого храма обязано тому, что в церкви некоторое время (с 1552 по 1556 г.) находился образ Николы Великорецкого, принесенный из города Хлынова, как ранее именовалась Вятка. Однако позднее историкам стало известно летописное известие об основании этой церкви в 1514 г.: «Князь великий Василей другую церковь камену заложил Благовещение святей Богородицы за Неглимною на Старом Хлынове». Она была закончена строительством и освящена через два года. Указание летописца на «Старое Хлыново» со всей очевидностью говорит, что поселение на этом месте существовало гораздо раньше начала XVI в. Действительно, в источниках село Хлыново впервые упоминается в обводной грамоте XV в. земель села Большого Кудрина. Последние исследования историков показали, что помимо Хлынова на Вятке в XIV–XV вв. существовал другой город Хлынов – на реке Ветлуге. Во время феодальной войны он был razoren, и основная масса его жителей вынуждена была перебраться севернее – на Вятку, где основала одноименный город. Часть жителей бежала в Москву и Тверь, где также образовала небольшие поселения с этими же названиями.

С 1536 г. церковь в Хлынове значится как Николо-Введенский женский монастырь. Обитель перестала существовать здесь в Смутное время, а ее главный храм был вновь обращен в приходскую церковь.

Кольчуга и шлем русского воина XIV в.

Другие слободы расположились между нынешними Бульварным и Садовым кольцами. Здесь, между современными Малой Никитской и Тверской улицами, располагался район оружейников. Гранатный переулок получил свое название от Гранатного двора.

Церковь Воскресения Словущего в Бронной слободе

Одной из крупнейших здесь была Бронная слобода, память о которой сохранилась в названиях Большой и Малой Бронных улиц. Здесь было поселение мастеров-оружейников, изготавливавших броню. В 1632 г. в ней значилось 103 двора.

В старину бронником именовался латник, панцырник, делавший брони. Собственно говоря, под этим названием на Руси подразумевались кольчуги, которые были распространены на Руси с древнейших времен. В X–XV вв. кольчужная рубаха являлась основной, а часто и единственной броней русских воинов и вместе со шлемом и щитом составляла обычно все их защитное вооружение.

Церковь Рождества Христова, что в Старых Палатах

Всем здесь распоряжался Бронный приказ, впервые упоминаемый в источниках с 1573 г. и, по всей вероятности, основанный Иваном IV. Он заготавливал брони, шлемы, сабли, луки, стрелы, самопалы и другие предметы воинского снаряжения. По данным XVI в., в Бронном приказе состояло 110 мастеров, занимавшихся выделкой и ремонтом оружия. Источник называет среди них бронников, юмшанников, сабельников, мастеров самопальных пищалей. Московские «пансыри» были настолько хороши, что в 1589 г. бухарские послы домогались разрешения купить их. Мастера приказа за свою работу получали денежные и поместные оклады, что особо выделяло их из общей массы московских ремесленников.

Введенская церковь Новинского монастыря, что на Бережках. Литография XIX в.

Главной в слободе была церковь Иоанна Богослова, известная по документам с 1625 г. и перестроенная в камне в 1652 г., по которой был назван Богословский переулок. Поскольку слобода была большой, здесь имелся и второй приходский храм – церковь Воскресения Словущего на Малой Бронной, перестроенная в камне из деревянной в 1689–1690 гг.

Церковь Рождества Христова в Кудрине

Расположившиеся по соседству Большой и Малый Палашевские переулки указывают на слободу Палаша. Здесь же до 1935 г. находилась церковь Рождества Христова, «что в Старых Палашах». В одном из документов XVII в. она ошибочно названа – «в Старых Палачах», и это дало основание П. В. Сытину полагать, что здесь проживали палачи, казнившие преступников и приводившие в исполнение различного рода приговоры. В действительности же тут, очевидно, жили мастера-оружейники, изготовлявшие палаша – прямые и широкие обоюдоострые сабли с закрытым эфесом. На Руси палаша, являвшиеся видоизменением древнего меча, появились в XVII в. и были принесены с Запада иноземными ратниками, поступавшими на русскую службу. Это предположение тем более обосновано, что рядом находилась Бронная слобода, где также жили оружейники. Приходская Рождественская церковь здесь упоминается с 1573 г. Как деревянная она значится еще в 1657 г., а как каменная – с 1692 г.

Название церкви Большого Вознесения «в сторожах» у Никитских ворот Белого города напоминает о существовании здесь Вознесенской сторожевой слободы. Основной обязанностью ее обитателей была охрана зданий московских приказов. Любопытно, что в старину различали два вида охраны – караульная и сторожевая. В отличие от вооруженных караульных сторожа заступали на пост без огнестрельного оружия, оставались на посту от 4 до 6 часов и сменялись сами, без разводящего. Деревянная церковь на этом месте фиксируется с 1619 г. Дворы приказных сторожей упоминаются здесь еще в 1711 г.

Рядом с этими слободами располагались владения патриарха. Улица Спиридоновка и Спиридоньевский переулок получили свои названия по Спиридоньевской патриаршей слободе «на Козьем болоте». Ее центром являлся храм во имя Спиридона, известный как деревянный с 1627 г. и перестроенный в камне в 1633–1639 гг. Посвящение церкви именно этому святому – покровителю пастухов, очевидно, объясняется тем, что в слободе, видимо, разводили скот. О ее

владельческой принадлежности напоминают также Большой и Малый Патриаршие переулки. Слобода была достаточно большой и имела также другой приходский храм во имя святого Ермолая.

На границе Земляного города находилось село Кудрино, о местоположении которого дает представление московская топонимика – сохранившиеся и поныне Кудринские площадь и переулок. К этому следует добавить, что нынешняя Баррикадная улица до 1919 г. именовалась Кудринской. Первые сведения об этой местности восходят к рубежу XIV–XV вв., когда здесь находились обширные владения князя Владимира Андреевича Серпуховского с центром в селе Выпрямкове, которое располагалось в устье ручья Студенец при его впадении в Москву-реку (там, где позднее известна усадьба Студенец). Впоследствии центр этого владения сместился немного восточнее, в Кудрино, а на рубеже 20–30-х гг. XV в. вдова князя Владимира Елена Ольгердовна передала эти земли митрополиту Фотию, который в свою очередь передал их в собственность соседнего Новинского монастыря.

Центром села являлась церковь Рождества Христова, первые сведения о которой дошли с 1640-х гг. К этому времени Кудрино, вошедшее в состав города, превратилось в стрелецкую слободу. Храм, находившийся на Поварской улице, с 1693 г. числился каменным и простоял вплоть до 1931 г.

Н. Е. Сверчков. Царь Алексей Михайлович с боярами на соколиной охоте близ Москвы

Сам же Новинский монастырь располагался неподалеку, близ устья реки Пресни. Обитель была основана митрополитом Фотием в первой трети XV в. и с самого начала являлась домовым митрополичьим, а затем патриаршим монастырем. В нем имелись три храма: главный монастырский собор во имя Введения во храм Богородицы, Казанской иконы Божьей Матери и Иоанна Предтечи. Вскоре здесь возникает подмонастырская Новинская слобода, в которой, по описанию 1638 г., значилось 86 дворов. В 1646 г. здесь зафиксировано 125 дворов, из которых 72 были крестьянскими. Следует, правда, заметить, что Новинский монастырь никогда не занимал выдающегося положения среди прочих московских обителей. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1746 г. его превратили в женский, а в 1764 г. и вовсе упразднили.

Введенский собор был превращен в приходскую церковь, а в 1933 г. она была уничтожена. В черту Москвы эта местность вошла в 40-е гг. XVIII в.

Рядом с Новинским монастырем в XVI в. возникает еще одно селение, получившее название Новое Ваганьково, о котором ныне напоминает название Нововаганьковского переулка. Оно образовалось после того, как сюда из Старого Ваганькова (напротив Кремля, у пересечения Моховой и Знаменки) перевели государев «псарный двор» и обслуживавших его дворцовых служителей.

В XVII в. он находился в ведении Ловчего приказа, в распоряжении которого находилось одних псарей, конных и пеших, до 300 человек. В их обязанности входила забота «о всяких собаках, потешных, борзых и гончих, и меделянских, и волкодавах». Когда государь выезжал на охоту, они держали на сворах «хортей» (борзых). С 1631 г. Псарный двор несколько раз перемещался с места на место, пока в 1695 г. не был окончательно размещен в районе урочища «Три горы». В том же году здесь была построена деревянная Никольская церковь, которую в 1785 г. заменили на каменную.

В сознании современных москвичей название «Ваганьково» по большей части ассоциируется с именем Ваганьковского кладбища, которое располагалось приблизительно в 1 км к северо-западу от Нового Ваганькова. Оно возникло после знаменитой эпидемии чумы 1771 г. в числе прочих главных московских кладбищ. Еще в начале XX в. эта территория находилась за пределами городской черты и была мало застроена.

Рядом с Кудриним, при впадении в Москву-реку ручья Студенец, в древности находилось село Выпряжково, впервые упоминаемое в начале XV в. в завещании князя Владимира Андреевича Серпуховского. В годы феодальной войны второй четверти XV в. село было разорено, и в дальнейшем центр этого обширного имения переместился в соседнее Кудрино, а Выпряжково стало одной из многочисленных деревень кудринской вотчины, которая стала принадлежать Новинскому монастырю.

Обитель владела этими землями вплоть до начала XVIII в., когда они были пожалованы князю Матвею Петровичу Гагарину, одному из заметных деятелей Петровской эпохи. Первоначально он пользовался доверием государя, участвовал в числе знатнейших людей в суде над царевичем Алексеем, а позже был назначен сибирским губернатором. Но в Сибири он «прославился» своим взяточничеством. Размах его злоупотреблений был настолько велик, что выделялся на фоне своей эпохи, известной довольно либеральными взглядами на взяточников. Рассказывали, что Матвей Петрович умудрился даже утаить драгоценности, приобретенные для Екатерины I. Изобличенный обер-фискалом Нестеровым, он был по личному приказу Петра I отдан под суд и в назидание другим публично повешен в Петербурге в июле 1721 г. Все имущество князя, включая и ближнюю подмосковную усадьбу, названную по ручью Студенец, было конфисковано.

Однако усадьбу при Анне Иоанновне затем все же возвратили его сыну Алексею. Гагарины продолжали владеть Студенцом до конца XVIII в., когда усадьба перешла в качестве приданого к княжне Анне Гагариной, вышедшей замуж за тайного советника графа Д. М. Матюшкина. Впоследствии ею владела их дочь Софья, вышедшая замуж за графа Юрия Михайловича Виельгорского. В 1816 г. их сын граф Матвей Юрьевич продал ее купцу Н. И. Прокофьеву, от которого она перешла к графу Федору Толстому, в свою очередь отдавшему Студенец в качестве приданого дочери Аграфене, ставшей в 1818 г. женой генерала А. А. Закревского, впоследствии московского генерал-губернатора.

Московский генерал-губернатор граф А. А. Закревский

При нем наступает расцвет усадьбы: главный усадебный дом перестраивается, в парке появляются монументы в память войны 1812 г., прудам придается строго регулярная форма. При этом усадьба переименовывается в Трехгорное. Еще в середине XVIII в. зарождается традиция народных гуляний вблизи усадьбы. По близости Новинского монастыря они именовались среди москвичей «Подновинскими».

В 1831 г. последний продает усадьбу Павлу Николаевичу Демидову. Тот владел ею очень недолго и в начале 1834 г. подарил ее государству для организации школы садоводства (она просуществовала вплоть до революции), из которой впоследствии вышло немало специалистов. С этого времени эти места приобретают совершенно иной характер. Традиции здешних гуляний постепенно уходят в прошлое, перемещаясь в другие места – в Марьину Рощу и Ваганьково, а здесь возникают промышленные предприятия и окраинные кварталы Первопрестольной.

По соседству с Кудриним, близ реки Пресни, в последней четверти XVII в. возникает село Воскресенское. Начало ему было положено в 1681 г., когда царь Федор Алексеевич выбрал это место для строительства своего загородного дворца с домовою каменною Воскресенскою

церковью. Близ него возникает поселение, в котором жила царская прислуга, и в документах начала 80-х гг. оно именуется «государевым новым селцом Воскресенским». Речка Пресня была перегорожена несколькими плотинами, и около прудов расположился обширный сад площадью 63 гектара: «а в том саду садового строения 2400 яблонь по местам на грядах; 560 прививов, 34 гряды почек, 250 кустов вишнягу, 112 гряд смородины красной. У того саду садовников 13 человек». В селе находился и Потешный двор, в котором содержались различные звери. Так, из одного хозяйственного документа узнаем, что в 1685 г. тут имелся даже белый медведь.

Но Воскресенское не стало такой популярной царской резиденцией, как Коломенское или Измайлово, – этому помешала смерть царя Федора. Из-за политической борьбы между различными группировками при дворе его наследники уделяли этому владению слишком мало внимания.

В конце первой трети XVIII в. эти земли достаются выходцам из Грузии, о чем донные напоминают Большая и Малая Грузинские улицы. Их поселение Грузины образовалось после того, как в 1729 г. территория по соседству с Воскресенским была пожалована царю Вахтангу VI и приехавшей с ним большой свите. При его дворе была выстроена деревянная церковь, сгоревшая и в 1749 г. возобновленная вновь его сыном Георгием Вахтанговичем.

Самым западным селением этого района являлась Шелепиха. Ныне этим названием именуют местность, расположенную на левом берегу Москвы-реки, и где ныне известны Шелепихинские набережная, улица, шоссе и мост. Первоначально здесь находилась небольшая деревушка Афанасово, входившая в конце XIV в. в состав владений князя Владимира Андреевича Серпуховского, двоюродного брата Дмитрия Донского. В «Записи по истории села Большое Кудрино» сохранился перечень «тянувших» к нему 14 селений, среди которых встречается и Афанасово. После смерти Владимира Андреевича в 1410 г. эти земли переходят к его сыну Семену, а затем в конце 1420-х гг. вдова Владимира Андреевича Елена Ольгердовна отдает село с деревнями митрополиту Фотию. Тот в свою очередь передал это владение Новинскому Введенскому монастырю, основанному в начале XV в.

Монастырские власти осваивают эту территорию: сдают в аренду, заселяют крестьянами, строят хозяйственные постройки. Но в Смутное время проходившие именно в этом районе боевые действия привели к запустению здешних мест.

Писцовая книга 1623 г. во владении Новинского монастыря упоминает лишь одну деревню Ананьину, все остальные превратились в пустоши. В источнике впервые упоминается и «пустошь Шелепихка, что была деревня Афанасовская, на реке Москве. А в ней пашни перелогом худые земли 8 чети в поле, а в дву потомуж, лесу непашенного 5 десятин, сена по реке Москве 20 копен».

Название пустоши, очевидно, пошло от протекавшей здесь речки Шелепихи.

К концу XVII в. здесь располагались многочисленные монастырские постройки и дворы подъячих, конюхов, поваров, сторожей, садовников, огородников, обслуживавших монастырь. К 1740-м гг. местечко постепенно застраивается и заселяется. По решению Синодального экономического правления, которому стали подчиняться патриаршие владения, сюда были переведены синодальные крестьяне из Московского, Дмитровского, Юрьев-Польского, Ростовского и Любимского уездов. По данным ревизии 1747 г., их числилось 26 душ. Появляются и самовольные постройки дворцовых и помещичьих крестьян, отставных солдат и купцов. Первоначально местечко именовалось урочищем, а с конца 1740-х гг. в официальной документации именуется как деревня Шелепиха. По данным исповедной ведомости 1752 г., в деревне насчитывалось уже 17 дворов, в которых проживал 61 человек, в том числе 34 мужчины и 27 женщин. К концу XVIII в. деревня постепенно приобретает промысловую направленность. В 1796–1797 гг. здесь начинает действовать одна из первых полотняных мануфактур. Несмотря на то что в 1812 г. вся деревня была сожжена французами, ее развитие продолжается. К середине

XIX в. в окрестностях Шелепихи были зафиксированы два химических завода П. Ф. Гладилина и М. Ф. Жеребцова и ткацкая мануфактура В. П. Цинтера, на которых работало 107 человек.

Значительный размах приобретает промышленное строительство после отмены крепостного права. Появляются новые предприятия, через территорию деревни прокладывается железная дорога. Наряду со старыми предприятиями возникают бумагопрядильное заведение Е. П. Щербачевой, салотопенный завод купца М. Р. Родионова, сахарорафинадный завод Даниловых, пряничное производство В. В. Алтихова, а один из химических заводов был переоборудован в суконно-отделочную фабрику К. И. Пикерсгили. Число вольнонаемных рабочих на них доходило до 800 и более человек.

В начале XX в. жилой застройке начинают подвергаться участки земли, расположенные близ Пресненской и Покровской застав. Постепенно меняется и культурный облик селения: появляется начальное земское училище, более половины жителей были грамотными. Окончательно Шелепиха вошла в состав Москвы в 1927 г. С середины 1950-х гг. здесь началась и комплексная жилищная застройка.

Тверской

Церковь Косьмы и Дамиана в Шубине в XIX в.

Свое название этот район получил по Тверской улице – главной магистрали города, связывающей его с Тверью. Несколько слобод на территории нынешнего района располагалось в пределах Белого города.

Большой и Малый Гнездниковские переулки, расположившиеся между нынешними Большой Никитской и Тверской улицами, напоминают о московской местности Гнезники. Происхождение этого названия долгое время оставалось загадкой. Его производили от птичьих гнезд, ибо тут якобы находилась роща, изобиловавшая ими. Шаг вперед в истолковании этого слова сделал П. В. Сытин, предположивший, что гнезdnиками назывались мастера, изготовлявшие петли и другой металлический прибор к окнам и дверям. В 1648 г. здесь известен двор «Ивашки гнезdnика». Некоторые исследователи полагали, что гнезdnики занимались литейным делом. Но данное утверждение вызывает сомнение, ибо производства, связанные с огнем,

во избежание пожаров, столь нередких в деревянной Москве, обычно располагались вдали от густой жилой застройки и ближе к воде. Более верным представляется мнение С. К. Романюка, считающего, что гнезники делали стрелы, подсчет которых в те времена велся «гнездами». Так, в 1688 г. Петр I указывал сделать «два гнезда стрел, а сделав те стрелы, привезть к нему, великому государю, в поход в село Преображенское». Центром слободы являлась приходская церковь Николая Чудотворца, «что в Гнезниках», известная с 1625 г.

Но, пожалуй, древнейшим селением этой местности являлось село Шубино. До 1922 г. часть нынешнего Столешникова переулка (от Тверской площади до Большой Дмитровки) именовалась Космодамианским переулком, названным так по церкви Святых Космы и Дамиана, «что в Шубине», первое документальное свидетельство о которой встречается в 1625 г. Название этого села восходит к жившему в середине XIV в. воеводе князя Владимира Андреевича Серпуховского Акинфу Федоровичу Шубе. В 1368 г. он был послан со сторожевым полком против Ольгерда. 21 ноября того же года на реке Тростне он был встречен Ольгердом и в проигранном сражении погиб смертью храбрых. Литовский князь подошел к Москве, но с ходу взять ее не смог. Простояв три дня и ограбив окрестности, он вынужден был отступить.

По соседству с Шубиным располагалась небольшая слобода Скоморошки, о существовании которой становится известно из названия Воскресенской церкви, «что в Скоморошках», когда-то стоявшей на углу современных Большой Дмитровки и Столешникова переулков.

Персонажи «Шутовской свадьбы». Лубок XVIII в.

Скоморохами называли бродячих артистов в Древней Руси, ведущих свое происхождение от византийских скоммархов, имевших разнообразный потешный репертуар. В древности понятие «скоморохи» было довольно широким и включало в себя не только артистов, но и музыкантов, шутов, плясунов, певцов, акробатов, комедиантов, дудочников, волынщиков, гуслейщиков и т. п. Даже авторов драматических и сатирических сценок именовали скоморохами.

Церковь Космы и Дамиана, что в Шубине. Современный вид

При первых Романовых начинаются гонения на скоморохов. И хотя у царя Михаила Федоровича «государевы накрачеи» (т. е. бубенщики и литаврщики) официально состояли на службе, но его отец – патриарх Филарет, фактический глава государства, обрушился на скоморохов всей силой церковной мощи. Издавались указы против них, отбирались и уничтожались музыкальные инструменты. Упорствующих ослушников два раза секли батогами, а на третий раз ссылали в отдаленные места.

Патриарх Иона пошел еще дальше. В 1657 г. он пригрозил «наказанием без пощады» и отлучением от церкви не только скоморохам, но и слушавшим их мирянам. Тем не менее на протяжении всего Средневековья скоморохи продолжали потешать своими забавами московскую публику. Лишь к концу XVII в. они постепенно исчезают, поскольку в моду при дворе и в домах знатных москвичей начинает входить новое увлечение – театр. Но даже в XVIII–XIX вв. скоморошье искусство продолжало существовать, хотя и в видоизмененной форме балаганов.

Название Столешникова переулка напоминает о стоявшей когда-то здесь слободе Столешники, где жили ткачи, делавшие столешники – скатерти. Главной в ней являлась церковь Рождества Богородицы, упоминаемая с 1620 г., а в начале 1650-х гг. выстроенная в камне, на месте которой ныне стоит небольшая часовенка на углу Столешникова переулка с Петровкой.

Название находившегося неподалеку Копьевского переулка напоминает о Копьевской слободе, где жили копейщики – мастера, изготавливавшие копья. Их приходским храмом была церковь Спаса, снесенная еще в 1817 г.

Название Дмитровского переулка напоминает о существовании здесь Дмитровской слободы, где жили выходцы из подмосковного Дмитрова. Судя по всему, она образовалась в конце XV в., когда Дмитров вошел в состав Московского княжества.

Церковь Рождества Богородицы в Столешниках

Современный Крапивенский переулок (между Петровкой и Петровским бульваром) напоминает о слободе Крапивники. Ранее он назывался Сергиевским, по храму в честь Сергия Радонежского, известному как деревянный в 1625 г. и перестроенному в камне в 1678 г. и именовавшемуся то «в Крапивниках», то «в Старых Серебрениках», то «в Новых сторожах». Судя по названию, здесь жили мастера серебряного литья, которых позже сменили дворцовые сторожа.

Но чем же занимались жившие тут первоначально крапивники? В старину мелкоизрубленная и смешанная с мукой крапива употреблялась иногда для корма лошадей и для откорма свиней. Что касается молодой крапивы, то до сих пор весной из нее делают зеленые щи. Интересно, что в Древней Руси в этом качестве крапиву использовали и зимой. Для этого перед заморозками в тех местах, где она произрастала, снимали тонкие пласты земли, наподобие дерна, и хранили их в сарае. Зимой эти пласты вносили в кухню и, дав им оттаять, поливали водой – скоро появлялась молодая крапива, которую срезали для щей.

Другие слободы расположились между нынешними Бульварным и Садовым кольцами. На одну из них, Дегтярную слободу, указывает нынешний Дегтярный переулок. В этих местах недалеко от слободы ямщиков находился Дегтярный двор, сгоревший в мае 1712 г. Это соседство было неслучайным. Древесный деготь издавна использовался на Руси для пропитывания

кож (юфти, сбри и т. п.), чтобы придать им мягкость, а также для смазки колес. Помимо этого деготь использовался и в медицине.

Воротниковский переулоч (между Тверской и Малой Дмитровкой) остался свидетелем существования здесь Воротников, слободы сторожей крепостных ворот.

Часовня на месте церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Столешниках

Москва к началу XVII в. обладала четырьмя линиями укреплений – Кремлем, Китай-городом, Белым городом и Земляным городом. В их стенах находилось около трех десятков проездных воротных башен, которым требовалась охрана. Эти стражи назывались воротниками. Впрочем, в литературе было выдвинуто и другое объяснение основного занятия воротников: «воротом» назывался щит для защиты орудийной прислуги, а «воротниками» – те, кто его поднимал перед выстрелом.

Церковь Пимена Великого в Старых Воротниках в XIX в.

Вновь поступавшие на эту службу приводились «к вере» и с них снималась особая поручная запись: «никакой казны не покрасть и хитрости не учинить и не пить и не бражничать и с воровскими людьми не знаться и великому государю не изменить». Понятно, что селились они для удобства службы в одном месте. Приходской для них была церковь Святого Пимена «в Старых Воротниках», деревянное здание которой известно с конца XVI в., а каменное – с 1682 г. Редкое для московских храмов посвящение приходской церкви воротников святому Пимену некоторые исследователи объясняли тем, что в день памяти этого святого 27 августа 1382 г. в Москве «отворили врата градские» Тохтамышу, и он сжег город. Как бы в напоминание этого события главный храм этой слободы носил данное посвящение. Но данное предположение, на наш взгляд, не более чем домысел. Позднее слобода воротников была переведена отсюда еще дальше, к границам тогдашнего города – там, где позже возникает слобода Новые Воротники.

Церковь Пимена Великого в Новых Воротниках. Современный вид

Между нынешними Малой Дмитровкой и Цветным бульваром, южнее Каретных переулков, у Петровских ворот стены Белого города в XVII в. находилась крупная стрелецкая слобода, в которой насчитывалось до 1000 дворов. В память о том, что здесь в XVII в. располагался стрелецкий полк полковника Никифора Колобова, в 1922 г. были названы 1, 2 и 3-й Колобовские переулки. Приходской церковью здешних стрельцов была Знаменская церковь, упоминаемая в источниках как деревянная с 1635 г. В камне она была перестроена в 1676–1681 гг. Еще одной церковью здесь был храм Спаса Преображения «на Песках, в стрелецкой слободе за Петровскими воротами», находившийся в нынешнем Большом Каретном переулке. Впервые в документах он упоминается с 1621 г., хотя, вероятно, существовал уже в XVI в. В 1657 г. он значится деревянным, хотя по соседству возводился уже каменный.

Извозничья биржа. Литография А. О. Орловского. Начало XIX в.

За пределами Земляного города в XVII в. тянулись пригородные слободы. Одной из них была Тверская ямская слобода. Ее возникновение относится ко второй половине XVI в., когда за пределами Деревянного города, у его Тверских ворот, была поселена целая слобода ямщиков, главной повинностью которых было обслуживание дороги, соединяющей Москву с Тверью и Новгородом. С течением времени слобода все более и более увеличивалась в своих размерах: если в 1638 г. в ней насчитывалось 65 дворов, то в 1652 г. – 96, а в 1686 г. – уже 107. Поселение здесь формировалось вдоль главной дороги длинными параллельными порядками домов. Эти улицы получили названия Тверских-Ямских под разными номерами. И хотя со временем город все более и более надвигался на слободу, захватывая под застройку все новые и новые участки, слободской характер жизни здесь сохранялся очень долго – даже после того, как Камер-Коллежский вал очертил новые границы Москвы. И лишь только после пожара 1812 г., когда этот район сгорел полностью, эти места превратились в обычную часть города.

Храм Спаса Преображения на Песках в Каретном ряду

Происхождение названия местности, расположенной между семейством Тверских-Ямских и Новослободской улицей – Миусы, имеет много толкований, но все они недостаточно достоверны. Единственное, что нам точно известно, – впервые это название появляется лишь в XVIII в. После прокладки Камер-Коллежского вала эти места оказались в черте Москвы, но долгое время не застраивались и служили для выпаса скота и пашни. Застройка началась здесь лишь во второй половине XIX в. Со временем тут образовалась большая площадь с лавками, торгующими лесными строительными материалами. Середину ее занимала огромная глубокая лужа, под стать знаменитой миргородской, прославленной Н. В. Гоголем, в которой также застревали экипажи. В конце XIX в. городская управа решила отдать часть здешней территории под устройство Миусского парка конно-железных дорог. Это обстоятельство позволяет нам рассказать об истории общественного транспорта в столице.

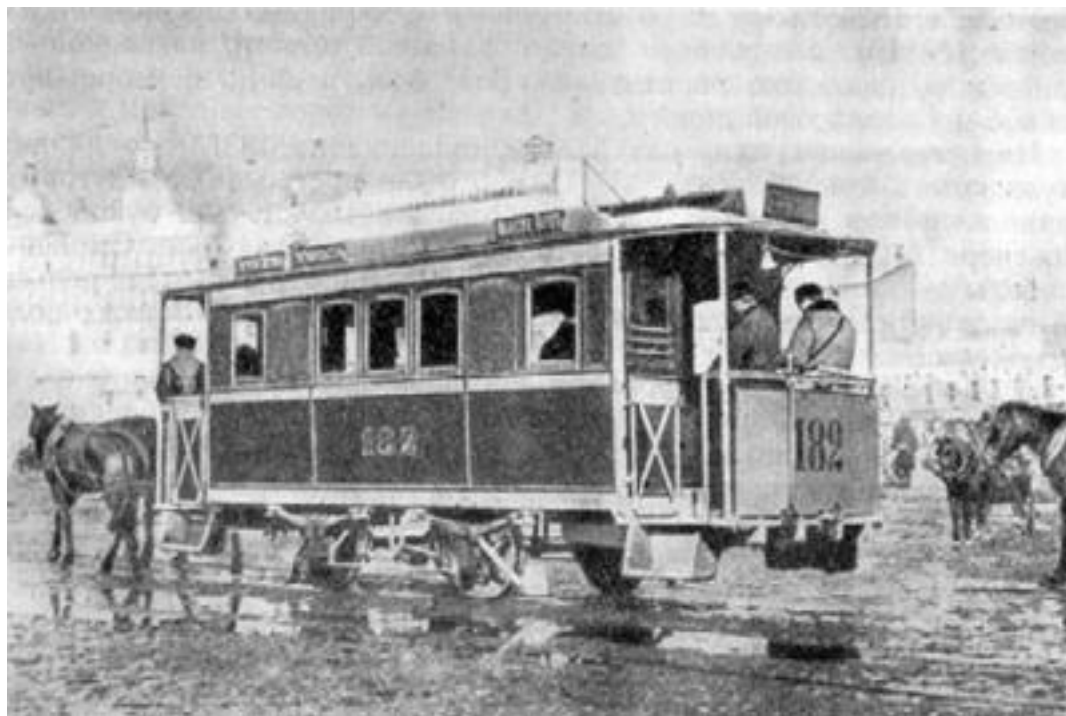
Здание бывшего Миусского парка конно-железных дорог

Расширение территории Москвы со всей остротой поставило перед городскими властями проблему необходимости создания общественного транспорта. Первым его видом стали так называемые «линейки», учрежденные в сентябре 1847 г. Это название произошло от того, что они представляли собой летние и зимние экипажи для 6–10 пассажиров с сиденьями по бокам. Пассажиры сидели в них лицом к тротуару, размещаясь как бы «по линейке». Официально же зимние экипажи назывались «общественными санями». Экипажи были крытыми, и в каждый из них запрягались 2–3 лошади. «Линейки» курсировали от центра города до застав, а летом их маршруты продлевались до Останкина, Сокольников, Петровского парка и других мест загородных прогулок москвичей. Первая стоянка «линеек» находилась на Красной площади, а затем была перенесена к Ильинским воротам.

Конка у Рязанского вокзала. 1902 г.

Но уже сравнительно скоро возник вопрос о замене «линеек» новым, более удобным видом общественного транспорта. Им стала конка, или конно-железная городская дорога. И хотя предложение о строительстве линии конки обсуждалось на заседании Городской думы еще в 1863 г., фактически конка появилась в Москве в 1872 г. к открытию Политехнической выставки. Первая линия была проложена от Брестского вокзала до Воскресенских ворот на Красной площади. Тогда же началось и строительство Миусского парка, который открылся в августе 1874 г.

Вагон конно-железной дороги

Успех нового начинания среди москвичей был очевиден. В 1875 г. создается «Первое общество конно-железных дорог в Москве», а в 1885 г. организована бельгийская компания «Главное общество конно-железных дорог». Эти организации построили линии конки по Бульварному и Садовому кольцу, проложили маршруты от центральной части города к его окраинам – на Воробьевы горы, в Дорогомилово, к Бутырмам. В 1880-х г. она стала основным видом городского транспорта в Москве. В середине 90-х гг. XIX в. конка перевозила в год до 25 млн пассажиров. К 1900 г. сеть конно-железных дорог в городе составила 90 км, а на линиях курсировали 2412 вагонов. Но уже в конце XIX в. конку сменяет трамвай. В связи с этим в начале XX в. меняется и профиль Миусского конного парка. Постройка трамвая первой очереди началась в 1903 г. и продолжалась пять лет. Но уже через год было открыто движение на некоторых участках, которые обслуживал Миусский парк. 22 сентября 1904 г. в парке состоялось открытие городской трамвайной линии – Марьинской (от Сухаревой башни до Марьиной Рощи). Через несколько дней вошла в строй Вокзальная линия (от Тверской заставы до Сухаревки), а еще через месяц – Петровская линия городского трамвая (от Страстной площади до Петровского дворца). Современная Долгоруковская улица, идущая от Садового кольца на север к Дмитровскому шоссе, в старину называлась Новослободской, по бывшей здесь когда-то Новой Дмитровской слободе, образовавшейся неподалеку от старой Дмитровской слободы (последняя находилась в пределах Земляного города). Она была выселком из нее и в обиходной речи часто именовалась просто Новой слободой. На своей главной улице слобожане выстроили церковь Николы Чудотворца, первое упоминание которой относится еще к XVI в., когда она была деревянной. Это обстоятельство заставляет предположить, что здесь были поселены жители удельного Дмитрова, оказавшиеся в Москве в результате «перебора» двора у дмитровских удельных князей. Слобода существовала здесь вплоть до первой половины XVIII в., когда к этому времени оказалась в пределах Камер-Коллежского вала, определившего новую границу Москвы. К этому времени Никольский храм был перестроен в камне. Его строительство затянулось на много лет – его начали в 1672 г., а закончили лишь к 1712 г. Церковь примечательна тем, что именно ее изобразил на своей картине «Боярыня Морозова» В. И. Суриков, живший

неподалеку от нее. О названии слободы ныне напоминают лишь Новослободская улица – часть Камер-Коллежского вала, и одноименная станция метро.

По соседству расположились Сущевские улица, вал и переулок, напоминающие о существовании здесь села Сущего, которое впервые упоминается в 1433 г. в духовной грамоте князя Юрия Дмитриевича Галицкого: «А из московских сел даю сыну своему Дмитрию... селце, что у города, Сущевское...»

Фрагмент картины «Боярыня Морозова» В. И. Сурикова

Но Дмитрий Юрьевич Шемяка недолго владел этим селом. После его поражения в феодальной войне второй четверти XV в. все его владения были конфискованы великим князем, и в следующий раз Сущего упоминается в завещании 1461 г. Василия Темного, отдавшего его своему сыну Андрею. Центром села являлась деревянная церковь Казанской иконы Божьей матери, документально известная с 1625 г. По некоторым данным, в XVI в. ранее здесь стоял храм Иоанна Предтечи, сгоревший в Смутное время. Новую церковь выстроили в 70 саже-

нях от старого места, уже во имя Николы Чудотворца. В 1682–1685 гг. «тщанием приходских людей» она была перестроена в камне и получила посвящение во имя Казанской иконы Божьей матери. Храм был выстроен с употреблением части могильных плит с погоста древней церкви. В 1930-е гг. он был уничтожен.

Несмотря на то что владения села простирались на довольно значительное расстояние между Дмитровской и Троицкой дорогами, население Сущева было очень невелико: по данным 1632 г., здесь насчитывался всего 21 двор. В этот период старое село фактически уже вошло в состав города и превратилось в Сушевскую слободу. Это обстоятельство привело к довольно быстрому увеличению поселения, и из Сушевской слободы в конце XVII в. выделяется Новая Сушевская слобода. Ее приходским храмом была церковь Тихвинской иконы Божьей Матери, выстроенная купцом Иваном Федоровичем Викторовым в 1694 г. Это позволяет довольно точно локализовать ее место по современным Тихвинской улице и переулку.

Нововоротниковский переулок напоминает о Новых Воротниках – слободе воротников, охранявших многочисленные московские ворота.

На землях села Сущева воротники появляются в 1658 г. В этот период успехи русского оружия в войне с Польшей сменяются неудачами, и московское правительство вынуждено было задуматься укреплении обороны столицы. Очевидно, именно с этой целью и было проведено переселение части воротников ближе к укреплениям Земляного города. На новом месте они к 1672 г. образовали слободу и выстроили Троицкую церковь с приделом Святого Пимена. Тот факт, что здесь до сих пор известен Пименовский тупик, а до 1929 г. Краснопролетарская улица именовалась Пименовской, позволяет довольно точно очертить границы этого поселения.

Мещанский

Церковь Николая в Звонарях

Свое название этот московский район получил по Мещанской слободе, располагавшейся в начале нынешнего проспекта Мира, и улице Гиляровского (ранее они именовались 1-й и 2-й Мещанскими). Ее история восходит ко второй половине XVII в., когда в результате русско-польской войны в Москве появилось много пленных и насильственно переселенных с захваченных территорий в Россию людей. После заключения Андрусовского перемирия 1677 г. многие из них возвратились обратно, но некоторые пожелали остаться. В Москве их стали расселять в особой слободе, названной Мещанской, от польского слова *mieszczanin*, т. е. горожанин. Для слободы отвели выгонную городскую землю за Сретенскими воротами Земляного города, а также отрезали часть угодий у соседних Напрудной и Троицкой слобод. До этого здесь располагалось стрельбище для пушечной стрельбы. Земля передавалась мещанам безвозмездно, а за постройки, которые оказались на отведенной земле, они должны были платить прежним владельцам. Наделение землей от казны вело за собой ограничение права распоряжения земельным участком: мещанин мог продать, заложить, обменять только дворовое строение, а землю мог уступить только обитателю Мещанской слободы.

Церковь Николая Чудотворца, что в Драчах

Храм Святителя Николая Чудотворца в Звонарях в XIX в.

Официально слобода была учреждена в конце 1670 г. или в начале 1671 г. В первые годы своего существования она сначала подчинялась Малороссийскому приказу, затем – Приказу Владимирской четверти, и снова Малороссийскому приказу. С 1676 г. всеми ее делами заведовал Посольский приказ, во главе которого стоял видный боярин того времени Артамон Матвеев. В 1684 г. в Мещанской слободе значилось 206 дворов.

Сразу после основания слободы мещане в 1672 г. выстроили в ней деревянную церковь Святых Мучеников Адриана и Натальи. Она была одной из самых богатых в Москве, о чем свидетельствует тот факт, что когда в 1674 г. в нее проникли воры, им удалось унести оттуда имущества на значительную по тем временам сумму в 160 руб. Правда, на этом злоключения храма не закончились – вскоре он сгорел и был возобновлен в камне в 1688 г.

Звонарский переулочек близ современной улицы Рождественки напоминает о Звонарной слободе, существовавшей здесь в XVI–XVII вв., в которой жили кремлевские звонари. Центром слободы являлся храм Николы, «что в Звонарях», упоминаемый как деревянный с 1619 г., а с 1657 г. каменный. Существующее ныне его здание было выстроено в 1781 г.

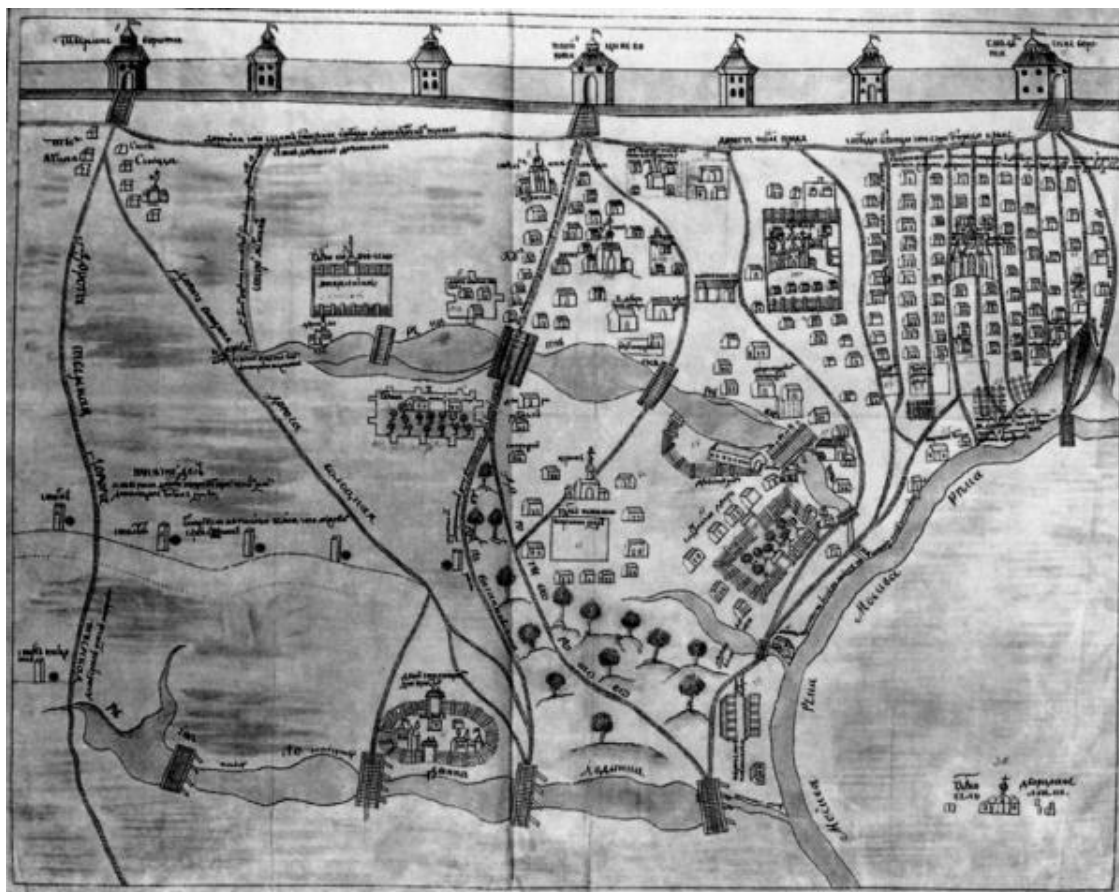
Расположенные по соседству Большой, Малый и Нижний Кисельные переулки хранят память о Кисельной слободе, где жили кисельники, готовившие различные кисели и другие подобные напитки.

Название Большой и Малой Лубянки напоминает о слободе псковичей, поселенных здесь после присоединения Пскова Василием III. В Москве псковичи образовали особый квартал. По замечанию летописца, Василий III «подавал им дворы по Устретенской улице, всю улицу

дал за Устреньем, а не промешал с ними ни одного москвитина». Его внук Иван IV свел в Москву в 1569 г. еще 500 человек из Пскова.

Другие слободы расположились в пределах Земляного города, между нынешними Бульварным и Садовым кольцами.

Располагавшаяся на Трубной улице церковь Николая Чудотворца носила определение «в Драчах». Очевидно, здесь находилась монастырская слобода монастыря Николы в Драчах, который сгорел в 1597 г. и более не восстанавливался.

План земли за Земляным городом конца XVII в.

Находящийся между Цветным бульваром и Сретенкой Печатников переулок напоминает о дворцовой Печатной слободе, где жили служащие Печатного двора – первой московской типографии в Китай-городе. Первой отпечатанной в Москве книгой считается «Апостол», изданный первопечатником Иваном Федоровым в 1564 г. Но уже до этого здесь было напечатано несколько богослужебных книг, приписываемых так называемой московской «анонимной» типографии. Сказать о первых московских издателях довольно трудно, ибо они не отмечали ни года издания, ни имени типографа. Но при Иване IV книгопечатание в Москве быстро прекратилось – отпечатаны были всего четыре книги (кроме «Апостола» это были «Часовник» и две Псалтири). Непрерывно в Москве церковные книги стали печататься лишь с учреждением патриаршества в 1589 г. Ученик Ивана Федорова Андроник Невежа сумел выпустить до своей смерти в 1602 г. 14 различных изданий. В период Смутного времени начала XVII в. печатное дело в Москве вновь замирает и снова возобновляется около 1620 г.

Церковь Сергия Радонежского, что в Пушкарях

В 1631 г. в Печатной слободе значилось 49 дворов. Приходской церковью московских печатников был храм Успения Богородицы, «что в Печатниках», сохранившийся и поныне. Деревянная церковь значится здесь с 1635 г., каменной упоминается с 1695 г.

«Соборное уложение». Московский печатный двор. 1649 г.

По соседству с селом Напрудным в XVII в. располагалась Троицкая слобода, принадлежавшая Троице-Сергиеву монастырю, крупнейшему из русских обителей. Ныне о ней напоминают названия Троицких улицы и двух переулков. Слобода разместилась здесь неслучайно – именно тут к Москве подходила Троицкая дорога, которая получила свое название от Троице-Сергиева монастыря и вела из первопрестольной к этой обители.

В слободе имелась приходская Троицкая церковь (2-й Троицкий пер., 10), которая была построена около 1632 г. В 1689 г. ее деревянное здание сгорело и было перестроено в камне на рубеже XVII–XVIII вв.

Церковь Живоначальной Троицы в Троицкой слободе в XIX в.

Слобода была одной из самых больших в Москве: в 1631 г. здесь, в селе Новотроицком, как тогда именовалась слобода, значилось 106 дворов. Из описания 1646 г. становится известным, что «Живоначальная Троицы Сергиева монастыря вотчинная Троицкая слобода, под Москвою, за Земляным городом» располагалась по обе стороны реки Неглинной. Помимо пяти дворов причта здесь отмечены «129 дворов безпашенных бобылей, а кормятся на Москве работою». В начале XVIII в. слобода вошла в городскую черту, и в дальнейшем ее история является составной частью московской.

По соседству со слободой печатников, на месте современного Пушкарёва переулка, находилась обширная Пушкарская слобода, в которой жили пушкарки (артиллеристы). Появление огнестрельных орудий на Руси относится к концу XIV в. Летописец впервые зафиксировал применение пушек при осаде Москвы ханом Тохтамышем в 1382 г. Служба пушкарей была пожизненной и, как правило, переходила от отца к сыну. В нее вступали, особенно вначале, вольные люди из всех сословий. За свою службу пушкарки получали хлебное жалованье, имели свои дома. В 1638 г. в слободе значилось 374 двора, а ее центром была стоявшая здесь до 1935 г. церковь во имя Сергия Радонежского, «что в Пушкарях». В 1625 г. она значится деревянной, а с 1653 г. здесь велось строительство каменного храма, завершившееся лишь к 1689 г. Здесь был известен также и другой храм – во имя Спаса Преображения, построенный в камне к 1683 г. Свой военный характер данная местность сохраняла еще очень долго.

Церковь Троицы, «что в Листах», располагавшаяся на Сретенке, напоминает о стрелецкой слободе. При царе Алексее Михайловиче здесь были поставлены дворы стрелецкого полка, находившегося в приказе Василия Пушечникова. Дворов здесь было около 500. В конце XVII в. здешними стрельцами командовал Л. П. Сухарев. Троицкий храм, известный по документам с 1635 г., с 1661 г. стал каменным.

Церковь Троицы в Листах в XIX в.

Древнейшим поселением нынешнего района за пределами Земляного города являлось село Напрудное, располагавшееся на берегах речки Напрудной, которая брала свое начало в районе нынешнего Рижского вокзала и затем впадала в Неглинку. В сохранившихся источниках это село впервые упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты 1331 г., завещавшего своему старшему сыну Семену «село Напрудское у города». На протяжении нескольких столетий село, переходя от одного московского князя к другому, находилось в дворцовом ведомстве.

Церковь Троицы в Листах в, современный вид

Возможно, центром села издавна являлась церковь во имя святого Трифона. Первые достоверные сведения о ней содержатся в документах Патриаршего приказа за 1625 г., а в описании 1646 г. она значится каменной: «Дворцовое Напрудное село, за Сретенскими вороты, по Переславльской дороге, подле Москвы, а в селе церковь Мученика Трифона каменная, у церкви во дворе поп Варфоломей, в селе 19 дворов крестьянских, людей в них 35 человек». Но, судя по всему, каменный храм существовал здесь значительно раньше: по натурным обследованиям существующее здание церкви было сложено из тесаного камня в первой половине XVI в. Позднее город подошел непосредственно к селу, и оно преобразуется в Напрудную слободу, которая в начале XVIII в. вошла в состав Москвы.

Красносельский

Церковь Николая Чудотворца на Мясницкой (до XVIII в.)

К Москве издавна прилегали многочисленные села, деревни и слободы, постепенно входившие в черту столицы. Одним из них было Красное село, память о котором запечатлена в названиях трех улиц (Верхней, Нижней и Малой Красносельской) восточнее Комсомольской площади, 1–6-го Красносельских проездов, станции метро и в наименовании московского района. Впервые о нем узнаем из завещания 1423 г. великого князя Василия I, отдававшего во владение сыну Василию «селце оу города оу Москвы над Великим прудом».

По духовной грамоте 1462 г., Василий Темный отдавал «село Красное над Великим прудом» своему старшему сыну Ивану, и с тех пор на протяжении нескольких столетий оно находилось в дворцовом ведомстве. Иван III имел здесь загородный двор.

В период Смутного времени Красное было фактическим ключом к Москве. Это хорошо понимал царь Василий Шуйский, который, борясь с «тушинским вором», в 1609 г. приказал «быти в Красном селе для оберегания от воров изменников воеводе Никите Михайлову сыну Пушкина да Нелюбу Васильеву сыну Огареву». С ними было более 600 стрельцов, около 300 ратников и 10 пищалей. Осознавал стратегическое положение села и самозванец. В 1609 г. Красное село было сожжено казачьим атаманом Гороховым, который переметнулся из стана Шуйского в лагерь «тушинского вора». В итоге конец царя был предопределен.

Неизвестный художник. Троицын день в Красном селе. 1840-е гг.

После Смуты село медленно восстанавливалось. К 1638 г. в нем считали 118, а в 1646 г. – 120 дворов. В XVII в. был заселен ближайший участок дороги к поселению, где сегодня пролегает Нижняя Красносельская улица. С 20-х гг. XVII в. упоминается стоявшая на ней деревянная Покровская церковь, при которой в конце того же столетия появился придел Николая Чудотворца. По близости ручья Ольховец за ней вскоре закрепилось наименование «на Ольховце». В 1730 г. был напечатан указ о строительстве каменного храма: предполагалось прибавить новый придел Иоанна Предтечи. Церковь неоднократно перестраивалась впоследствии, пока ее классический облик не был закреплён в 1838 г. мастерством О. И. Бове. Покровская церковь являлась главной доминантой южной половины села, где группировалась большая часть поселения.

В северной части главной была Крестовоздвиженская церковь. В 1692 г. на месте прежней деревянной была построена каменная, которую чаще именовали по приделу Тихвинской иконы Божией Матери.

Красносельский дворец в XVII в. не был значительным архитектурным явлением, как Коломенский или Преображенский. Он включал в себя деревянные жилые покои, придворную церковь Спаса и службы. Хоромы располагались на северном берегу пруда и фасадом выходили на водоем. В 1747 г. дворец ремонтировался под началом известного архитектора Ивана Мичурина. В 1776 г. церковь Спаса была упразднена «за ветхостью» и разобрана, а утварь передали в храм дворцового приселка Гольяново. В 1790 г. сломали последние остатки деревянного дворца, а его место стали сдавать на откуп частным лицам.

В конце XVII в. в Красном считали 220 дворов. Кроме дворцовых крестьян здесь жили подьячие, сокольники, ловцы, купцы, стольник и думный дьяк. В середине и конце XVIII в. к югу от Красного пруда, по берегам речки Чечеры, проходили народные гулянья. Здесь стояло много качелей и других увеселений. В 1759 г. Ж.-Б. Локателли был построен деревянный театр. В 1759 г. командированные из Петербурга в Москву для устройства театра актеры Ф. Г. Волков и Я. Д. Шумский ставили в «Локателлиевом доме» русские спектакли.

Прокладка в 1742–1747 гг. Камер-Коллежского вала фактически очертила новую границу Москвы, в которую включалось и Красное село. С этого времени оно окончательно стало

терять сельский уклад. В конце XVIII в. здесь считали 80 домовладельцев, т. е. на протяжении почти столетия население держалось на одном уровне. Около половины дворов принадлежало чиновникам и военным, а около четверти – купцам.

В Земляном городе, между нынешними Сретенкой и Мясницкой, расположился Панкратьевский переулок, названный так по находившейся здесь в XVII в. черной Панкратьевской слободе. Она была названа так, очевидно, по церкви Святого Панкратия, известной в сохранившихся документах с 1620 г. В ней жили по преимуществу скорняки. Они работали на дому и имели свои лавки в Скорняжном ряду, где торговали готовыми изделиями.

Слобода располагалась по обе стороны Сретенки, близ современного Садового кольца. Возникла она на рубеже 20–30-х гг. XVII в. и в 1653 г. насчитывала 168 дворов. Позднее, при царе Алексее Михайловиче, между дворами Панкратьевской слободы были поставлены дворы стрельцов поселенного здесь полка (приказа Василия Пушечникова), которым в конце века командовал Л. П. Сухарев. Об этом напоминает Костянский переулок, вплоть до 1922 г. называвшийся Стрелецким.

Мясницкая улица зафиксировала название Мясницкой слободы, в которой жили царские мясники. Центром слободы был храм Николая Чудотворца, документально известный с 1620 г., хотя несомненно, что он существовал уже в XVI в. Церковь была снесена в 1928 г., и ныне на ее месте расположилось здание Госкомстата (ул. Мясницкая, 39).

Большая Спасская улица и Спасский тупик напоминают о стоявшей за Сретенскими воротами Земляного города казенной Спасской слободе. В ней жили различные дворцовые служители. Она образовалась в середине XVII в., а ее центром стала Спасская церковь, построенная в 1642 г.

Басманный

Церковь Апостолов Петра и Павла на Новой Басманной. Фото XIX в.

Своим названием этот московский район обязан дворцовой Басманной слободе, память о которой сохранилась в именах Старой и Новой Басманных улиц, переулка и тупика.

Басманная слобода была одной из крупных дворцовых слобод Москвы, по числу дворов уступавшая лишь Садовой, Барашской и Огородной – в 1638 г. здесь считалось 64 двора, а к 1679 г. их ломаных сандриках и крепованных карнизах. Авторство постройки обычно приписывают известному архитектору Д. В. Ухтомскому.

Церковь Великомученика Никиты на Старой Басманной

К концу XVII в. Басманная слобода расширилась на север. Появилась новая улица, на которой не позднее 1695 г. встала «новопостроенная» деревянная церковь Петра и Павла, небесных покровителей царя Петра I. Ее приход состоял из 44 дворов – тяглецов Басманной слободы и «загородных», живших за чертой города. Однако эта территория, находившаяся по соседству с Басманниками, называется иначе – Новой солдатской, или Капитанской, значилось уже 113. Ее центром являлась Сретенская церковь с приделом Великомученика Никиты, известная с 1625 г. В 1722 г. церковь значится уже каменной, а через восемь лет – обветшавшим каменным строением. Но только спустя четверть века, в 1751 г., было построено существующее барочное здание (Старая Басманная ул., 16).

Церковь Апостолов Петра и Павла на Новой Басманной после реставрации

Считают, что оно включило в себя остатки прежней каменной церкви. Однако вряд ли старый слободской храм был таким большим. Прекрасные формы «елизаветинского» барокко видны в ломаных крыше и главке, обрамлениях окон, слободой; реже – Новой Басманной. Здесь указом царя были поселены военные, а с 1714 г. в обеих Басманных слободах дозволено строить дворы купцам. Уже к 1702 г. население района увеличилось более чем вдвое – в приходе стало 114 дворов.

По словам иностранных путешественников, здесь, по соседству с Немецкой слободой, жили те иноземцы, кто перешел на русскую службу и принял православие.

Несколько слобод района располагались в пределах Белого города.

Лучников переулок, расположившийся между нынешними Мясницкой и Покровкой, напоминает о Лучниковой слободе. По одной из версий, здесь торговали луком, по другой – жили ремесленники, изготавливавшие метательное оружие – луки. Центром слободы являлась Георгиевская церковь, «что в Старых Лучниках», упоминаемая как деревянная с 1625 г. и перестроенная в камне в 1693 г.

Еще об одной слободе – Блинниках напоминает церковь Николая Чудотворца, «что в Блинниках» (иногда она упоминается «что в Кленниках»), располагавшаяся в начале Маросейки. Предшественником этого храма являлась деревянная церковь Симеона Дивногорца, построенная в 1468 г. Иваном III. В XVII в. его сменил деревянный храм Николая Чудотворца, перестроенный в камне к 1657 г. Слободу населяли блинники – мастера, изготавливавшие блины.

В Древней Руси блины пеклись, как правило, в двух случаях – во время Масленицы и поминок, являясь неперенным их атрибутом. Обычай справлять Масленицу – неделю, предшествующую Великому посту, был перенесен на Русь через Византию из Древнего Рима, где

встрече мартовских календ предшествовали дни поминовения усопших. На Руси в старину первый масленичный блин всегда отдавался нищим на помин душ покойных.

Церковь Святого Георгия Победоносца в Старых Лучниках в XIX в.

Современный Архангельский переулок между Мясницкой и Покровкой был назван по располагавшейся здесь церкви Архангела Гавриила. В ее окрестностях находилась патриаршая Гавриловская слобода. Поскольку этот переулок в старину именовался еще и Котельниковым, можно полагать, что слобода была ремесленной. В 1632 г. в ней значилось 62 двора. Храм на этом месте впервые упомянут в 1551 г. и именовался тогда церковью Гавриила Архангела «в Мясниках». В 1620 г. он именуется как «Гавриила Великого, что на Поганом пруде» и уже тогда является центром Гаврииловской патриаршей слободы. С 1657 г. церковь значится уже каменной.

Церковь Архангела Гавриила (Меншикова башня)

С 1699 г. владения к северу от храма начинает скупать любимец Петра I Александр Данилович Меншиков, а к 1705 г. на месте современного почтамта сформировалась его обширная усадьба. В 1704 г. стоявший с нею храм разобрали и уже к 1707 г. возвели новую постройку, невиданную в Москве по высоте (81 м), вошедшую в историю под названием Меншиковой башни.

Церковь Архангела Гавриила (Меншикова башня)

Новая церковь вызвала пересуды у москвичей, ибо оказалась на полторы сажени выше колокольни Ивана Великого. Но простояла она недолго – 14 июня 1723 г. она загорелась от удара молнии: занялся деревянный шпиль, огонь перекинулся ниже, и все 50 колоколов упали, проломив своды. Так закончилось это предприятие всесильного вельможи. Лишь в 1770-х гг. храм был приведен в порядок.

Церковь Николая Чудотворца в Блинниках в XIX в.

Но, пожалуй, древнейшим поселением являлось село Кулишки, располагавшееся в районе между Маросейкой, Покровкой и Солянкой, память о котором долгое время сохранялась в названиях церквей Петра и Павла, Трех Святителей, Рождества Богородицы, Всех Святых, Кира и Иоанна, имевших одинаковые определения: «что на Кулишках». Свое название Кулишки получили от слова «кулига» – мокрое, топкое место. По преданию, именно здесь располагалось одно из сел боярина Стефана Ивановича Кучки, первоначального владельца Москвы в тот период, когда она являлась еще сельским поселением.

Еще одним древним селом здесь являлось Подкопаево, память о котором сохранилась в названии Подкопаевского переулкa и церкви Николы, «что в Подкопаеве». Впервые оно упоминается летописцем под 1493 г., когда после большого московского пожара сгорел дворец в Кремле, Иван III вынужден был поселиться «у Николы у Подкопаева под конюшнею в крестьянских дворех». Главным здесь являлся храм Николы Чудотворца. Здание церкви было каменным уже в 1629 г.

Спасоглиннищевский переулок был назван так по церкви Спаса, «что в Глинищах». Впервые в сохранившихся источниках Глинищи упоминаются в духовной Адриана Ярлыка – старца Симонова монастыря, составленной в 1460 г. Название этого поселения достаточно прозрачно. Здесь жили глинники, мастера, изготавливавшие глиняные печи.

Колпачный переулок, как полагают, был назван по Колпачной слободе, где жили ремесленники, делавшие колпаки. Ныне под этим словом, имеющим татарское происхождение, понимают головной убор. Но в древности первоначально так именовали высокую суживающуюся кверху шапку с узким меховым отворотом и с одной или двумя прорезами, к которой

прикреплялись пуговицы и запоны. Делались колпаки из дорогих материй, преимущественно бархата «червчатого», и украшались жемчугами и другими драгоценными камнями. Носили их московские князья. Колпаком также называли воинское наголовье, состоявшее из венца или околышка и навертья или высокой остроконечной тульи. Иногда для защиты щек, затылка и плеч к этому наголовью прикреплялась кольчужная сетка, застегивавшаяся у шеи или на груди запонами. Позднее этим словом стали обозначать головные уборы простонародья.

По соседству известны Хохловские переулок и площадь, напоминающие о существовании здесь Хохловки, поселения украинцев. Здесь они селились с начала XVII в., еще до воссоединения Украины с Россией. Церковь известна с 1625 г. и была перестроена в камне к 1657 г. Определение же «на Хохловке» впервые фиксируется с 1653 г.

Церковь Рождества Богородицы на Кулишках, что на Стрелке, в XIX в.

Церковь Успения Богородицы «в Котельниках» на углу нынешних Покровки и Потاپовского переулков свидетельствует о наличии здесь слободы котельников. Церковь известна с 1511 г., а в 1652 г. была перестроена в камне. Ремесло котельников требовало использования открытого огня, и поэтому неудивительно, что их поселение располагалось на окраине города. Однако с расширением городской территории слобода оказалась внутри жилых кварталов, и котельники, очевидно, вынуждены были перебраться за Яузу, где ныне известны Котельнические переулки и набережная.

Церковь Николая Чудотворца в Подкопаеве в XIX в.

Другие слободы расположились между современными Бульварным и Садовым кольцами. Между нынешними Мясницкой и Покровкой располагалась дворцовая Огородная слобода, обитатели которой поставляли различные овощи. Из них наибольший спрос имели капуста и огурцы. Из других овощей наиболее распространенными культурами являлись морковь, лук, чеснок, редька, свекла. Из фруктов наиболее популярными были яблоки. Несмотря на суровость московского климата, для нужд двора здешние огородники умудрялись выращивать в «содилах» (парниках) даже арбузы и дыни.

Церковь Николая Чудотворца в Подкопаеве, современный вид

Память о слободе сохранилась в названии переулка Огородная слобода. Она была одной из самых больших в Москве. В 1638 г. в ней значились 174 двора, а к 1679 г. их число возросло до 373. Главной здесь являлась упоминаемая в источниках с 1625 г. церковь Святого Харитона Исповедника, по которой получили названия Большой и Малый Харитоньевские переулки. Кроме этого, в слободе существовала и другая церковь – Трех Святителей, «что в Старых Огородниках», документально известная с 1635 г. и перестроенная в камне к 1680 г.

Церковь Успения Богородицы на Покровке в Котельниках. XIX в. Литография

Несколько больших дворцовых слобод находились южнее Покровки. Барашевская слобода дала название Барашевскому переулку. О занятиях населявших ее барашей в литературе долгое время шли споры, пока не стало ясно, что барашами назывались княжеские, а затем царские слуги, возившие за государем в походах шатры и раскидывавшие их в поле для царского отдыха. Документы отмечают в Барашевской слободе две приходские церкви: Воскресенскую и Введенскую. Первая из них упоминается с 1620 г., а вторая вошла в историю Москвы тем, что при ней в 1660-х гг. действовала одна из первых известных нам московских школ, которую на свои средства устроил местный священник И. Фокин. По некоторым сведениям, до поселения барашей здесь существовала небольшая Ильинская слободка.

Церковь Введения в Барашах

Два Казенных переулка (Большой и Малый) сохраняют память о Казенной слободе, располагавшейся с правой стороны Покровки. В Древней Руси казной называли запасы всяких вещей, драгоценных камней, денег и т. п. Отсюда выражения: казна домовая, казна постельная, казна золотая, казна серебряная и проч. Но чаще всего это слово употреблялось по отношению к великокняжеской, а затем царской казне. Ею заведовал казначей (эта должность начинает встречаться в источниках с конца XV в.), а затем Казенный приказ, впервые упоминающийся в 1578 г. Сама казна помещалась в Кремле, при Благовещенском соборе. Ее обширные и прекрасно устроенные кладовые под собором сохранялись очень длительное время, вплоть до начала XX в.

Церковь Троицы в Сыромятниках. Фото 1881 г.

Поскольку значительной частью казны являлись меха, различные наряды и т. п. ценные вещи, становится понятным, что в распоряжении приказа находились скорняки, портные и другие мастера. Основное население слободы составляли дворцовые служители, хранившие различного рода дворцовое имущество. В конце улицы стояла церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи. Существовал здесь и второй приходский храм – церковь Апостола Якова, прослеживаемая по документам с 1625 г. и перестроенная в камне в 1676 г. Последняя иногда именовалась «что в Хлебниках в Казенной слободе».

И.-Р. Сторн. Вид Немецкой слободы на реке Яузе

Находящийся неподалеку от них Казарменный переулочек когда-то именовался Дегтярным – по дегтярному двору, а также Малые Садовники – по небольшой (в 1638 г. в ней значилось 25 дворов) слободе садовников по его правой стороне.

Еще несколько слобод находилось уже за пределами Земляного города. Названия Верхней и Нижней Сыромятнических улиц, одноименных переулочков, проезда и набережной напоминают о существовании здесь Сыромятников – слободы кожевников. В Москве кожевники расселялись в нескольких местах. Так, в Замоскворечье, на правом берегу Москвы-реки, поселились овчинники, а на правом берегу Яузы сыромятники (шорники), давшие название этой местности. В 1638 г. в слободе имелось 38 дворов, а в 1653 г. зафиксировано 53 двора. Центром ее считалась приходская Троицкая церковь, стоявшая на углу Верхней Сыромятнической улицы и Сыромятнического переулочка. Здесь она простояла до лета 1933 г., когда была снесена.

Пожалуй, самой известной из московских слобод в этом районе была Немецкая слобода.

Согласно царскому указу от 4 октября 1652 г., иноземцы, не принявшие православия, должны были покинуть престижные районы Москвы и образовать иноверческое поселение на месте, удаленном от центра города, «где были... наперед сего немецкие дворы... до московского разорения (т. е. до 1611 г. – *Авт.*)». Под эти цели правительство выделило пустующий участок правобережья Яузы, западнее Басманных слобод и южнее дворцового села Покровского. Северной границей территории была Покровская дорога, восточной и южной – Яуза, западной – речка Чечера. Место это уже в XVI в. было облюбовано обосновавшимися в Москве «немцами» – европейцами разных национальностей, попадавшими сюда пленниками, а также в качестве наемных специалистов. Здесь, по свидетельству пана Станислава Немоевского, «лифляндские изменники» построили около полутора десятков домов «московским способом, с черными избами, над рекою Яузою; на ней, под забором, городские мельницы, которые они хотя и употребляют, но обыкновенно в каждом доме имея и жернов». Голландский купец Исаак Масса в своем сочинении о Московии пишет, что эти пленные лифляндцы получили здесь свободу с запрещением выезда из Москвы. Благоволивший им царь Борис Годунов даровал немецким купеческим людям «полную свободу и права гражданства в Москве наравне со всеми московскими купцами».

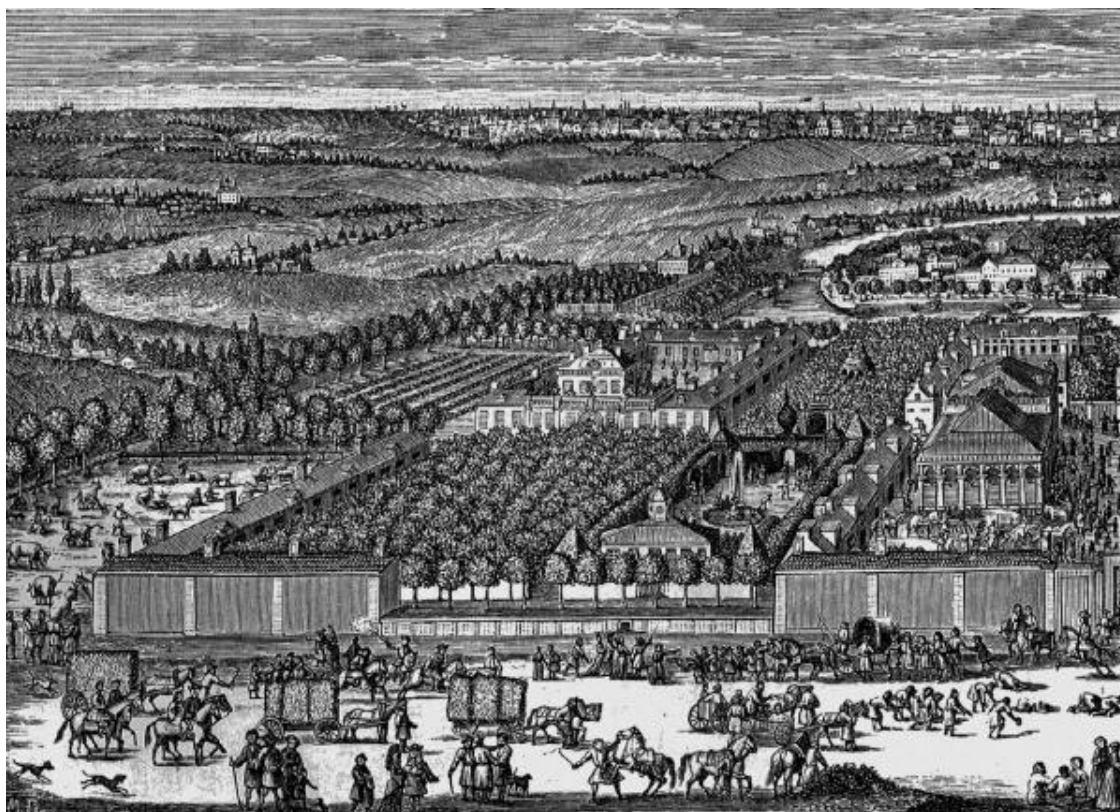

Евангелическо-лютеранская церковь Св. Михаила на Гороховом поле. Фото 1883 г.

Интерьер церкви Св. Михаила

Русские прозвали московский иноземный пригород Кукуем, по имени протекавшего в этих местах ручья, притока реки Чечеры. В XVI в. это было лишь одно из поселений иностранцев в городе. Англичанин Джером Горсей отметил населенный шотландцами район на Болвановке.

Немецкая слобода. Гравюра Генриха де Витта. Начало XVIII в.

В середине XVII в. этот участок на берегу Яузы действительно пустовал, и иностранцы, неохотно покидая насиженные места в городе, застраивали его деревянными домами. В зависимости от достатка иноземцев они походили либо на многоярусные хоромы, либо на жилища средних размеров. Деревянные дома иноземцев в центре города приказывали разбирать и переносить на новое место. Участки для построек отводились каждому по его личному состоянию, должности или промыслу.

Реконструкция палат XVII в. в Немецкой слободе

Вид Новонемецкой слободы в 1660-х гг. был пока еще типичной картиной, характерной для других московских слобод. Вдоль реки шла Большая улица, ставшая центром поселения (совр. Бауманская ул.). Другая улица «что подле Яузы» (ныне 2-я Бауманская ул.) появилась позднее, ближе к концу XVII в. – по крайней мере, рисунок И.-Р. Сторна, изображающий слободу 1661–1662 гг., ее не показывает. Немощенная дорога шла к Яузе в южной части иноземного поселения, там, где позднее появилась Вознесенская улица (ныне ул. Радио).

Патрик Гордон

Старейшей евангелической церковью в Новонемецкой слободе считалась кирха Св. Михаила, существовавшая уже в 1576 г., до разорения опричниками Старой Немецкой слободы. Она была возобновлена при Борисе Годунове.

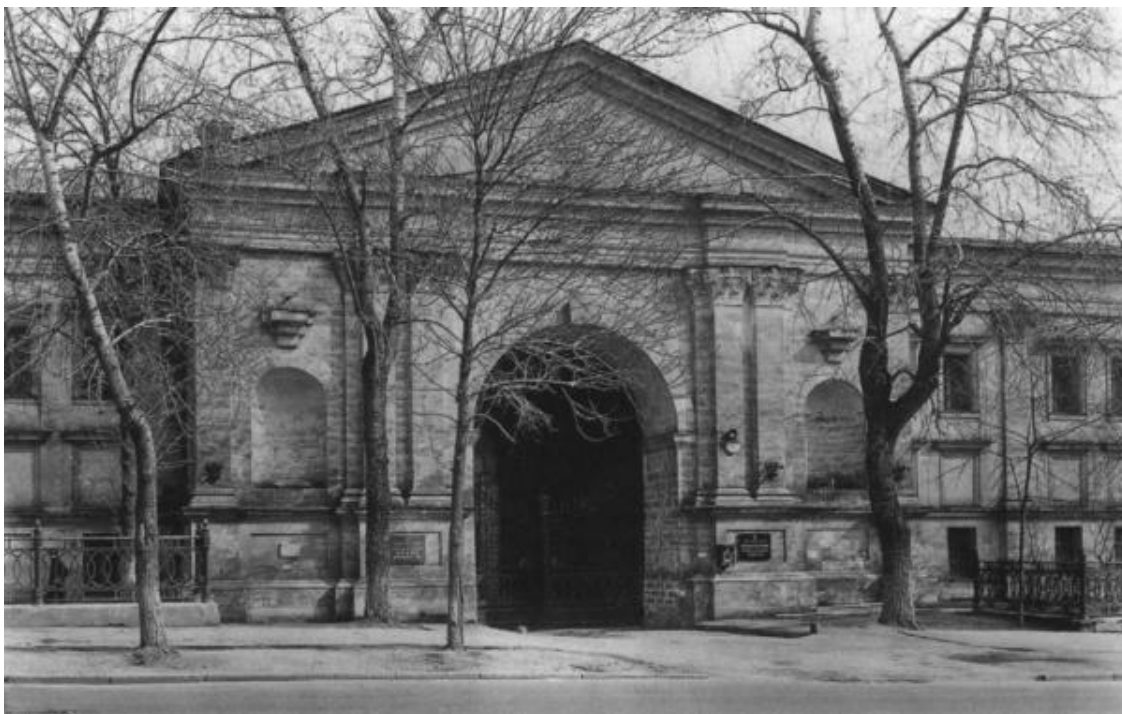
С того времени не одна деревянная церковь сменила другую. Однако все они были однотипны, ничем не отличаясь от обыкновенного срубного дома. При возобновлении слободы церковный участок (65×25 саженей) был выделен в южной части поселения, недалеко от Большой улицы и улицы, ведущей к Яузе (ныне ул. Радио). В 1626 г. московская лютеранская община разделилась на купеческую и офицерскую – «старая» церковь Михаила осталась за купцами. Их достаток, широкие возможности и обширные связи позволили уже в 1684–1685 гг. выстроить каменную кирху.

Кирха Св. Михаила была первой каменной церковью на территории Новонемецкой слободы. Она знаменовала собой и новое отношение московских властей к протестантам, и несомненную зажиточность обитателей-иностранцев.

Однако особенность Кукуйского предместья была в том, что большую часть населения в нем составляли военные. Образовавшаяся в 1626 г. офицерская лютеранская община построила отдельную лютеранскую церковь, возобновленную в 1661 г. на средства генерала Николая Баумана, одного из наиболее влиятельных людей Новонемецкой слободы. Последний получил первенство в церковном совете и титул «старшего призрителя». Протее Баумана был пастор Иоганн-Готтфрид Грегори, основатель в Москве первой театральной школы и директор «комедийной хоромины» – придворного театра, просуществовавшего до 1676 г.

Конец XVII в. стал расцветом слободы, многие обитатели которой нашли расположение у молодого царя Петра. В 1694 г. офицерская община вместо прежней деревянной начала возведение каменной кирхи Св. Петра. Одновременно велась постройка голландской реформатской церкви на углу современных Денисовского переулка и Немецкой улицы. На этом месте и прежде стояла деревянная церковь; в 1694 г. ее лишь заменили на каменную.

В отличие от протестантов, католики в Москве долгое время были стеснены в правах свободного отправления культа. Католические службы проходили эпизодически, нередко с приездом послов. Августин Мейерберг, посетивший Москву в 1661 г., с сожалением заметил, что «некоторые из наших единоверцев так отвыкли от наших богослужебных обрядов, что, хотя священник служил у нас ежедневно, они, к сожалению, были за службой всего раза два, три – и то кое-как». В слободе католики молились часто вместе с протестантами – редкое примирение, осуществлявшееся лишь вдали от родины. Ревностный католик Патрик Гордон, полковник Бутырского полка и сподвижник молодого Петра I, венчался и крестил детей у реформатского пастора.

Въездные ворота дворца Ф. Я. Лефорта

Обосновавшись в Москве, Гордон приложил немало усилий для постройки костела. 5 мая 1687 г., в день Вознесения Господня, была освящена католическая церковная палатка, в которой прошла служба. Католические священники, ксендзы, с 1692 г. жили в Немецкой слободе на дворе Франца Гваскони. Этот двор и был облюбован Гордоном для строительства каменного храма. Осенью 1694 г. в дружественной беседе с Петром I он выпросил у царя разрешение на строительство.

Влиятельных католиков, служивших при особе царя, было много меньше, чем протестантов. Понимая это, полковник Патрик Гордон взял на себя основные заботы по строительству. Но слух о идущем строительстве храма уже достиг дверей русских приказов. Близ дома лейб-медика Захария ван дер Гульста было сооружено каменное здание с подвалом; рядом находились деревянные детали потолка. Подрядчиком работ оказался русский, Никита Кузьмин Седой, крестьянин князя Барятинского. Гваскони, хозяин этого земельного участка, был вызван в Посольский приказ для объяснений – по какому праву на его дворе сооружается костел. Иноземец отвечал, что это лишь каменная палатка для погребения членов фамилии Гордонов. Русские быстро уловили обман – посланная на осмотр сооружения комиссия обнаружила в строящемся здании алтарную преграду. Строительство было приостановлено, а затем закрыто. Даже Гордон с его влиянием на царя не мог воспрепятствовать этому.

Лишь в самом конце XVII в. (около 1698 г.) католики выстроили деревянную церковь. По записям австрийского посла Гвариента, храм был очень тесным. В 1698 г. участники австрийского посольства, в числе которых был И.-Г. Корб, подарили церкви изображение чудотворной иконы Петценской Девы Марии. «Торжественность дня, значительно усиленная разнообразной и гармоничной музыкой нашего оркестра, привлекла сюда многих из протестантов», – заключает И.-Г. Корб.

Живущие в Москве католики, в отличие от протестантов, справляли праздники по старому юлианскому календарю «для большего согласия с русскими». Летом 1706 г. они выстроили взамен деревянного каменный храм, названный в честь св. апостолов Петра и Павла, небесных покровителей царя. Его возведение стало возможным лишь в то время, когда Петр I правил

единовластно, а влияние русской православной церкви заметно ослабло. Костел стал четвертой и последней иноземной каменной церковью в Немецкой слободе.

Сентябрьский пожар 1812 г. нанес страшный удар Немецкой слободе. Выгоревшим оказался практически весь район, включая католическую церковь и кирху Св. Петра. Спустя несколько дней после пожара вернувшиеся в церковь Св. Петра прихожане не обнаружили в ней ничего, кроме сгоревшей утвари, груды пепла, двух небольших серебряных ложек и потерянной кем-то пятикопеечной монеты. Значительная часть церковного архива сгорела. От всего комплекса документов сохранились лишь протокольная книга 1788–1812 гг. и отдельные церковные книги с 1694 г. по 1812 г.

Церковь Петра и Павла в Солдатской слободе в Лефортове

После 1812 г. на территории Немецкой слободы продолжала существовать лишь уцелевшая от пожара кирха Св. Михаила и некоторое время – возобновленная холодная католическая церковь. Сохранилось известие, что в пору оставления французами Москвы в кирхе Св. Михаила размещалось более 20 семей погорельцев, нашедших здесь временный кров. Остальные общины стали покупать участки в других частях Москвы, более приближенных к центру города. Так, в 1817 г. община кирхи Св. Петра, чаще именовавшаяся Петропавловской, купила

для возобновления храма земельный участок усадьбы Лопухина недалеко от Покровки, в Космодамианском переулке. Вскоре и католики возобновили теплую церковь в Мясницкой части города.

Кирха Св. Михаила простояла в Немецкой слободе вплоть до советского времени. Окрестную территорию по ул. Радио запланировали под строительство аэрогидродинамического института, более известного под аббревиатурой ЦАГИ. В 1928 г. кирху закрыли, а вскоре церковное строение снесли. Была уничтожена старейшая в Москве евангелическая церковь, пережившая и Смуту, и пожар 1812 г. Немецкая слобода оказалась как бы обезглавленной. Ее имя напоминает сегодня о давней истории и о разрушенных традициях уникального московского района.

К Немецкой слободе с северо-запада примыкало село Елохово. Местоположение села легко определить по известному Богоявленскому собору (Елоховской церкви).

Село Елохово известно с 1694 г., а точнее, как оно именуется в 1712 г., «Елохова слобода». Встречается наименование этих мест как «Богоявленская слобода, что в Елохове» – тогда она принадлежала соседнему дворцовому селу Покровскому-Рубцову, а Богоявленская церковь являлась одним из четырех храмов этого соседнего села. Такое положение сохранялось вплоть до 80-х гг. XVIII в.

Церковь Богоявления в Елохове (Патриарший Богоявленский собор)

Очевидно, что Елоховская слобода возникла в конце XVII в. в результате расширения соседнего Покровского села. Год от года царское село увеличивалось. «Новоприбывшие» из разных мест Русского государства заселяли стороны главной сельской дороги.

Храм стал центром нового поселения, а в его приходе в конце царствования Петра I было записано 116 дворов. В 1717 г. церковь значится каменной, с приделом Благовещения. Она, скорее всего, была заложена до 1714 г. – до известного указа о запрете в Москве и России (кроме Петербурга) каменного строительства. В 1720-х гг. ее достраивали на деньги, собранные царевной Прасковьей Ивановной и полковником Воронецким. Освящение храма состоялось в 1731 г., и еще в середине XVIII в. церковь оставалась единственным кирпичным зданием слободы. Ее капитальная перестройка велась в 1790–1792 гг. От строения тех лет ныне сохранились первый ярус колокольни и трапезная. Существующую церковь построили позднее, в 1837–1853 гг., по проекту архитектора Е. Д. Тюриня (Спартакoвская ул., 15).

Как самостоятельное селение Елохово просуществовало весьма недолго – после прокладки Камер-Коллежского вала оно включается в черту Первопрестольной и становится одной

из окраин города. Ныне о нем напоминают лишь Елоховские площадь и проезд, да один из известнейших храмов Москвы.

Л. Каравак. Императрица Елизавета Петровна

Самым восточным селением на территории этого района являлось село Покровское-Рубцово. Уже более двух столетий Покровское входит в черту Москвы, сохраняя все признаки старого района – каменные церкви, мещанские дома и купеческие фабрики. Село располагалось по обе стороны дороги, начинавшейся от церкви Богоявления в Елохове и кончавшейся Покровским мостом через Яузу. Основная магистраль села – Бакунинская улица сильно изменена современной многоэтажной застройкой. В прошлом она была частью Покровской дороги, шедшей к селу от Кремля через современные улицы Ильинка, Маросейка, Покровка, Старая Басманная и Спартаковская.

Церковь Покрова Богородицы в Покровском-Рубцове в конце XIX в.

Хотя в сохранившихся документах село впервые упоминается лишь в XVI в., можно предположить, что оно существовало как минимум двумя столетиями ранее. У видного боярина времен Дмитрия Донского Ивана Родионовича Квашни имелся внук Василий Ильич, носивший прозвище Рубец. Младший сын последнего, Александр, писался уже Рубцовым и служил новгородскому архиепископу Макарию. Вероятно, от представителей этого рода село и получило свое второе название.

Первые достоверные сведения о селе относятся к 1573 г. В это время Рубцово, находившееся в Васильцове стану, значилось вотчиной стольника Протасия Васильевича Юрьева. Его отец, боярин Василий Михайлович Юрьев, по мнению историков, был одним из инициаторов опричнины. Приходясь двоюродным братом первой жене Ивана IV Анастасии, он занял видное положение при дворе. В опричнине служил и Протасий. Но его карьера закончилась печально: в октябре 1575 г. он был казнен, обвиненный в измене. Несмотря на это, Рубцово осталось в роду Юрьевых. Согласно явочному списку 1584 г., оно принадлежало двоюродному дяде казненного Никите Романовичу Юрьеву, владельцу соседнего Измайлова. Никита Романович приходился дедом царю Михаилу Романову, и позднее село перешло в собственность царской семьи.

После Смутного времени Рубцово быстро возвышается и растет. В 1615 г. в присутствии государя Михаила Федоровича в селе освятили деревянный храм во имя Николая Чудотворца. А в 1619 г., по обету государя в память избавления Москвы от войск польского королевича Владислава, заложили каменный Покровский храм. Строительство, продолжавшееся несколько лет, было завершено к 1626 г., году свадьбы царя с Евдокией Стрешневой.

В отличие от Никольской церкви, ставшей приходской, Покровский храм вошел в царскую усадьбу. В XVII в. он получил статус собора, а его причт содержался на государственной руге. В 1657 г. здесь вел службу патриарх Никон, «собинный друг» царя Алексея Михайловича. По храму село стало именоваться Покровским-Рубцовым, а затем просто Покровским. Царская усадьба обустроивалась при царе Михаиле Федоровиче.

Государь приезжал в свою подмосковную усадьбу в основном весной и летом, часто во время охотничьего сезона. Царские «потехи» перемежались с медвежьими боями и показом диких животных. Но с 1665 г. дворцовые разряды почти не отмечают «выходов» государя в Покровское – Алексей Михайлович занимается обустройством Измайлова, часто посещает Семеновское и Преображенское. Покровское достается его сестре царевне Ирине. Она возводит на краю села деревянную церковь во имя Ирины великомученицы.

Новый расцвет усадьбы связан с императрицей Елизаветой Петровной, которая, удаленная от двора Анной Иоанновной, в молодости жила здесь со своими родственниками Скавронскими и Гендриковыми. Еще будучи принцессой, она в 1733 г. перестраивает дворец в дереве.

Став императрицей, Елизавета приглашает к работам в любимой подмосковной усадьбе крупного русского зодчего М. Г. Земцова. Последний в 1742–1743 гг. возвел одноэтажный каменный дворец с двухсветным залом, повторив прежнюю композицию. Напротив дворца, на левом берегу Рыбинского пруда, архитектор поставил роскошную деревянную церковь Воскресения (1742).

Спустя десять лет, в 1752 г., императрица заказывает новую перестройку усадьбы знаменитому Ф. Б. Растрелли, автору Зимнего дворца в Петербурге. Зодчий составляет проект надстройки и фасада. Считается, что перестройка не была осуществлена. Однако Растрелли приписывают разбивку усадебного регулярного сада (1752), а сам зодчий относил дворец к числу своих построек.

Время Екатерины II стало периодом упадка Покровской усадьбы. Императрица посещала Покровское всего несколько раз. К приезду 1763 г. у дворца соорудили катальную гору (архитектор Василий Неелов), начатую годом раньше. С конца XVIII в. усадебные земли стали сдаваться в аренду частным лицам.

Крупные предприятия стали появляться здесь уже в эпоху Петра I. В 1719 г. организуется казенный прядильный двор по изготовлению тонкой пряжи.

XIX в. превратил Покровское в заурядную московскую окраину. В большей частью деревянных домах проживали мелкие чиновники, ремесленники и торговцы. У товарной станции Рязанской железной дороги находился богатый рынок. Память о селе долгое время сохраняла главная улица, пока в 1918 г. ее не переименовали в Бакунинскую.

Таганский

Церковь Космы и Дамиана в Таганке в XIX в.

Этот современный московский район получил свое название по Таганной слободе, одной из многих расположившихся в Земляном городе, между нынешними Бульварным и садовым кольцами ремесленных слобод. Здесь жили таганники. Таганом называлась железная подставка (обруч на ножках) для котла или другой посуды, применяющаяся при варке пищи на открытом огне. В 1632 г. в слободе отмечено 93 двора. Ее центром являлась церковь Космы и Дамиана «в Таганной слободе», известная с 1625 г., хотя, судя по всему, она существовала раньше. В 1657 г. она показана деревянной, а в 1659–1662 гг. была перестроена в камне.

По преданию, ранее здесь находилось урочище Болвановка. Его место можно определить по церкви Николая Чудотворца на Болвановке, известной с 1632 г. и перестроенной в камне на рубеже XVII–XVIII вв. (Верхняя Радищевская ул., 20). По мнению П. В. Сытина, в XVII в. здесь находилась ремесленная Болвановская слобода, жители которой делали из дерева болванки для пошива мужских головных уборов. Другое объяснение связывает это название с тем, что на этих местах перед привезенными из Орды войлочными изображениями ханов – «болванами» – московские князья давали им присягу перед татарскими послами. И хотя второе объяснение ближе к истине, оно все же не соответствует действительности. В этих местах заканчивалась дорога, шедшая в Москву из Рязани и Орды, и именно здесь перед въездом в столицу останавливались восточные купцы, выплачивавшие тут необходимые таможенные и другие пошлины. Подтверждением этого является то, что летописью еще под 1380 г. упоминается проходившая здесь Болвановская дорога.

Церковь Николая Чудотворца на Болвановке, в Таганке в XIX в.

Что же касается территории Белого города, то в этой его части была известна лишь одна небольшая Певческая слобода патриарших певчих, о которой ныне напоминает лишь Певческий переулок, расположившийся между Маросейкой, Покровкой и Солянкой.

Церковь Николая Чудотворца на Болвановке, в Таганке, современный вид

Православная церковь всегда имела для исполнения богослужебного пения особых певцов при каждом храме. Помимо этого приблизительно с XV в. существовали особые митрополичьи (затем патриаршие) певчие – т. н. патриаршие певчие дьяки и поддьяки. При патриархе Филарете (по данным 1626 г.) их считалось 29 человек, а к концу XVII в. их стало уже 50. Певчие дьяки (их всегда было 10 человек) разделялись на две статьи, или станицы, по пять человек в каждой. Певчие поддьяки образовывали шесть станиц, большей частью также по пять человек. Довольно часто к ним присоединялась еще седьмая станица, состоявшая из новичков. Все певчие дьяки и поддьяки делились по возрасту на больших (или возрастных) и малых (или недоростков). Возрастным певчим позволялось вступать в брак. Обязанностью патриарших певчих являлось исполнение церковного пения при патриаршем служении. Нередко они пели в царском дворце или доме патриарха, а также на службах, заказываемых отдельными лицами.

Церковь Ильи Пророка на Воронцовом поле в XIX в.

Пожалуй, древнейшим поселением этого района являлось село Воронцово, располагавшееся на правом берегу Яузы, неподалеку от ее устья. Ныне о нем напоминает лишь название московской улицы Воронцово поле.

По весьма обоснованному предположению И. Е. Забелина, оно обязано своим происхождением роду московских бояр Воронцовых, которым и принадлежало на рубеже XIV–XV вв. Позднее оно оказалось у Андроникова монастыря. Во второй половине XV в. эти земли у обители выменял великий князь Иван III, приступивший к созданию здесь одной из своих пригородных великокняжеских резиденций. В 1504 г. он завещал своему сыну Василию среди прочих и «селцо Воронцовское на Яузе, где мой двор». Этот загородный двор упоминается и позднее, когда в 1515 г. Василий III, «приехав в Москву, летовал в Воронцове на своем дворе». Он же приказал приезжему архитектору Алевизу Фрязину возвести в селе одну из первых каменных в Москве Благовещенскую церковь, здание которой, хотя и с многими переделками, уцелело до сих пор. Впоследствии она была более известна по своему приделу во имя пророка Ильи.

Церковь Троицы в Листах в XIX в.

По соседству с Воронцовом уже в XIV в. располагался небольшой Лыщиков монастырь, в котором, по преданию, впрочем, не подтвержденному документально, принял постриг брат знаменитого Сергия Радонежского Стефан. Он упоминается в завещаниях Ивана III и его внука Ивана IV, а о его местоположении можно судить по современному Лыщикову переулку.

Колокольня церкви Живоначальной Троицы в Серебряниках

Если в XIV–XV вв. земли вблизи Яузы представляли собой обширное княжеское владение, то в XVI в. ситуация здесь меняется. Воронцово превращается в одну из многочисленных московских слобод, в которой жили стрельцы. В конце XVII в. этот район считался землей стрелецкого полка приказа Степана Стрекалова. В XVII в. она насчитывала 135 дворов. Помимо стрельцов полка Стрекалова здесь известна и другая стрелецкая слобода, о существовании которой напоминает Николоворобинский переулок, получивший свое название от фамилии стрелецкого полковника Данилы Воробина, чей полк был поселен здесь, и приходской церкви Николая Чудотворца его стрельцов. Деревянный храм документально известен с 1625 г. В 1688 г. он сгорел, но спустя два года начал строиться вновь, уже в камне, «на пожалованные из государевой казны для рождения царевича Алексея Петровича и за многие службы» стрельцам 550 руб. Освящен храм был в июне 1693 г. и простоял на этом месте вплоть до 1932 г. Недолгое время в XVII в. здесь также существовала небольшая иноземная слобода, которую населяли, по данным 1638 г., поляки и литовцы. Тогда здесь было 52 двора. Позднее, во второй половине XVII в., здесь появились грузины, которые возвели церковь Грузинской иконы Божьей Матери на Воронцовом поле (нынешний переулок Обуха когда-то именовался по ней Кривогрузинским переулком). Но постепенно стрельцы вытеснили отсюда старых жите-

лей за Язу, где образовалась Новая Воронцовская слобода (в районе нынешней одноименной улицы).

Церковь Николая Чудотворца в Кошелях, у Яузских ворот в XIX в.

Основным здесь являлось ремесленное население. Яуза была надежной преградой для пожаров, и тут поселяются ремесленники, деятельность которых так или иначе была связана с необходимостью применения огня.

Муравлений изразец XVII в.

Серебрянические переулок и набережная сохранили память о слободе серебряников, в которой жили мастера денежного Серебряного двора, именовавшегося также и Троицким, по одноименной церкви. Церковь Троицы еще долго называлась «что в Старых Серебряниках» или «что в денежных мастерах». Она упоминается в 1620 г. как деревянная, а в 1657 г. показана уже каменной.

Церковь Воскресения Христова в Гончарах, в Таганке, в XIX в.

Серебряное литье, которым славилась Москва, начинает развиваться в ней с XIV в. Об этом свидетельствует существование специальной пошлыны на серебряное литье, упоминающейся в духовной грамоте князя Владимира Андреевича Серпуховского начала XV в. Изделия московских серебряников ценились высоко. Крымский хан Менгли-Гирей в конце XV в. специально просил Ивана III прислать ему серебряные чары «доброго дела», вместимостью в два ведра, и серебряные кубки, соответствующие их размеру. «У нас так сделати мастера доброво не добыти, а у тебя, у брата моего, такие есть», – писал хан. При этом среди серебряников были не только русские, но и иностранцы.

Церковь Симеона Столпника за Яузой. Современный вид

Церковь Симеона Столпника за Яузой в XIX в.

В начале нынешней Яузской улицы когда-то стояла церковь Николая Чудотворца «в Кошелях». Это название указывает на существование здесь Кошельной слободы. В 1632 г. в ней значилось 24 двора. В литературе было высказано мнение, что тут жили мастера, выделявшие кошели для различных припасов. Утверждалось также, что слобода была заселена мельниками, изготавливавшими крупчатую «кошельную» муку, шедшую через «кошели» – мельничные рукава. Однако в действительности кошельниками назывались рыбные ловцы, точнее, люди, доставлявшие из ближайших подмосковных дворцовых сел свежую рыбу для нужд дворца. Ее они перевозили в особых «кошелях», откуда образовалось и их название. Здешняя церковь впервые названа летописью в связи с московским пожаром 1547 г. В 1657 г. она упоминается как деревянная. Каменный храм на этом месте был заложен в 1692 г., но освящен лишь в 1706 г.

Торг в Москве XVII в.

Церковь Алексея митрополита Московского в Рогожской слободе в XIX в.

Пять Котельнических переулков и набережная напоминают о Котельнической слободе, где жили котельники, изготавливавшие металлическую посуду. В отличие от кузнецов, вырабатывавших железные изделия, котельники работали с медью и оловом. Из их мастерских выходили предметы домашнего обихода: котлы «медные поваренные», блюда оловянные, а также всевозможная церковная утварь – кадила, паникадила и т. п. Поскольку месторождений своей меди в средневековой Руси не было, сырьем для котельников обычно служил медный лом. Слобода была небольшой – в 1632 г. в ней значилось всего 7 дворов. Но в 1654 г. среди владельцев здешних дворов уже не было ни одного котельника. Их приходским храмом была церковь Николая Чудотворца, «что в Котельниках», известная с 1625 г. В 1657 г. она значится уже каменной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.